Владиміръ Соловьевъ.

ТРИ РАЗГОВОРА

О ВОЙНѢ, ПРОГРЕССѢ И КОНЦѢ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ, СО ВКЛЮЧЕНІЕМЪ КРАТКОЙ ПОВѢСТИ ОБЪ АНТИХРИСТѢ И СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

6548.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Съ портретомъ автора.

I-B

Изданіе С.-Петербургскаго Т-ва Печатн. и Изд. дѣла „ТРУДЪ“.
С.-Петербургъ, Фонтанка, 86.
1904.

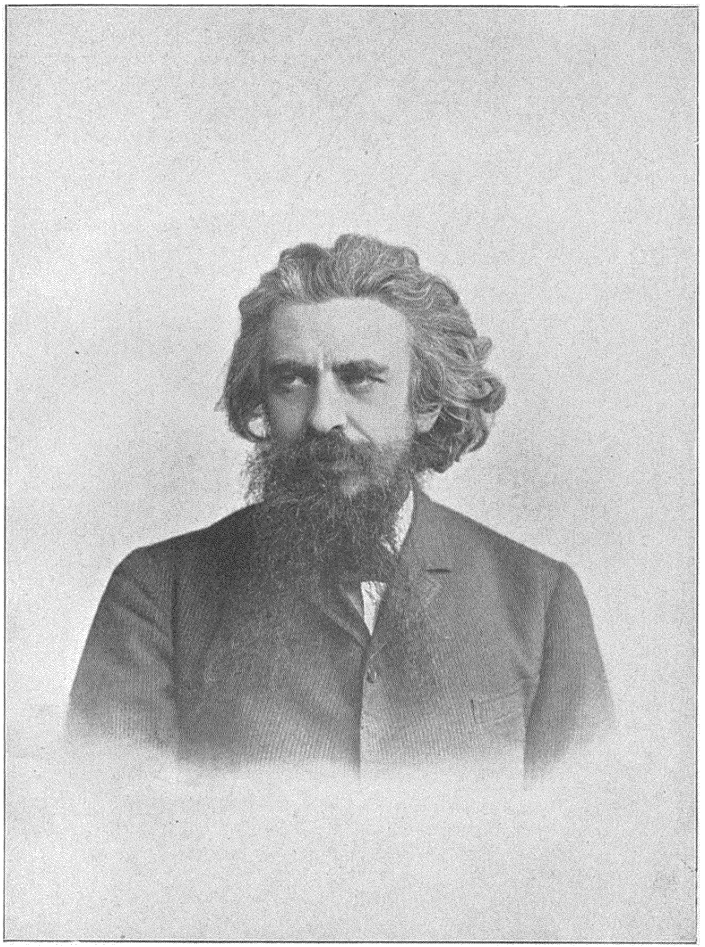
B 4483

Пров. 1859

Пр.

ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ.

311
36



Alfred Cornwall

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . VII—XXII
Разговоръ первый 3
Разговоръ второй 43
Разговоръ третій 101
Краткая повѣсть объ антихристѣ 151

Приложенія:

Немезида 199
Россія черезъ сто лѣтъ 221
О соблазнахъ 229
Словесность или истина? 235

Семь пасхальныхъ писемъ:

I. Христосъ Воскресъ! 241
II. О добросовѣстномъ невѣріи 247
III. Женскій вопросъ 252
IV. Восточный вопросъ. 256
V. Два потока 261
VI. Слѣпота и ослѣпленіе 269
VII. Значеніе догмата. 274

Посвящается

ушедшимъ друзьямъ раннихъ лѣтъ

Николаю Михайловичу

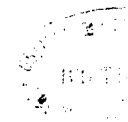
Лопатину

и

Александру Александровичу

Соколову.

ПРЕДИСЛОВІЕ.



Есть ли *зло* только естественный *недостатокъ*, несовершенство, само собой исчезающее съ ростомъ добра, или оно есть дѣйствительная *сила*, посредствомъ соблазновъ *владѣющая* нашимъ міромъ, такъ что для успѣшной борьбы съ нею нужно имѣть точку опоры въ иномъ порядкѣ бытія? Этотъ жизненный вопросъ можетъ отчетливо изслѣдоваться и рѣшаться лишь въ цѣлой метафизической системѣ. Начавъ работать надъ этимъ для тѣхъ, кто способенъ и склоненъ къ умозрѣнію *), я, однако, чувствовалъ, насколько вопросъ о злѣ важенъ для всѣхъ. Около двухъ лѣтъ тому назадъ особая перемѣна въ душевномъ настроеніи, о которой здѣсь нѣтъ надобности распространяться, вызвала во мнѣ сильное и устойчивое желаніе освѣтить наглядным и общедо-

*) *Приступъ* къ этому труду напечатанъ мною въ трехъ первыхъ главахъ *теоретической философіи* («Вопросы философіи и психологіи» 1897, 1898 и 1899 гг.).

ступнымъ образомъ тѣ главныя стороны въ вопросѣ о злѣ, которыя должны затрагивать всякаго. Долго я не находилъ удобной формы для исполненія своего замысла. Но весною 1899 года, за границей, разомъ сложился и въ нѣсколько дней написанъ первый разговоръ объ этомъ предметѣ, а затѣмъ, по возвращеніи въ Россію, написаны и два другіе діалога. Такъ, сама собою явилась эта словесная форма, какъ простѣйшее выраженіе для того, что я хотѣлъ сказать. Этою формою случайнаго свѣтскаго разговора уже достаточно ясно указывается, что здѣсь не нужно искать ни научно-философскаго изслѣдованія, ни религіозной проповѣди. Моя задача здѣсь скорѣе апологетическая и полемическая: я хотѣлъ, насколько могъ, ярко выставить связанныя съ вопросомъ о злѣ жизненныя стороны христіанской истины, на которыя съ разныхъ сторонъ напускается туманъ особенно въ послѣднее время.

Много лѣтъ тому назадъ прочелъ я извѣстіе о новой религіи, возникшей гдѣ-то въ восточныхъ губерніяхъ. Эта религія, послѣдователи которой назывались *вертидырниками*, или *дыромоляями*, состояла въ томъ, что, просверливъ въ какомънибудь темномъ углу въ стѣнѣ избы дыру средней величины, эти люди прикладывали къ ней губы и много разъ настойчиво повторяли: *изба моя, дыра моя, спаси меня!*—Никогда еще, кажется, предметъ богопочитанія не достигалъ такой крайней степени упрощенія. Но если обого-

твореніе обыкновенной крестьянской избы и простого, человѣческими руками сдѣланнаго отверстія въ ея стѣнѣ, есть явное заблужденіе, то должно сказать, что это было заблужденіе правдивое: эти люди дико безумствовали, но никого не вводили въ заблужденіе: про избу они такъ и говорили *изба*, и мѣсто, просверленное въ ея стѣнѣ, справедливо называли *дырой*.

Но религія дыромоляевъ скоро испытала «эволюцію» и подверглась «трансформаціи». И въ новомъ своемъ видѣ она сохранила прежнюю слабость религіозной мысли и узость философскихъ интересовъ, прежній приземистый реализмъ, но утратила прежнюю правдивость: своя изба получила теперь названіе «царства Божія *на землѣ*», а дыра стала называться «новымъ евангеліемъ», и, что всего хуже, различіе между этимъ мнимымъ евангеліемъ и настоящимъ, различіе совершенно такое же, какъ между просверленною въ бревнѣ дырой, и живымъ и цѣлымъ деревомъ, — это существенное различіе новые евангелисты всячески старались и замолчать и заговорить.

Я, конечно, не утверждаю прямо исторической, или «генетической» связи между первоначальною сектой дыромоляевъ и проповѣдью мнимаго царства Божія и мнимаго евангелія. Это и не важно для моего простого намѣренія: наглядно показать существенное тождество двухъ «ученій»,—съ тѣмъ нравственнымъ различіемъ, которое я отмѣтилъ. А тождество здѣсь—въ чистой

отрицательности и безсодержательности обоихъ «міровоззрѣній». Хотя «интеллигентные» дыромоляи и называютъ себя не дыромоляями, а христіанами, и проповѣдь свою называютъ евангеліемъ, но христіанство безъ Христа—и евангеліе, то есть *благая вѣсть*, безъ того *блага*, о которомъ стоило бы возвѣщать, именно безъ дѣйствительнаго воскресенія въ полноту блаженной жизни,—есть такое же *пустое мѣсто*, какъ и обыкновенная дыра, просверленная въ крестьянской избѣ.—Обо всемъ этомъ можно было бы и не говорить, если бы надъ раціоналистическою дырой не ставилось поддѣльнаго христіанскаго флага, соблазняющаго и сбивающаго съ толку множество малыхъ сихъ. Когда люди, думающіе и потихоньку утверждающіе, что Христосъ *устарѣлъ*, *превзойденъ*, или что его вовсе не было, что это—миѳъ, выдуманный апостоломъ Павломъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ упорно продолжаютъ называть себя «истинными христіанами» и проповѣдь своего пустого мѣста прикрывать переиначенными евангельскими словами, тутъ уже равнодушіе и снисходительное пренебреженіе болѣе не у мѣста: въ виду зараженія нравственной атмосферы систематическою ложью общественная совѣсть громко требуетъ, чтобы дурное дѣло было названо своимъ настоящимъ именемъ. Истинная задача полемики здѣсь—*не опроверженіе мнимой религіи, а обнаруженіе дѣйствительнаго обмана.*

Этотъ обманъ не имѣетъ извиненія. Между мною, какъ авторомъ трехъ сочиненій, запрещен-

ныхъ духовною цензурою, и этими издателями многихъ заграничныхъ книгъ, брошюръ и листковъ, не можетъ быть серьезнаго вопроса о внѣшнихъ препятствіяхъ для полной откровенности по этимъ предметамъ. Остающіяся у насъ ограниченія религіозной свободы — одна изъ самыхъ большихъ для меня сердечныхъ болей, потому что я вижу и чувствую, насколько всѣ эти внѣшнія стѣсненія вредны и тягостны не только для тѣхъ, кто имъ подвергается, но главнымъ образомъ для христіанскаго дѣла въ Россіи, а слѣдовательно, для русскаго народа, а слѣдовательно, и для русскаго государства.

Но никакое внѣшнее положеніе не можетъ помѣшать убѣжденному и добросовѣстному человѣку высказать до конца свое убѣжденіе. Нельзя это сдѣлать дома,—можно за границей, да и кто же болѣе проповѣдниковъ мнимаго евангелія пользуется этою возможностью, когда дѣло идетъ о *прикладныхъ* вопросахъ политики и религіи? А по главному, принципіальному вопросу для воздержанія отъ неискренности и фальши не нужно и за границу ѣхать,—вѣдь никакая русская цензура не требуетъ заявлять такія убѣжденія, которыхъ не имѣешь, притворяться вѣрящимъ въ то, во что не вѣришь, любящимъ и чтущимъ то, что презираешь и ненавидишь. Чтобы держать себя добросовѣстно, по отношенію къ извѣстному историческому Лицу и Его дѣлу, отъ проповѣдниковъ пустоты требовалось въ Россіи только одно: умалчивать объ этомъ Лицѣ, «игнорировать» Его. Но какая

странность! Эти люди не хотятъ пользоваться по этому предмету ни свободой молчанія у себя дома, ни свободой слова за границей. И здѣсь, и тамъ они предпочитаютъ наружно примыкать къ Христову евангелію; и здѣсь и тамъ они не хотятъ ни прямо — рѣшительнымъ словомъ, ни косвенно — краснорѣчивымъ умолчаніемъ, правдиво показать свое настоящее отношеніе къ Основателю христіанства, именно, что Онъ имъ совсѣмъ чуждъ, ни на что не нуженъ и составляетъ для нихъ только помѣху.

Съ ихъ точки зрѣнія то, что они проповѣдуютъ, *само по себѣ* понятно, желательно и спасительно для всякаго. Ихъ «истина» держится сама на себѣ, и если извѣстное историческое лицо съ нею согласно, тѣмъ лучше для него, но это никакъ еще не можетъ дать ему значеніе высшаго авторитета для нихъ, особенно когда то-же самое лицо говорило и дѣлало много такого, что для нихъ есть и «соблазнъ», и «безуміе».

Если даже по немощи человѣческой эти люди испытываютъ неодолимую потребность опереть свои убѣжденія, кромѣ собственнаго «разума», на какой-нибудь историческій авторитетъ, то отчего бы имъ не поискать въ исторіи *другого*, болѣе для нихъ подходящаго? Да и есть такой давно готовый — основатель широко-распространенной буддійской религіи. Онъ вѣдь дѣйствительно проповѣдывалъ то, что имъ нужно: непротивленіе, безстрастіе, не-дѣланіе, трезвость и т. д., и ему удалось даже *безъ мученичества* «сдѣлать блестя-

щую карьеру» *) для своей религіи, священныя книги буддистовъ дѣйствительно возвѣщаютъ *пустоту* и для полнаго ихъ согласованія съ новою проповѣдью того же предмета потребовалось бы только детальное упрощеніе; напротивъ того, Священное Писаніе евреевъ и христіанъ наполнено и насквозь проникнуто положительнымъ духовнымъ содержаніемъ, отрицающимъ и древнюю и новую пустоту и чтобы привязать ея проповѣдь къ какому нибудь евангельскому или пророческому изреченію, необходимо всѣми неправдами разорвать связь этого изреченія и съ цѣлою книгой и съ ближайшимъ контекстомъ, — тогда какъ буддійскія *сутты* даютъ сплошными массами подходящія поученія и легенды, и ничего нѣтъ въ этихъ книгахъ по существу или по духу противнаго новой проповѣди. Замѣнивъ для нея «галилейскаго раввина» отшельникомъ изъ рода шакьевъ, мнимые христіане ничего дѣйствительнаго не потеряли бы, а выиграли бы нѣчто очень важное,— по крайней мѣрѣ на мой взглядъ,—возможность быть и при заблужденіи добросовѣстно мыслящими и въ нѣкоторой мѣрѣ послѣдовательными. Но они этого не захотятъ...

Безсодержательность вѣроученія новой «религіи» и ея логическія противорѣчія слишкомъ бросаются въ глаза, и съ этой стороны мнѣ пришлось только (въ третьемъ разговорѣ) представить краткій, но полный перечень положеній, очевид-

*) Выраженіе—не мое.

но уничтожающихъ другъ друга и едва ли прельщающихъ кого-нибудь внѣ такого отпѣтаго типа, какъ мой *князь*. Но если бы мнѣ удалось раскрыть чьи нибудь глаза на другую сторону дѣла и дать почувствовать иной обманувшейся, но живой душѣ всю нравственную фальшь этого мертвящаго ученія въ его совокупности — полемическая цѣль этой книжки была бы достигнута.

Впрочемъ, я глубоко убѣжденъ, что слово обличенія неправды, до конца договоренное, если бы оно и совсѣмъ ни на кого сейчасъ же не произвело добраго дѣйствія, все-таки есть, сверхъ субъективнаго исполненія нравственнаго долга для говорящаго, еще и духовно-ощутительная санитарная мѣра въ жизни цѣлаго общества, существенно полезная ему и въ настоящемъ и для будущаго.

Съ полемическою задачею этихъ діалоговъ связана у меня положительная: представить вопросъ о борьбѣ противъ зла и о смыслѣ исторіи — съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія, изъ которыхъ одна, религіозно-бытовая, принадлежащая прошедшему, выступаетъ особенно въ первомъ разговорѣ, въ рѣчахъ *генерала*; другая, культурно-прогрессивная, господствующая въ настоящее время, высказывается и защищается *политикомъ* особенно во второмъ разговорѣ, и третья, безусловно-религіозная, которой еще предстоитъ проявить свое рѣшающее значеніе въ будущемъ, указана въ третьемъ разговорѣ въ разсужденіяхъ

г. Z. и въ повѣсти отца Пансофія. Хотя самъ я окончательно стою на послѣдней точкѣ зрѣнія, но признаю относительную правду и за двумя первыми и потому могъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ передавать противоположныя разсужденія и заявленія *политика* и *генерала*. Высшая безусловная истина не исключаетъ и не отрицаетъ предварительныхъ условій своего проявленія, а оправдываетъ, осмысливаетъ и освящаетъ ихъ. Если съ извѣстной точки зрѣнія всемірная исторія есть всемірный судъ Божій—die Weltgeschichte ist das Weltgericht—то, вѣдь, въ понятіе такого суда входитъ долгая и сложная *тяжба* (процессъ) между добрыми и злыми историческими силами, а эта тяжба для окончательнаго рѣшенія съ одинаковою необходимостью предполагаетъ и напряженную борьбу за существованіе между этими силами и наибольшее ихъ внутреннее, слѣдовательно, мирное развитіе въ общей культурной средѣ. Поэтому и *генералъ* и *политикъ* передъ свѣтомъ высшей истины оба правы, и я совершенно искренно становился на точку зрѣнія и того и другого. Безусловно неправо только само начало зла и лжи, а не такіе способы борьбы съ нимъ, какъ мечъ воина, или перо дипломата: эти *орудія* должны оцѣниваться по своей дѣйствительной цѣлесообразности въ данныхъ условіяхъ, и каждый разъ то изъ нихъ лучше, котораго приложеніе умѣстнѣе, то есть успѣшнѣе служитъ добру. И св. Алексій митрополитъ, когда мирно предстательствовалъ

за русскихъ князей въ Ордѣ, и Сергій преподобный, когда благословилъ оружіе Дмитрія Донского противъ той же орды—были одинаково служителями одного и того же добра,—многочастнаго и многообразнаго (см. приложенія).

Эти «разговоры» о злѣ, о военной и мирной борьбѣ съ нимъ должны были закончиться опредѣленнымъ указаніемъ на послѣднее, крайнее проявленіе зла въ исторіи, представленіемъ его краткаго торжества и рѣшительнаго паденія. Первоначально этотъ предметъ былъ мною изложенъ въ той же разговорной формѣ, какъ и все предыдущее, и съ такою же примѣсью шутки. Но дружеская критика убѣдила меня, что такой способъ изложенія здѣсь вдвойнѣ неудобенъ; во-первыхъ, потому что требуемые діалогомъ перерывы и вставочныя замѣчанія мѣшаютъ возбужденному интересу разсказа, а во-вторыхъ потому, что житейскій, и въ особенности шутливый тонъ разговора не соотвѣтствуетъ религіозному значенію предмета. Найдя это справедливымъ, я измѣнилъ редакцію третьяго разговора, вставивъ въ него сплошное чтеніе «краткой повѣсти объ антихристѣ» изъ рукописи умершаго монаха. Эта повѣсть (предварительно прочтенная мною публично) вызвала и въ обществѣ, и въ печати немало недоумѣній и перетолкованій, главная причина которыхъ очень проста: недо-

статочное знакомство у насъ съ показаніями Слова Божія и церковнаго преданія объ антихристѣ.

Внутреннее значеніе антихриста, какъ религіознаго самозванца, «хищеніемъ», а не духовнымъ подвигомъ добывающаго себѣ достоинство Сына Божія, связь его съ лжепророкомъ-тавматургомъ, обольщающимъ людей дѣйствительными и ложными чудесами, темное и спеціальное грѣховное происхожденіе самого антихриста, дѣйствіемъ злой силы пріобрѣтающаго свое внѣшнее положеніе всемірнаго монарха, общій ходъ и конецъ его дѣятельности, вмѣстѣ съ нѣкоторыми частными чертами, характерными для него и для его лже-пророка, напримѣръ «сведеніе огня съ неба», убіеніе двухъ свидѣтелей Христовыхъ, выставленіе ихъ тѣлъ на улицахъ Іерусалима и т. д.—все это находится въ Словѣ Божіемъ и въ древнѣйшемъ преданіи. Для связи событій, а также для наглядности разсказа требовались подробности или основанныя на историческихъ соображеніяхъ, или подсказанныя воображеніемъ. Чертамъ послѣдняго рода—каковы полу-спиритическія, полу-фокусническія продѣлки всемірнаго мага съ подземными голосами, съ фейерверкомъ и т. п.,—я, разумѣется, не придавалъ серьезнаго значенія и, кажется, въ правѣ былъ ждать отъ «критиковъ» своихъ такого же отношенія къ этому предмету. Что касается до другого, весьма существеннаго—характеристики трехъ олицетворенныхъ исповѣданій

на вселенскомъ соборѣ,—она могла быть замѣчена и оцѣнена лишь тѣми, кто не чуждъ церковной исторіи и жизни.

Данный въ Откровеніи характеръ лже-пророка и прямо указанное тамъ назначеніе его—морочить людей въ пользу антихриста—требуютъ приписать ему всякія продѣлки колдовского и фокусническаго свойства. Достовѣрно извѣстно, dass sein Hauptwerk ein Feuerwerk sein wird: «и творитъ знаменія великія, такъ что и *огонь* заставляетъ нисходить съ неба на землю передъ лицомъ людей» (Апокал. XIII, 13). Магическая и механическая техника этого дѣла не можетъ быть намъ заранѣе извѣстна, и можно только быть увѣреннымъ, что черезъ два или три вѣка она уйдетъ очень далеко отъ теперешней, а что̀ именно при такомъ прогрессѣ возможно будетъ для такого чудодѣя,—объ этомъ я не берусь судить. Нѣкоторыя конкретныя черты и подробности моей повѣсти допущены только въ смыслѣ наглядныхъ поясненій къ существеннымъ и достовѣрнымъ отношеніямъ, чтобы не оставлять ихъ голыми схемами.

Во всемъ томъ, что говорится у меня о панмонголизмѣ и азіатскомъ нашествіи на Европу, также слѣдуетъ различать существенное отъ подробностей. Но и самый главный фактъ здѣсь не имѣетъ, конечно, той безусловной достовѣрности, какая принадлежитъ будущему явленію и судьбѣ антихриста и его лже-пророка. Въ исторіи монгольско-европейскихъ отношеній ничто не

взято прямо изъ св. писанія, хотя многое имѣетъ здѣсь достаточно точекъ опоры. Въ общемъ эта исторія есть рядъ, основанныхъ на фактическихъ данныхъ, соображеній вѣроятности. Лично я думаю, что эта вѣроятность близка къ достовѣрности, и не одному мнѣ такъ кажется, а и другимъ болѣе важнымъ лицамъ... Для связности повѣствованія пришлось придать этимъ соображеніямъ о грядущей монгольской грозѣ разныя подробности, за которыя я, разумѣется, не стою и которыми старался не злоупотреблять. Важно для меня было реальнѣе опредѣлить предстоящее страшное столкновеніе двухъ міровъ—и тѣмъ самымъ наглядно пояснить настоятельную необходимость мира и искренней дружбы между европейскими націями.

Если прекращеніе войны *вообще* я считаю невозможнымъ раньше окончательной катастрофы, то въ тѣснѣйшемъ сближеніи и мирномъ сотрудничествѣ всѣхъ *христіанскихъ* народовъ и государствъ, я вижу, не только возможный, но необходимый и нравственно обязательный путь спасенія для христіанскаго міра отъ поглощенія его низшими стихіями.

Чтобы не удлинять и не осложнять своего разсказа, я выпустилъ изъ текста разговоровъ другое предвидѣніе, о которомъ скажу здѣсь два слова. Мнѣ кажется, что успѣхъ панмонголизма будетъ заранѣе облегченъ тою упорною и изнурительною борьбою, которую нѣкоторымъ европейскимъ государствамъ придется выдержать про-

тивъ пробудившагося Ислама въ западной Азіи, сѣверной и средней Африкѣ. Большую, чѣмъ обыкновенно думаютъ, роль играетъ здѣсь тайная и неустанная дѣятельность религіозно-политическаго братства *Сенусси* имѣющаго для движеній современнаго мусульманства такое же руководящее значеніе, какое въ движеніяхъ буддійскаго міра принадлежитъ тибетскому братству *Келановъ* въ Хлассѣ съ его индійскими, китайскими и японскими развѣтвленіями. Я далекъ отъ безусловной вражды къ буддизму и тѣмъ болѣе къ Исламу, но отводить глаза отъ существующаго и грядущаго положенія дѣлъ—слишкомъ много охотниковъ и безъ меня *).

Историческимъ силамъ, царящимъ надъ массой человѣчества, еще предстоитъ столкнуться и перемѣшаться, прежде чѣмъ на этомъ раздирающемъ себя звѣрѣ выростетъ новая голова—всемірно-объединяющая власть антихриста, который «будетъ говорить громкія и высокія слова» и набросить блестящій покровъ добра и правды на тайну крайняго беззаконія въ пору ея конечнаго проявленія, чтобы—по слову Писанія—даже

*) Кстати. Мнѣ продолжаютъ приписывать враждебно-обличительныя сочиненія противъ основательницы нео-буддизма, покойной Е. П. Блавацкой. Въ виду этого считаю нужнымъ заявить, что я съ нею никогда не встрѣчался, никакими изслѣдованіями и обличеніями ея личности и производившихся ею явленій не занимался и ничего объ этомъ никогда не печаталъ (что касается до «Теософскаго Общества» и его ученія см. мою замѣтку въ Венгерова и рецензію на книгу Блавацкой «Key to the Secret doctrine», въ Русскомъ Обозрѣніи).

и избранныхъ, если возможно, соблазнить къ великому отступленію. Показать заранѣе эту обманчивую личину, подъ которой скрывается злая бездна, было моимъ высшимъ замысломъ, когда я писалъ эту книжку.

Къ тремъ разговорамъ я прибавилъ рядъ небольшихъ статей, напечатанныхъ въ 1897 и 1898 гг. (въ газетѣ *Русь*). Нѣкоторыя изъ этихъ статей принадлежатъ къ наиболѣе удачному, что когда либо мною написано. По содержанію же своему онѣ дополняютъ и поясняютъ главныя мысли трехъ разговоровъ.

Въ заключеніе я долженъ выразить сердечную признательность А. П. Саломону, исправившему и дополнившему мои представленія о топографіи современнаго Іерусалима, Н. А. Вельяминову, разсказавшему мнѣ про видѣнную имъ въ 1877 г. башибузуцкую «кухню», и М. М. Бибикову, внимательно разобравшему разсказъ генерала въ первомъ разговорѣ и указавшему на ошибки по части военной техники, которыя теперь мною и исправлены.

Разнообразные недостатки и въ этомъ исправленномъ изложеніи достаточно мнѣ чувствительны, но ощутителенъ и не такъ уже далекій образъ блѣдной смерти, тихо совѣтующій не откладывать печатаніе этой книжки на неопредѣленные и необезпеченные сроки. Если мнѣ дано будетъ время для новыхъ трудовъ, то и для усовершен-

ствованія прежнихъ. А нѣтъ—указаніе на предстоящій историческій исходъ нравственной борьбы сдѣлано мною въ достаточно ясныхъ, хотя и краткихъ чертахъ, и я выпускаю теперь этотъ малый трудъ съ благодарнымъ чувствомъ исполненнаго нравственнаго долга *).

Владиміръ Соловьевъ.

Свѣтлое Воскресеніе 1900 г.

---

*) Предисловіе это было помѣщено въ первоначальномъ видѣ въ газетѣ «Россія» подъ названіемъ «О поддѣльномъ добрѣ». Выпуская «Три разговора» отдѣльною книгою, В. С. Соловьевъ сдѣлалъ въ немъ значительныя поправки; но роковымъ образомъ одна изъ этихъ поправокъ оказалась ненужной, а именно, по совѣту друзей, вычеркнуты были слова, имѣвшія, казалось, черезчуръ личный характеръ:..... *„ощутителенъ и не такъ уже далекій образъ блѣдной смерти, тихо совѣтующій не откладывать“* и проч. Слова эти, слишкомъ скоро оправдавшіяся, должны остаться и въ исправленномъ текстѣ.

М. С. Соловьевъ.

ТРИ РАЗГОВОРА.

Въ саду однойизъ тѣхъ виллъ, что, тѣснясь у подножія Альпъ, глядятся въ лазурную глубину Средиземнаго моря, случайно сошлись этою весною пятеро русскихъ: старый боевой *генералъ*; „мужъ совѣта“, отдыхающій отъ теоретическихъ и практическихъ занятій государственными дѣлами,—я буду называть его *политикомъ*; молодой *князь*, моралистъ и народникъ, издающій разныя болѣе или менѣе хорошія брошюры по нравственнымъ и общественнымъ вопросамъ; дама среднихъ лѣтъ, любопытная ко всему человѣческому; и еще одинъ господинъ неопредѣленнаго возраста и общественнаго положенія,—назовемъ его г. *Z*. Я безмолвно присутствовалъ при ихъ бесѣдахъ; нѣкоторыя показались мнѣ занимательными, и я тогда-же по свѣжей памяти записалъ ихъ. Первый разговоръ начался въ мое отсутствіе, по поводу какой-то газетной статьи или брошюры насчетъ того литературнаго похода противъ войны и военной службы, что по слѣдамъ гр. Толстого ведется нынѣ баронессою Зуттнеръ и м-ромъ Стэдомъ. „Политикъ“ на вопросъ дамы, что онъ думаетъ объ этомъ движеніи, назвалъ его благонамѣреннымъ и полезнымъ; генералъ вдругъ на это разсердился и сталъ злобно глумиться надъ

тѣми тремя писателями, называя ихъ истинными столпами государственной премудрости, путеводнымъ созвѣздіемъ на политическомъ небосклонѣ и даже тремя китами русской земли, на что политикъ замѣтилъ: ну и другія *рыбы* найдутся. Это привело почему-то въ восхищеніе г. Z., который заставилъ, по его словамъ, обоихъ противниковъ единомысленно исповѣдать, что они дѣйствительно считаютъ кита за рыбу, и даже будто-бы дать сообща опредѣленіе тому, что такое рыба, а именно: животное, принадлежащее частью къ морскому вѣдомству, частью-же къ департаменту водяныхъ сообщеній. Думаю, впрочемъ, что это выдумалъ самъ г. Z. Какъ-бы то ни было, мнѣ не удалось возстановить какъ слѣдуетъ начало разговора. Сочинять изъ своей головы по образцу Платона и его подражателей я не рѣшился и началъ свою запись съ тѣхъ словъ генерала, которыя услышалъ, подходя къ бесѣдующимъ.

РАЗГОВОРЪ ПЕРВЫЙ.

„Audiatur et *prima* pars".

Генералъ (*взволнованный, говоритъ, вставая и снова садясь и съ быстрыми жестами*). Нѣтъ, позвольте! Скажите мнѣ только одно: существуетъ теперь или нѣтъ *христолюбивое и достославное россійское воинство?* Да или нѣтъ?

Политикъ (*растянувшись на шэзъ-лонгѣ, говоритъ тономъ, напоминающимъ нѣчто среднее между беззаботными богами Эпикура, прусскимъ полковникомъ и Вольтеромъ*). Существуетъ-ли русская армія? Очевидно существуетъ. Развѣ вы слышали, что она упразднена?

Генералъ. Ну, не притворяйтесь-же! Вы отлично понимаете, что я не про это говорю. Я спрашиваю, имѣю-ли я теперь право попрежнему почитать существующую армію за достославное христолюбивое воинство, или это названіе уже болѣе не годится и должно быть замѣнено другимъ?

Политикъ. Э... такъ вотъ вы о чемъ безпокоитесь! Ну, съ этимъ вопросомъ вы не туда адресовались: обратитесь лучше въ департаментъ герольдіи—тамъ вѣдь разными титулами завѣдуютъ.

Г-нъ Z. (*говоритъ, какъ-будто съ затаенною*

мыслью). А департаментъ герольдіи на такой запросъ генерала отвѣтитъ, вѣроятно, что употребленіе прежнихъ титуловъ закономъ не возбраняется. Развѣ послѣдній принцъ Лузиньянъ не назывался безпрепятственно королемъ Кипрскимъ, хотя онъ не то что Кипромъ управлять, а и вина-то кипрскаго пить не могъ по своему тѣлесному и имущественному состоянію? Такъ почему-же и современной арміи не титуловаться христолюбивымъ воинствомъ?

Генералъ. Титуловаться! Такъ бѣлое и черное—титулъ? Сладкое и горькое—титулъ? Герой и подлецъ—титулъ?

Г-нъ Z. Да вѣдь я это не отъ себя, а отъ лица мужей, блюдущихъ законы.

Дама (*къ политику*). Зачѣмъ вы останавливаетесь на выраженіяхъ? Навѣрное генералъ хотѣлъ что-нибудь сказать своимъ „христолюбивымъ воинствомъ“.

Генералъ. Благодарю васъ. Я хотѣлъ и хочу сказать вотъ что. Споконъ вѣковъ и до вчерашняго дня всякій военный человѣкъ,—солдатъ или фельдмаршалъ, все равно, — зналъ и чувствовалъ, что онъ служитъ дѣлу важному и хорошему,—не полезному *только*, или нужному, какъ полезна, напримѣръ, ассенизація, или стирка бѣлья, а въ высокомъ смыслѣ хорошему, благородному, почетному дѣлу, которому всегда служили самые лучшіе, первѣйшіе люди, вожди народовъ, герои. Это наше дѣло всегда освящалось и возвеличивалось въ церквахъ, прославлялось всеобщею молвою. И вотъ въ одно прекрасное утро мы вдругъ узнаемъ, что все это намъ нужно забыть, и что мы должны понимать себя и свое мѣсто на свѣтѣ Божіемъ—въ

обратномъ смыслѣ. Дѣло, которому мы служили и гордились, что служимъ, объявлено дѣломъ дурнымъ и пагубнымъ, оно противно, оказывается, Божьимъ заповѣдямъ и человѣческимъ чувствамъ, оно есть ужаснѣйшее зло и бѣдствіе, всѣ народы должны противъ него соединиться, и его окончательное уничтоженіе есть только вопросъ времени.

Князь. Неужели вы, однако, раньше не слыхали никакихъ голосовъ, осуждающихъ войну и военную службу, какъ остатокъ древняго людоѣдства?

Генералъ. Ну, какъ не слыхать? И слыхалъ, и читалъ на разныхъ языкахъ! Но вѣдь всѣ эти ваши голоса были для нашего брата—извините за откровенность—не изъ тучи громъ: услышалъ и забылъ. Ну, а теперь дѣло совсѣмъ другого рода: мимо не пройдешь. Такъ вотъ я и спрашиваю, какъ намъ теперь быть? Чѣмъ я, т.-е. всякій военный, долженъ себя почитать и какъ на самого себя смотрѣть: какъ на настоящаго человѣка, или какъ на изверга естества? Долженъ-ли я себя уважать за свою посильную службу доброму и важному дѣлу, или ужасаться этого своего дѣла, каяться въ немъ и смиренно умолять всякаго штатскаго простить мнѣ мое профессіональное окаянство?

Политикъ. Что за фантастическая постановка вопроса! Какъ-будто отъ васъ стали требовать чего-то особеннаго. Новыя требованія обращены не къ вамъ, а къ дипломатамъ и другимъ „штатскимъ“, которые очень мало интересуются вашимъ „окаянствомъ“, какъ и вашею „христолюбивостью“. А къ вамъ, какъ прежде, такъ и теперь, — только одно требованіе: исполнять безпрекословно приказанія начальства.

Генералъ. Ну, такъ какъ вы не интересуетесь военнымъ дѣломъ, то натурально и имѣете о немъ, по вашему выраженію, „фантастическое“ представленіе. Вы не знаете, какъ видно, и того, что въ извѣстныхъ случаяхъ приказаніе начальства только въ томъ и состоитъ, чтобы не ждать и не спрашивать его приказаній.

Политикъ. А именно?

Генералъ. А именно, представьте себѣ, напримѣръ, что я волею начальства поставленъ во главѣ цѣлаго военнаго округа. Значитъ, мнѣ тѣмъ самымъ приказано всячески руководить ввѣренными мнѣ войсками, поддерживать и укрѣплять въ нихъ извѣстный образъ мыслей, дѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи на ихъ волю, настраивать на извѣстный ладъ ихъ чувства, однимъ словомъ, воспитывать ихъ, такъ сказать, въ смыслѣ ихъ назначенія. Прекрасно. Для этой цѣли мнѣ предоставлено, между прочимъ, отдавать по войскамъ моего округа общіе приказы отъ моего имени и подъ моею личною отвѣтственностью. Ну, такъ если-бы я отнесся къ высшему начальству съ тѣмъ, чтобы оно диктовало мнѣ мои приказы, или хоть предписывало, въ какомъ направленіи мнѣ ихъ писать, такъ развѣ не получилъ-бы я на это въ первый разъ „стараго дурака“, а во второй—чистой отставки? Это значитъ, что я самъ долженъ дѣйствовать на свои войска въ извѣстномъ духѣ, который, предполагается, заранѣе и разъ навсегда одобренъ и утвержденъ высшимъ начальствомъ, такъ что и спрашивать объ этомъ было-бы или глупостью, или дерзостью. А вотъ теперь-то этотъ самый „извѣстный духъ“, который былъ въ сущ-

ности одинъ и тотъ-же отъ Саргона и Ассурбанипала до Вильгельма II, — онъ-то вдругъ и оказывается подъ сомнѣніемъ. До вчерашняго дня я зналъ, что я долженъ поддерживать и укрѣплять въ своихъ войскахъ не другой какой-нибудь, а именно *боевой* духъ,—готовность каждаго солдата бить враговъ и самому быть убитому, — для чего непремѣнно нужна полная увѣренность въ томъ, что война есть дѣло святое. И вотъ у этой-то увѣренности отнимается ея основаніе, военное дѣло лишается своей, какъ это говорятъ по-ученому,— „нравственно-религіозной санкціи".

Политикъ. Это все ужасно преувеличено. Никакого такого радикальнаго переворота во взглядахъ не замѣчается. Съ одной стороны, и прежде всегда всѣ знали, что война есть зло, и что чѣмъ меньше ея, тѣмъ лучше, а съ другой стороны, всѣ серьезные люди и теперь понимаютъ, что это есть такого рода зло, котораго полное устраненіе въ настоящее время еще невозможно. Значитъ дѣло идетъ не объ уничтоженіи войны, а объ ея постепенномъ и, можетъ быть, медленномъ введеніи въ тѣснѣйшія границы. А принципіальный взглядъ на войну остается тотъ-же, что и былъ всегда: неизбѣжное зло, бѣдствіе, терпимое въ крайнихъ случаяхъ?

Генералъ. И только-то?

Политикъ. Только.

Генералъ (*вскакивая съ мѣста*). А что вы въ святцы заглядывали когда-нибудь?

Политикъ. То-есть въ календарь? Приходилось справляться, напримѣръ, насчетъ именинницъ и именинниковъ.

Генералъ. А замѣтили вы, какіе тамъ святые помѣщены?

Политикъ. Святые бываютъ разные.

Генералъ. Но какого званія?

Политикъ. И званія разнаго, я думаю.

Генералъ. Вотъ то-то и есть, что не очень разнаго.

Политикъ. Какъ? Неужели только одни военные?

Генералъ. Не только, а наполовину.

Политикъ. Ну, опять какое преувеличеніе!

Генералъ. Мы вѣдь не перепись имъ поголовную дѣлаемъ для статистики. А я только утверждаю, что всѣ святые собственно нашей русской церкви принадлежатъ лишь къ двумъ классамъ: или монахи разныхъ чиновъ, или князья, то-есть по старинѣ значитъ непремѣнно военные, и никакихъ другихъ святыхъ у насъ нѣтъ—разумѣю святыхъ мужского пола. Или монахъ, или воинъ.

Дама. А юродивыхъ вы забыли?

Генералъ. Нисколько не забылъ! Но юродивые вѣдь это своего рода иррегулярные монахи. Что казаки для арміи, то юродивые для монашества. А затѣмъ, если вы мнѣ найдете между русскими святыми хоть одного бѣлаго священника, или купца, или дьяка, или приказнаго, или мѣщанина, или крестьянина—однимъ словомъ какой-бы то ни было профессіи, кромѣ монаховъ и военныхъ — берите себѣ все то, что я въ будущее воскресенье привезу изъ Монте-Карло.

Политикъ. Спасибо. Оставляю вамъ ваши сокровища и вашу половину святцевъ, а то и всѣ цѣликомъ. Но только объясните мнѣ пожалуйста, что-же собственно вы хотѣли вывести изъ вашего открытія, или наблюденія? Неужели то, что одни

монахи и военные могутъ быть нравственными образцами?

Генералъ. Не совсѣмъ угадали. Я самъ зналъ высоко добродѣтельныхъ людей и между бѣлыми священниками, и между банкирами, и между чиновниками, и между крестьянами, а самое добродѣтельное существо, которое я могу припомнить, была нянюшка у одного изъ моихъ знакомыхъ. Но мы вѣдь не объ этомъ. Я къ тому о святыхъ сказалъ, что какимъ-бы образомъ могло туда попасть столько воиновъ наряду съ монахами и предпочтительно передъ всѣми мирными, гражданскими профессіями, если бы всегда смотрѣли на военное дѣло какъ на терпимое зло въ родѣ питейной торговли, или чего-нибудь еще худшаго? Ясно, что христіанскіе народы, по мысли которыхъ святцы-то дѣлались (вѣдь не у однихъ русскихъ такъ, а приблизительно тоже и у другихъ), не только уважали, но еще *особенно* уважали военное званіе и изо всѣхъ мірскихъ профессій только одну военную считали воспитывающею, такъ сказать, своихъ лучшихъ представителей для святости. Вотъ этотъ-то взглядъ и несовмѣстимъ съ теперешнимъ походомъ противъ войны.

Политикъ. Да я развѣ говорилъ, что нѣтъ *никакой* перемѣны? Нѣкоторая желательная перемѣна происходитъ несомнѣнно. Религіозный ореолъ, который окружалъ войны и военныхъ въ глазахъ толпы, теперь снимается — это такъ. Но вѣдь къ этому дѣло шло уже давно. И кого-же это практически-то задѣваетъ? Развѣ духовенство, такъ-какъ изготовленіе *ауреоловъ* въ его вѣдомствѣ. Ну, придется кой-что почистить съ этой стороны. Чего

нельзя похерить, истолкуютъ въ смыслѣ иносказательномъ, а прочее подвергнутъ благоумолчанію и благозабвенію.

Князь. Да ужъ и начались благоприспособленія. Я для своихъ изданій слѣжу за нашей духовной литературой. Такъ ужъ въ двухъ журналахъ имѣлъ удовольствіе прочесть, что христіанство безусловно осуждаетъ войну.

Генералъ. Не можетъ быть.

Князь. Я и самъ глазамъ не вѣрилъ. Могу показать.

Политикъ (*къ генералу*). Вотъ видите! Ну, а для васъ-то тутъ какая забота? Вы вѣдь люди дѣла, а не благоглаголанія. Профессіональное самолюбіе что-ли и тщеславіе? Такъ вѣдь это не хорошо. А практически, повторяю, все для васъ остается попрежнему. Хотя система милитаризма, отъ которой вотъ ужъ тридцать лѣтъ никому вздохнуть нельзя, должна теперь исчезнуть, но войска въ извѣстныхъ размѣрахъ остаются; и поскольку они будутъ допущены, т.-е. признаны необходимыми, отъ нихъ будутъ требоваться тѣ-же самыя боевыя качества, что и прежде.

Генералъ. Да ужъ вы мастера просить молока отъ мертваго быка! Кто-же вамъ дастъ эти требуемыя боевыя качества, когда первое боевое качество, безъ котораго всѣ другія ни къ чему, состоитъ въ бодрости духа, а она держится на вѣрѣ въ святость своего дѣла. Ну, а какъ-же это можетъ статься, если будетъ признано, что война есть злодѣйство и губительство, лишь по неизбѣжности терпимое въ крайнихъ случаяхъ?

Политикъ. Но вѣдь отъ военныхъ такого при-

знанія вовсе и не требуется. Пусть считаютъ себя первыми людьми въ свѣтѣ, какое кому до этого дѣло? Вѣдь ужъ вамъ объясняли, что принцу Лузиньяну позволено признавать себя королемъ кипрскимъ, лишь-бы онъ у насъ денегъ на кипрское вино не просилъ. Не покушайтесь только на нашъ карманъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, а затѣмъ будьте въ своихъ глазахъ солью земли и красою человѣчества,—кто вамъ мѣшаетъ?

Генералъ. Будьте въ своихъ глазахъ! Да что мы на лунѣ, что-ли разговариваемъ? Въ торричелліевой пустотѣ, что-ли, вы будете держать военныхъ людей, чтобъ до нихъ не доходили никакія постороннія вліянія? И это при всеобщей-то воинской повинности, при краткосрочной-то службѣ, при дешевыхъ-то газетахъ! Нѣтъ, дѣло ужъ слишкомъ ясно. Разъ военная служба стала вынужденною повинностью для всѣхъ и каждаго, и разъ во всемъ обществѣ, начиная съ представителей государства, какъ вотъ вы, напримѣръ, устанавливается новый отрицательный взглядъ на военное дѣло, этотъ взглядъ непремѣнно ужъ будетъ усвоенъ и самими военными. Если на военную службу всѣ, начиная съ начальства, станутъ смотрѣть какъ на неизбѣжное *покуда* зло, то, во-первыхъ, никто не станетъ добровольно избирать военную профессію на всю жизнь, кромѣ развѣ какого-нибудь отребья природы, которому больше дѣваться некуда; а во-вторыхъ, всѣ тѣ, кому поневолѣ придется нести временную военную повинность, будутъ нести ее съ тѣми чувствами, съ которыми каторжники, прикованные къ своей тачкѣ, несутъ свои цѣпи. Извольте при этомъ

говорить о боевыхъ качествахъ и о военномъ духѣ!

Г. Z. Я всегда былъ увѣренъ, что послѣ введенія всеобщей воинской повинности упраздненіе войскъ, а затѣмъ и отдѣльныхъ государствъ есть только вопросъ времени и времени не слишкомъ уже отдаленнаго при теперешнемъ ускоренномъ ходѣ исторіи.

Генералъ. Можетъ быть, вы правы.

Князь. А я даже полагаю, что вы *навѣрное* правы, хотя это мнѣ до сихъ поръ не приходило въ голову въ такомъ видѣ. Но вѣдь это превосходно! Подумайте только: милитаризмъ порождаетъ какъ свое крайнее выраженіе систему всеобщей военной повинности, и вотъ благодаря именно этому гибнетъ не только новѣйшій милитаризмъ, но и всѣ древнія основы военнаго строя. Чудесно.

Дама. У князя даже лицо повеселѣло. Это хорошо. А то ходилъ все такой угрюмый—совсѣмъ не подобаетъ „истинному христіанину".

Князь. Да ужъ слишкомъ много грустнаго кругомъ; одна вотъ только радость остается: мысль о неизбѣжномъ торжествѣ разума наперекоръ всему.

Г. Z. Что милитаризмъ въ Европѣ и въ Россіи съѣдаетъ самого себя — это несомнѣнно. А какія отсюда произойдутъ радости и торжества—это еще увидимъ.

Князь. Какъ? Вы сомнѣваетесь въ томъ, что война и военщина—*безусловное* и *крайнее* зло, отъ котораго человѣчество должно *непремѣнно* и *сейчасъ-же* избавиться? Вы сомнѣваетесь, что полное и немедленное уничтоженіе этого людоѣдства было-бы *во всякомъ случаѣ* торжествомъ разума и добра?

Г. Z. Да я совершенно увѣренъ въ *противномъ*.

Князь. То-есть это въ чемъ-же?

Г. Z. Да въ томъ, что война *не* есть безусловное зло, и что миръ не есть бесусловное добро, или говоря проще, что возможна и бываетъ *хорошая война*, возможенъ и бываетъ *дурной миръ*.

Князь. А! теперь я вижу разницу между вашимъ взглядомъ и взглядомъ генерала: онъ вѣдь думаетъ, что война всегда хорошее дѣло, а миръ—всегда дурное.

Генералъ. Ну, нѣтъ! И я отлично понимаю, что война можетъ быть иногда очень плохимъ дѣломъ, именно когда насъ бьютъ, какъ, напримѣръ, подъ Нарвой, или Аустерлицемъ, и миръ можетъ быть прекраснымъ дѣломъ, какъ, напримѣръ, миръ Ништадтскій, или Кучукъ-Кайнарджійскій.

Дама. Это, кажется, варьянтъ знаменитаго изреченія того кафра, или готтентота, который говорилъ миссіонеру, что онъ отлично понимаетъ разницу между добромъ и зломъ: добро—это когда я уведу чужихъ женъ и коровъ, а зло—когда у меня уведутъ моихъ.

Генералъ. Да вѣдь это мы съ африканцемъ-то вашимъ только сѣострили: онъ нечаянно, а я нарочно. А вотъ теперь хотѣлось-бы послушать, какъ умные люди вопросъ о войнѣ съ нравственной точки зрѣнія обсуждать будутъ.

Политикъ. Ахъ! лишь-бы только наши „умные люди“ не примѣшали какой-нибудь схоластики и метафизики къ такому ясному, исторически-обусловленному вопросу.

Князь. Ясному съ какой точки зрѣнія?

Политикъ. Моя точка зрѣнія — обыкновенная,

европейская, которую, впрочемъ, теперь и въ другихъ частяхъ свѣта усвояютъ понемногу люди образованные.

Князь. А сущность ея, конечно, въ томъ, чтобы признавать все относительнымъ и не допускать безусловной разницы между должнымъ и не должнымъ, хорошимъ и дурнымъ. Не такъ-ли?

Г. Z. Виноватъ. Это пререканіе для нашего вопроса, пожалуй, безполезно. Я вотъ, напримѣръ, вполнѣ признаю безусловную противоположность между нравственнымъ добромъ и зломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ совершенно ясно, что война и миръ сюда не подходятъ, что окрасить войну сплошь одною черною краскою, а миръ—одною бѣлою никакъ невозможно.

Князь. Но вѣдь это-же внутреннее противорѣчіе! Если то, что само по себѣ дурно, напримѣръ, убійство, можетъ быть хорошо въ извѣстныхъ случаяхъ, когда вамъ угодно называть его войною, то куда-же дѣнется безусловное-то различіе добра и зла?

Г. Z. Какъ это просто. „Всякое убійство есть безусловное зло; война есть убійство; слѣдовательно, война есть безусловное зло“. Силлогизмъ—первый сортъ. Только вы забыли, что обѣ ваши посылки, и большая, и малая, еще должны быть доказаны, а слѣдовательно и заключеніе еще виситъ пока на воздухѣ.

Политикъ. Ну, развѣ я не говорилъ, что мы попадемъ въ схоластику?

Дама. Да про что собственно они толкуютъ?

Политикъ. Про какія-то большія и малыя посылки.

Г. Z. Простите! мы сейчасъ къ дѣлу подойдемъ.

Такъ вы утверждаете, что во всякомъ случаѣ убить, то-есть отнять жизнь у другого, есть безусловное зло?

Князь. Безъ сомнѣнія.

Г. Z. Ну, а быть убитымъ—безусловное это зло или нѣтъ?

Князь. По-готтентотски—разумѣется да. Но вѣдь мы говорили про нравственное зло, а оно можетъ заключаться лишь въ собственныхъ дѣйствіяхъ разумнаго существа, которыя отъ него самого зависятъ, а не въ томъ, что съ нимъ случается помимо его воли. Значитъ, быть убитымъ—все равно, какъ умереть отъ холеры, или отъ инфлуэнцы, не только не есть безусловное зло, но даже вовсе не есть зло. Этому насъ еще Сократъ и стоики научили.

Г. Z. Ну, за людей столь древнихъ я не берусь отвѣчать. А ваша-то вотъ безусловность при нравственной оцѣнкѣ убійства какъ-будто хромаетъ: вѣдь по вашему выходитъ, что безусловное зло состоитъ въ причиненіи другому чего-то такого, что вовсе не есть зло. Воля ваша, а тутъ что-то хромаетъ. Однако, мы эту хромоту бросимъ, а то, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ въ схоластику залѣземъ. Итакъ, при убійствѣ зло состоитъ не въ физическомъ фактѣ лишенія жизни, а въ нравственной причинѣ этого факта, именно въ злой волѣ убивающаго. Такъ вѣдь?

Князь. Ну, конечно. Да вѣдь безъ этой злой воли и убійства не бываетъ, а бываетъ или несчастіе, или неосторожность.

Г. Z. Это ясно, когда воли убивать вовсе не было, напримѣръ, при неудачной операціи. Но вѣдь можно представить и другого рода положеніе, когда воля,

хотя и не имѣетъ своею прямою цѣлью лишить жизни человѣка, однако, заранѣе соглашается на это какъ на крайнюю необходимость,—будетъ-ли и такое убійство безусловнымъ зломъ по вашему?

Князь. Да, конечно, будетъ, разъ воля согласилась на убійство.

Г. Z. А развѣ не бываетъ такъ, что воля, хотя и согласна на убійство, не есть, однако, *злая* воля, и слѣдовательно, убійство не можетъ здѣсь быть безусловнымъ зломъ даже съ этой субъективной стороны?

Князь. Ну, это ужъ совсѣмъ что-то непонятное... А! впрочемъ, догадываюсь: вы разумѣете тотъ знаменитый случай, когда въ пустынномъ мѣстѣ какой-нибудь отецъ видитъ разъяреннаго мерзавца, который бросается на его невинную (для большаго эффекта прибавляютъ еще малолѣтнюю) дочь, чтобы совершить надъ нею гнусное злодѣяніе, и вотъ несчастный отецъ, не имѣя возможности иначе защитить ее, убиваетъ обидчика. Тысячу разъ слыхалъ этотъ аргументъ!

Г. Z. Замѣчательно, однако, не то, что вы тысячу разъ его слыхали, а то, что никто ни одного разу не слыхалъ отъ вашихъ единомышленниковъ дѣльнаго, или хоть сколько-нибудь благовиднаго возраженія на этотъ простой аргументъ.

Князь. Да на что-же тутъ возражать?

Г. Z. Вотъ, вотъ! Ну, если не хотите въ формѣ возраженія, то докажите какимъ-нибудь прямымъ и положительнымъ образомъ, что во всѣхъ случаяхъ, безъ исключенія, слѣдовательно и въ томъ, о которомъ у насъ рѣчь, воздержаться отъ сопротивленія злу силою безусловно лучше, нежели упо-

требить насиліе съ рискомъ убить злого и вреднаго человѣка.

Князь. Да какое-же тутъ можетъ быть *особое* доказательство для единичнаго случая? Разъ вы признали, что вообще убійство есть въ нравственномъ смыслѣ зло, то ясно, что и во всякомъ единичномъ случаѣ оно будетъ также зло.

Дама. Ну, это слабо.

Г. Z. Это даже очень слабо, князь. Вѣдь о томъ, что *вообще* лучше не убивать, чѣмъ убивать—объ этомъ нѣтъ спора, въ этомъ всѣ согласны. А вопросъ именно только объ единичныхъ случаяхъ. Спрашивается: есть-ли общее или общепризнанное правило *не убивать*—дѣйствительно *безусловное* и, слѣдовательно, не допускающее *никакого* исключенія, ни въ какомъ единичномъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ, или-же оно допускаетъ хоть одно исключеніе, и, слѣдовательно, уже не есть безусловное.

Князь. Нѣтъ, я не согласенъ на такую формальную постановку вопроса. И къ чему это? Положимъ, я допущу, что въ вашемъ исключительномъ случаѣ, нарочно выдуманномъ для спора...

Дама (*укоризненно*). Ай-ай!

Генералъ (*иронически*). О-го-го!

Князь (*не обращая вниманія*). Допустимъ, что въ вашемъ выдуманномъ случаѣ убить лучше, чѣмъ не убивать,—въ самомъ дѣлѣ я этого, конечно, не допускаю, но положимъ, что вы тутъ правы; положимъ даже, что вашъ случай не выдуманный, а дѣйствительный, но, какъ и вы согласитесь, совершенно рѣдкій, исключительный. А вѣдь у насъ дѣло идетъ о войнѣ,—явленіи общемъ, всемірномъ;

и не станете-же вы утверждать, что Наполеонъ, или Мольтке, или Скобелевъ находились въ положеніи сколько-нибудь похожемъ на положеніе отца, принужденнаго защищать отъ покушеній изверга невинность своей малолѣтней дочери?

Дама. Вотъ это лучше прежняго. Bravo, mon prince!

Г. Z. Дѣйствительно, ловкій скачекъ отъ непріятнаго вопроса. Но не позволите-ли вы мнѣ, однако, установить между этими двумя явленіями—единичнымъ убійствомъ и войною, ихъ логическую, а вмѣстѣ и историческую связь. А для этого сначала возьмемъ опять нашъ примѣръ, но только безъ тѣхъ частностей, которыя какъ-будто усиливаютъ, а на самомъ дѣлѣ ослабляютъ его значеніе. Не нужно тутъ ни отца, ни малолѣтней дочери, такъ-какъ при нихъ вопросъ сейчасъ-же теряетъ свое чисто этическое свойство, изъ области разумно-нравственнаго сознанія переносится на почву натуральныхъ нравственныхъ чувствъ: родительская любовь, конечно, заставитъ этого отца убить злодѣя на мѣстѣ, не останавливаясь на обсужденіи вопроса, долженъ-ли онъ и имѣетъ-ли право это сдѣлать въ смыслѣ высшаго нравственнаго начала. Итакъ, возьмемъ не отца, а бездѣтнаго моралиста, на глазахъ котораго чужое и незнакомое ему слабое существо подвергается неистовому нападенію дюжаго злодѣя. Что-же, по-вашему, этотъ моралистъ долженъ скрестя руки проповѣдывать добродѣтель въ то время, какъ осатанѣвшій звѣрь будетъ терзать свою жертву? Этотъ моралистъ, по-вашему, не почувствуетъ въ себѣ нравственнаго побужденія остановить звѣря силою, хотя-бы и съ возмож-

ностью и даже вѣроятностью убить его? И если онъ вмѣсто того допуститъ злодѣянію совершиться подъ аккомпаниментъ его хорошихъ словъ, что-же, по-вашему, совѣсть не будетъ упрекать его и не будетъ ему стыдно до отвращенія къ самому себѣ?

Князь. Можетъ быть все, что вы говорите, будетъ ощущаться моралистомъ, не вѣрящимъ въ дѣйствительность нравственнаго порядка, или забывшимъ, что Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ.

Дама. И это очень хорошо сказано. Ну, что-то вы теперь отвѣтите?

Г. Z. Я отвѣчу, что желалъ-бы, чтобы это было сказано еще лучше, а именно прямѣе, проще и ближе къ дѣлу. Вы вѣдь хотѣли сказать, что моралистъ, дѣйствительно вѣрящій въ правду Божію, долженъ, не останавливая злодѣя силою, обратиться къ Богу съ молитвою, чтобы злое дѣло не совершилось: или черезъ чудо нравственное—внезапное обращеніе злодѣя на путь истинный, или чрезъ чудо физическое—внезапный параличъ, что-ли...

Дама. Можно и безъ паралича: разбойникъ можетъ быть чѣмъ-нибудь испуганъ, или вообще какъ-нибудь отвлеченъ отъ своего замысла.

Г. Z. Ну, это-то все равно, потому-что чудо вѣдь не въ самомъ происшествіи, а въ цѣлесообразной связи этого происшествія, будь то тѣлесный параличъ, или душевное какое-нибудь волненіе—съ молитвою и ея нравственнымъ предметомъ. Во всякомъ случаѣ, предлагаемый княземъ способъ помѣшать злому дѣлу сводится все-таки къ молитвѣ о чудѣ.

Князь. Ну... то-есть... почему-же къ молитвѣ... и къ чуду?

Г. Z. А то къ чему-же?

Князь. Но разъ я вѣрю, что міръ управляется добрымъ и разумнымъ началомъ жизни, я вѣрю и тому, что въ мірѣ можетъ происходить только то, что согласно съ этимъ, то-есть съ волею Божіей.

Г. Z. Виноватъ! Вамъ сколько лѣтъ?

Князь. Что значитъ этотъ вопросъ?

Г. Z. Ничего обиднаго, увѣряю васъ. Лѣтъ тридцать-то будетъ?

Князь. Ну, побольше будетъ.

Г. Z. Такъ вамъ навѣрное приходилось видать, а не видать, такъ слыхать, а не слыхать, такъ читать въ газетахъ, что злыя-то или безнравственныя дѣла совершаются все-таки на семъ свѣтѣ.

Князь. Ну?

Г. Z. Ну, такъ какъ-же? Значитъ „нравственный порядокъ“, или правда, или воля Божія, очевидно сами собою въ мірѣ не осуществляются...

Политикъ. Вотъ, наконецъ, на дѣло похоже. Если зло существуетъ, то значитъ боги или не могутъ, или не хотятъ ему помѣшать, а въ обоихъ случаяхъ боговъ, какъ всемогущихъ и благихъ силъ, вовсе нѣтъ. Старо, но вѣрно.

Дама. Ахъ, что это вы!

Генералъ. Вотъ вѣдь до чего договорились. „Пофилософствуй, умъ вскружится!“

Князь. Ну, это плохая философія! Какъ-будто Божья воля связана съ какими-нибудь нашими представленіями о добрѣ и злѣ!

Г. Z. *Съ какими-нибудь* представленіями не связана, но съ истиннымъ понятіемъ добра связана тѣснѣйшимъ образомъ. Иначе, если добро и зло

вообще безразличны для божества, то вы сами себя опровергли окончательно.

Князь. Почему это?

Г. Z. Да вѣдь если, по-вашему, для божества все равно, что сильный мерзавецъ подъ вліяніемъ звѣрской страсти истребляетъ слабое существо, то вѣдь и подавно божество ничего не можетъ имѣть противъ того, чтобы подъ вліяніемъ состраданія кто-нибудь изъ насъ истребилъ мерзавца. Вѣдь не станете-же вы защищать такую нелѣпость, что только убійство слабаго и безобиднаго существа *не* есть зло передъ Богомъ, а убійство сильнаго и злого звѣря *есть* зло.

Князь. Это вамъ кажется нелѣпостью, потому-что вы не туда смотрите, куда слѣдуетъ: нравственно важно не то, кто убитъ, а то, кто убиваетъ. Вѣдь вотъ вы сами назвали злодѣя звѣремъ, то есть, существомъ безъ разума и совѣсти,—какое-же можетъ быть нравственное зло въ его дѣйствіяхъ?

Дама. Ай-ай! Да развѣ тутъ про звѣря—въ буквальномъ смыслѣ? Это все равно, какъ если-бы я сказала своей дочери: какія ты говоришь глупости, ангелъ мой! а вы-бы стали на меня кричать: что съ вами? развѣ ангелы могутъ говорить глупости? Ай-ай, какой плохой споръ!

Князь. Извините, я отлично понимаю, что злодѣй названъ звѣремъ метафорически, и что у этого звѣря нѣтъ хвоста и копытъ; но ясно, что про неразумность и безсовѣстность здѣсь говорится въ буквальномъ смыслѣ: не можетъ-же человѣкъ съ разумомъ и совѣстью совершать такія дѣла!

Г. Z. Новая игра словами! Конечно, человѣкъ, поступающій по-звѣрски, теряетъ разумъ и со-

вѣсть въ томъ смыслѣ, что перестаетъ слушаться ихъ голоса; но чтобы разумъ и совѣсть вовсе въ немъ не говорили,—это еще вамъ нужно доказать, а пока я продолжаю думать, что звѣрскій человѣкъ отличается отъ насъ съ вами не отсутствіемъ разума и совѣсти, а только своею рѣшимостью дѣйствовать имъ наперекоръ, по прихотямъ своего звѣря. А звѣрь такой-же точно и въ насъ сидитъ, только мы его, обыкновенно, на цѣпи держимъ, ну, а тотъ человѣкъ, значитъ, спустилъ его съ цѣпи и самъ тянется за его хвостомъ; а цѣпь-то и у него есть, только безъ употребленія.

Генералъ. Вотъ именно. А если князь съ вами несогласенъ, бейте его скорѣе его собственнымъ прикладомъ! Да вѣдь если злодѣй есть только звѣрь безъ разума и совѣсти, такъ вѣдь убить его все равно, что убить волка, или тигра, бросившихся на человѣка—это, кажется, и обществомъ покровительства животныхъ еще не запрещено.

Князь. Но вы опять забываете, что каково-бы ни было состояніе этого человѣка—полная-ли атрофія разума и совѣсти, или сознательная безнравственность, если такая возможна, дѣло вѣдь не въ немъ, а въ васъ самихъ: у васъ-то разумъ и совѣсть не атрофированы и притомъ вы не хотите сознательно нарушать ихъ требованій—ну, такъ вы и не убьете этого человѣка, каковъ-бы онъ ни былъ.

Г. Z. Конечно не убилъ-бы, если-бы разумъ и совѣсть мнѣ это безусловно запрещали. Но представьте себѣ, что разумъ и совѣсть говорятъ мнѣ совсѣмъ другое и, кажется, болѣе разумное и добросовѣстное.

Князь. Это любопытно. Послушаемъ.

Г. Z. И прежде всего разумъ и совѣсть умѣютъ считать по крайней мѣрѣ до трехъ...

Генералъ. Ну-тка, ну-тка!

Г. Z. А потому разумъ и совѣсть, если не хотятъ фальшивить, не станутъ говорить мнѣ *два*, когда на дѣлѣ—*три*...

Генералъ (*въ нетерпѣніи*). Ну-ну!

Князь. Ничего не понимаю.

Г. Z. Да вѣдь, по вашему, разумъ и совѣсть говорятъ мнѣ только обо мнѣ самомъ да о злодѣѣ, и все дѣло, по вашему, въ томъ, чтобы я его какъ-нибудь пальцемъ не тронулъ. Ну, а вѣдь по правдѣ-то тутъ есть и третье лицо, и кажется самое главное—жертва злого насилія, требующая моей помощи. Ее-то вы всегда забываете, ну, а совѣсть-то говоритъ и о ней, и о ней прежде всего, и воля Божія тутъ въ томъ, чтобы я спасъ эту жертву, по возможности, щадя злодѣя; но ей-то я помочь долженъ во что-бы то ни стало и во всякомъ случаѣ: если можно, то увѣщаніями, если нѣтъ, то силой, ну, а если у меня руки связаны, *тогда* только тѣмъ крайнимъ способомъ — крайнимъ *сверху*,—который вы преждевременно указали и такъ легко бросили, именно молитвою, то-есть тѣмъ высшимъ напряженіемъ доброй воли, что, я увѣренъ, дѣйствительно творитъ чудеса, когда это нужно. Но какой изъ этихъ способовъ помощи нужно употребить, это зависитъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій происшествія, а безусловно здѣсь только одно: я долженъ помочь тѣмъ, кого обижаютъ. Вотъ что говоритъ моя совѣсть.

Генералъ. Прорванъ центръ, ура!

Князь. Ну, я отъ такой широкой совѣсти отошелъ. Моя говоритъ въ этомъ случаѣ опредѣленнѣе и короче: *не убій*!—вотъ и все. А впрочемъ, я и теперь не вижу, чтобы мы сколько-нибудь подвинулись въ нашемъ спорѣ. Если-бы я опять согласился съ вами, что въ томъ положеніи, которое вы выставляете, *всякій*, даже нравственно развитой и вполнѣ добросовѣстный человѣкъ, могъ-бы подъ вліяніемъ состраданія и не имѣя достаточно времени, чтобы дать себѣ ясный отчетъ о нравственномъ качествѣ своего поступка, могъ-бы допустить себя до убійства,—то что-же опять-таки отсюда слѣдуетъ для главнаго-то нашего вопроса? Развѣ, повторяю, Тамерланъ или Александръ Македонскій, или лордъ Кичинеръ убивали и заставляли убивать людей для защиты слабыхъ существъ отъ покушавшихся на нихъ злодѣевъ?

Г. Z. Хотя сопоставленіе Тамерлана съ Александромъ Македонскимъ есть плохое предвѣщаніе для нашихъ историческихъ соображеній, но такъ какъ вы вотъ уже второй разъ нетерпѣливо переходите въ эту область, то позвольте мнѣ сдѣлать историческую ссылку, которая дѣйствительно поможетъ намъ связать вопросъ о личной защитѣ съ вопросомъ о защитѣ государственной. Дѣло было въ двѣнадцатомъ столѣтіи, въ Кіевѣ. Удѣльные князья уже тогда, повидимому, державшіеся вашихъ взглядовъ на войну и полагавшіе, что ссориться и драться можно только „chez soi“, не соглашались идти въ походъ противъ половцевъ, говоря, что имъ жалко подвергать людей бѣдствіямъ войны. На это великій князь Владиміръ Мономахъ держалъ такую рѣчь: „Вы жалѣете смердовъ, а о томъ

не подумаете, что вотъ придетъ весна, выѣдетъ смердъ въ поле...“

Дама. Пожалуйста, безъ дурныхъ словъ!

Г. Z. Да вѣдь это изъ лѣтописи.

Дама. А вы ее все равно наизусть не помните, такъ говорите своими словами. А то выходитъ какъ-то глупо: „придетъ весна“—ждешь: „зацвѣтутъ цвѣты, запоютъ соловьи“, и вдругъ какой-то „смердъ!“

Г. Z. Ну, хорошо. „Придетъ весна, выѣдетъ крестьянинъ въ поле съ конемъ, землю пахать. Пріѣдетъ половчинъ, крестьянина убьетъ, коня уведетъ; наѣдутъ потомъ половцы большою толпой, всѣхъ крестьянъ перебьютъ, женъ съ дѣтьми въ полонъ заберутъ, скотъ угонятъ, село выжгутъ. Что-же вы въ этомъ-то людей не жалѣете? Я ихъ жалѣю, для того и зову васъ на половцевъ“. На этотъ разъ пристыженные князья послушались, и земля отдохнула при Владимірѣ Мономахѣ. Ну, а потомъ они вернулись къ своему миролюбію, избѣгавшему внѣшнихъ войнъ, чтобы надосугѣ дома безобразничать, и кончилось для Россіи монгольскимъ игомъ, а для собственныхъ потомковъ этихъ князей—тѣмъ угощеніемъ, которое поднесла имъ исторія въ лицѣ Ивана IV.

Князь. Ничего не понимаю! То вы мнѣ разсказываете такое происшествіе, которое никогда ни съ кѣмъ изъ насъ не случалось и навѣрное не случится, то поминаете какого-то Владиміра Мономаха, котораго, можетъ быть, вовсе не существовало, и до котораго намъ во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого дѣла...

Дама. Parlez pour vous, monsieur!

Г. Z. Да вы, князь,—изъ рюриковичей?

Князь. Говорятъ; такъ что-же, по вашему, не интересоваться-ли мнѣ Рюрикомъ, Синеусомъ и Труворомъ?

Дама. По-моему, не знать своихъ предковъ—это все равно, какъ маленькія дѣти, которыя думаютъ, что ихъ въ огородѣ подъ капустой нашли.

Князь. Ну, а какъ-же быть тѣмъ несчастнымъ, у которыхъ нѣтъ предковъ?

Г. Z. Есть у всякаго по крайней мѣрѣ два великихъ предка, оставившихъ въ общее пользованіе свои подробныя и очень поучительныя записки: отечественную и всемірную исторію.

Князь. Но не могутъ эти записки рѣшать для насъ вопросъ о томъ, какъ намъ *теперь* быть, что мы должны *теперь* дѣлать! Пусть Владиміръ Мономахъ существовалъ дѣйствительно, а не въ воображеніи только какого-нибудь мниха Лаврентія, или Ипатія: пусть даже онъ былъ превосходнѣйшимъ человѣкомъ и искренно жалѣлъ „смердовъ“. Въ такомъ случаѣ онъ былъ правъ, что воевалъ съ половцами, потому-что въ тѣ дикія времена нравственное сознаніе еще не возвысилось надъ грубымъ византійскимъ пониманіемъ христіанства и позволяло ради кажущагося добра убивать людей. Но какъ-же намъ-то это дѣлать, разъ мы поняли, что такъ-какъ убійство есть зло, противное волѣ Божіей, запрещенное издревле заповѣдью Божіею, то оно ни подъ какимъ видомъ и ни подъ какимъ именемъ не можетъ быть намъ позволительно и не можетъ перестать быть зломъ, когда вмѣсто одного человѣка убиваются подъ названіемъ войны тысячи

людей. Это есть прежде всего вопросъ личной совѣсти.

Генералъ. Ну, если дѣло въ личной совѣсти, такъ позвольте вамъ доложить вотъ что. Я человѣкъ въ нравственномъ смыслѣ,—какъ и въ другихъ, конечно,—совсѣмъ средній: ни черный, ни бѣлый, а сѣрый. Ни особенной добродѣтели, ни особеннаго злодѣйства не проявлялъ. И въ добрыхъ-то дѣлахъ всегда есть загвоздка: никакъ не скажешь навѣрно, по совѣсти, что тутъ въ тебѣ дѣйствуетъ, настоящее-ли добро, или только слабость душевная, привычка житейская, а иной разъ и тщеславіе. Да и мелко все это. Во всей моей жизни былъ одинъ только случай, который и мелкимъ назвать нельзя, а главное я навѣрное знаю, что тутъ уже никакихъ сомнительныхъ побужденій у меня не было, а владѣла мною только одна добрая сила. Единственный разъ въ жизни испыталъ я полное нравственное удовлетвореніе и даже въ нѣкоторомъ родѣ экстазъ, такъ что и дѣйствовалъ я тутъ безъ всякихъ размышленій и колебаній. И осталось это доброе дѣло до сихъ поръ, да, конечно, и навѣки останется самымъ лучшимъ, самымъ чистымъ моимъ воспоминаніемъ. Ну-съ, и было это мое единственное доброе дѣло—убійствомъ, и убійствомъ не малымъ, ибо убилъ я тогда въ какія-нибудь четверть часа гораздо больше тысячи человѣкъ...

Дама. Quelles blagues! А я думала, что вы—серьезно.

Генералъ. Да, совершенно серьезно: могу свидѣтелей представить. Вѣдь не руками я убивалъ, не моими грѣшными руками, а изъ шести чистыхъ,

непорочныхъ стальныхъ орудій, самою добродѣтельною, благотворною картечью.

Дама. Такъ въ чемъ-же тутъ добро?

Генералъ. Ну, конечно, хоть я не только военный, а по нынѣшнему и „милитаристъ“, но не стану-же я называть добрымъ дѣломъ простое истребленіе тысячи обыкновенныхъ людей, будь они нѣмцы, или венгерцы, англичане, или турки. А тутъ было дѣло совсѣмъ особенное. Я и теперь не могу равнодушно разсказывать,—такъ оно мнѣ всю душу выворотило.

Дама. Ну, разсказывайте скорѣй!

Генералъ. Такъ какъ я объ орудіяхъ упомянулъ, то вы, конечно, догадались, что было это въ послѣднюю турецкую войну. Я былъ при кавказской арміи. Послѣ 3-го октября...

Дама. Что такое 3-го октября?

Генералъ. А это было сраженіе на Аладжинскихъ высотахъ, когда мы въ первый разъ „непобѣдимому“ Гази-Мухтаръ-пашѣ всѣ бока обломали... Такъ послѣ 3-го октября мы сразу продвинулись въ эту азіатчину. Я былъ на лѣвомъ флангѣ и командовалъ передовымъ развѣдочнымъ отрядомъ. Были у меня нижегородскіе драгуны, три сотни кубанцевъ и батарея конной артиллеріи.—Страна невеселая—еще въ горахъ ничего, красиво; а внизу только и видишь, что пустыя выжженыя села да потоптанныя поля. Вотъ разъ—28-го октября это было—спускаемся мы въ долину, и на картѣ значится, что большое армянское село. Ну, конечно, села никакого, а было дѣйствительно порядочное, и еще недавно: дымъ виденъ за много верстъ. А я свой отрядъ стянулъ, потому-что, по слухамъ,

можно было наткнуться на сильную кавалерійскую часть. Я ѣхалъ съ драгунами, казаки впереди. Только вблизи села дорога поворотъ дѣлаетъ. Смотрю, казаки подъѣхали и остановились какъ вкопаные—не двигаются. Я поскакалъ впередъ; прежде чѣмъ увидѣлъ, по смраду жаренаго мяса догадался: баши-бузуки свою кухню оставили. Огромный обозъ съ бѣглыми армянами не успѣлъ спастись, тутъ они его захватили и хозяйничали. Подъ телѣгами огонь развели, а армянъ, того головой, того ногами, того спиной или животомъ, привязавши къ телѣгѣ, на огонь свѣсили и потихоньку поджаривали. Женщины съ отрѣзанными грудями, животы вспороты. Уже всѣхъ подробностей разсказывать не стану. Только одно вотъ и теперь у меня въ глазахъ стоитъ. Женщина навзничь на землѣ, за шею и плечи къ телѣжной оси привязана, чтобы не могла головы повернуть,—лежитъ не обожженная и не ободранная, а только съ искривленнымъ лицомъ—явно отъ ужаса померла,—а передъ нею высокій шестъ въ землю вбитъ и на немъ младенецъ голый привязанъ—ея сынъ навѣрное—весь почернѣвшій и съ выкатившимися глазами, а подлѣ и рѣшетка съ потухшими углями валяется. Тутъ на меня сначала какая-то тоска смертельная нашла, на міръ Божій смотрѣть противно, и дѣйствую какъ будто машинально. Скомандовалъ рысью впередъ, въѣхали мы въ сожженное село—чисто, ни кола, ни двора. Вдругъ видимъ изъ сухого колодца чучело какое-то карабкается... Вылѣзъ замазанный, ободранный, упалъ на землю ничкомъ, причитаетъ что-то по-армянски. Подняли его, разспросили; оказался армянинъ изъ

другого села; малый толковый. Былъ по торговымъ дѣламъ въ этомъ селѣ, когда жители собрались бѣжать. Только-что они тронулись, какъ нагрянули баши-бузуки,—множество, говоритъ, сорокъ тысячъ. Ну, ему, конечно, не до счету было. Притаился въ колодцѣ. Слышалъ вопли, да и такъ зналъ, чѣмъ кончилось. Потомъ слышитъ баши-бузуки вернулись и на другую дорогу переѣхали. Это они навѣрно, говоритъ, въ наше село идутъ и съ нашими то-же дѣлать будутъ. Реветъ, руки ломаетъ.

Тутъ со мною вдругъ какое-то просвѣтлѣніе сдѣлалось. Сердце будто растаяло, и міръ Божій точно мнѣ опять улыбнулся. Спрашиваю армянина, давно-ли черти отсюда ушли? По его соображенію—часа три.

— А много-ли до вашего села коннаго пути?

— Пять часовъ слишкомъ.

Ну, въ два часа никакъ не догонишь. Ахъ ты, Господи! А другая-то дорога къ вамъ есть, короче?

— Есть, есть. А самъ весь встрепенулся. Есть дорога черезъ ущелья. Совсѣмъ короткая. Немногіе и знаютъ ее.

— Конному пройти можно?

— Можно.

— А орудіямъ?

— Трудно будетъ. А можно.

Велѣлъ я дать армянину лошадь, и со всѣмъ отрядомъ—за нимъ въ ущелье. Какъ ужъ мы тамъ въ горахъ карабкались—я и не замѣтилъ хорошенько. Опять машинальность нашла; но только въ душѣ легкость какая-то, точно на крыльяхъ лечу, и увѣренность полная: знаю, *что* нужно дѣлать, и чувствую, что *будетъ* сдѣлано.

Стали мы выходить изъ послѣдняго ущелья, послѣ котораго наша дорога на большую переходила,—вижу, армянинъ скачетъ назадъ, машетъ руками: тутъ, молъ, они! Подъѣхалъ я къ передовому разъѣзду, навелъ трубку: точно—конницы видимо-невидимо; ну, не сорокъ тысячъ, конечно, а тысячи три-четыре будетъ, если не всѣ пять. Увидали чортовы дѣти казаковъ—поворотили намъ на встрѣчу—мы-то имъ въ лѣвый флангъ изъ ущелья выходили. Стали изъ ружей палить въ казаковъ. Вѣдь такъ и жарятъ азіатскія чудища изъ европейскихъ ружей, точно люди! То тамъ, то тутъ казакъ съ лошади свалится. Старшій изъ сотенныхъ командировъ подъѣзжаетъ ко мнѣ:

— Прикажите аттаковать, ваше превосходительство! Что-жъ они, анаѳемы, насъ какъ перепелокъ подстрѣливать будутъ, пока орудія-то устанавливаютъ. Мы ихъ и сами разнесемъ.

— Потерпите, голубчики, еще чуточку, говорю. Разогнать-то, говорю, вы ихъ разгоните, а какая-же въ томъ сладость? Мнѣ Богъ велитъ прикончить ихъ, а не разгонять.

Ну, двумъ сотеннымъ командирамъ приказалъ, наступая въ разсыпную, начать съ чертями перестрѣлку, а потомъ, ввязавшись въ дѣло, отходить на орудія. Одну сотню оставилъ маскировать орудія, а нижегородцевъ поставилъ уступами влѣво отъ баттареи. Самъ весь дрожу отъ нетерпѣнія. И младенецъ-то жареный съ выкаченными глазами передо мной, и казаки-то падаютъ. Ахъ ты, Господи!

Дама. Какъ-же кончилось?

Генералъ. А кончилось по самому хорошему, безъ промаха! Ввязались казаки въ перестрѣлку, и сей-

часъ-же стали отходить назадъ съ гикомъ. Чортово племя за ними—раззадорились, ужъ и стрѣлять перестали, скачутъ всей оравой прямо на насъ. Подскакали казаки къ своимъ саженей на двѣсти и разсыпались горохомъ кто куда. Ну, вижу, пришелъ часъ воли Божіей. Сотня, раздайся! Раздвинулось мое прикрытіе пополамъ—направо-налѣво—все готово, Господи благослови! Приказалъ пальбу баттареѣ.

И благословилъ-же Господь всѣ мои шесть зарядовъ. Такого дьявольскаго визга я отродясь не слыхивалъ. Не успѣли они опомниться—второй залпъ картечи. Смотрю, вся орда назадъ шарахнулась. Третій—въ догонку. Такая тутъ кутерьма поднялась, точно какъ въ муравейникъ нѣсколько зажженныхъ спичекъ бросить. Заметались во всѣ стороны, давятъ другъ друга. Тутъ мы съ казаками и драгунами съ лѣваго фланга ударили и пошли крошить какъ капусту. Немного ихъ ускакало—которые отъ картечи увернулись, на шашки попали. Смотрю, иные ужъ и ружья бросаютъ, съ лошадей соскакиваютъ, амана запросили. Ну, тутъ я ужъ и не распоряжался,—люди и сами понимали, что не до амана теперь,—всѣхъ казаки и нижегородцы порубили.

А вѣдь если-бы эти безмозглые дьяволы послѣ двухъ первыхъ-то залповъ, что были имъ, можно сказать, въ упоръ пущены—саженяхъ въ 20—30, если-бы они вмѣсто того, чтобъ назадъ кинуться, на пушки поскакали, такъ ужъ намъ была-бы вѣрная крышка—третьяго-то залпа ужъ не дали-бы.

Ну, съ нами Богъ! Кончилось дѣло. А у меня на душѣ—свѣтлое Христово воскресеніе. Собрали мы своихъ убитыхъ—тридцать семь человѣкъ Богу

душу отдали. Положили ихъ на ровномъ мѣстѣ въ нѣсколько рядовъ, глаза закрыли. Былъ у меня въ третьей сотнѣ старый урядникъ, Одарченко, великій начетчикъ и способностей удивительныхъ. Въ Англіи былъ-бы первымъ министромъ. Теперь онъ въ Сибирь попалъ за сопротивленіе властямъ при закрытіи какого-то раскольничьяго монастыря и истребленіи гроба какого-то ихъ почитаемаго старца. Кликнулъ я его.—Ну, говорю, Одарченко, дѣло походное, гдѣ намъ тутъ въ аллилуіяхъ разбираться, будь у насъ за попа,—отпѣвай нашихъ покойниковъ. А для него, само собой—первое удовольствіе.—Радъ стараться, ваше превосходительство! а самъ, бестія, даже просіялъ весь. Пѣвчіе свои тоже нашлись. Отпѣли чинъ-чиномъ. Только священническаго разрѣшенія нельзя было дать, да тутъ его и не нужно было: разрѣшило ихъ заранѣе слово Христово про тѣхъ, что душу свою за други своя полагаютъ. Вотъ какъ сейчасъ мнѣ это отпѣванье представляется. День-то весь былъ облачный, осенній, а тутъ разошлись тучи передъ закатомъ, внизу ущелье чернѣетъ, а на небѣ облака разноцвѣтныя, точно Божьи полки собрались. У меня въ душѣ все тотъ-же свѣтлый праздникъ. Тишина какая-то и легкость непостижимая, точно съ меня вся нечистота житейская смыта, и всѣ тяжести земныя сняты, ну, прямо райское состояніе,—чувствую Бога, да и только. А какъ сталъ Одарченко по именамъ поминать новопреставленныхъ воиновъ, за вѣру, царя и отечество на полѣ брани животъ свой положившихъ,—тутъ-то я почувствовалъ, что не многоглаголаніе это оффиціальное и не титулъ какой-то, какъ вотъ вы изволили говорить, а что

взаправду есть христолюбивое воинство, и что война, какъ была, такъ есть и будетъ до конца міра великимъ, честнымъ и святымъ дѣломъ...

Князь (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Ну, а когда вы похоронили своихъ въ этомъ свѣтломъ настроеніи, неужели совсѣмъ-таки не вспомнили о непріятеляхъ, которыхъ вы убили въ такомъ большомъ количествѣ?

Генералъ. Ну, слава Богу, что мы успѣли двинуться дальше прежде, чѣмъ эта падаль не стала сама о себѣ напоминать.

Дама. Ахъ, вотъ и испортили все впечатлѣніе. Ну, можно-ли это?

Генералъ (*обращаясь къ князю*). Да чего-бы вы собственно отъ меня хотѣли? Чтобы я давалъ христіанское погребеніе этимъ шакаламъ, которые не были ни христіане, ни мусульмане, а чортъ знаетъ кто? А вѣдь если-бы я, сойдя съ ума, велѣлъ-бы ихъ въ самомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ казаками отпѣвать, вы-бы, пожалуй, стали меня обличать въ религіозномъ насиліи. Какъ-же? Эти несчастные милашки при жизни чорту кланялись, на огонь молились, и вдругъ послѣ смерти подвергать ихъ суевѣрнымъ и грубымъ лже-христіанскимъ обрядамъ! Нѣтъ, у меня тутъ другая была забота. Позвалъ сотниковъ и есауловъ и велѣлъ объявить, чтобы никто изъ людей не смѣлъ на три сажени къ чортовой падали подходить, а то я видѣлъ, что у моихъ казаковъ давно ужъ руки чесались пощупать ихъ карманы по своему обычаю. А вѣдь кто ихъ знаетъ, какую-бы чуму тутъ напустили. Пропади они совсѣмъ!

Князь. Такъ-ли я васъ понялъ? Вы боялись,

чтобы казаки не стали грабить трупы баши-бузуковъ и не перенесли отъ нихъ въ вашъ отрядъ какой-нибудь заразы?

Генералъ. Именно этого боялся. Кажется ясно.

Князь. Вотъ такъ христолюбивое воинство!

Генералъ. Казаки-то!?... Сущіе разбойники! Всегда такими и были.

Князь. Да что, мы во снѣ, что-ли, разговариваемъ?

Генералъ. Да и мнѣ что-то кажется неладно. Никакъ въ толкъ не возьму, о чемъ вы собственно спрашиваете?

Политикъ. Князь, вѣроятно, удивляется, что ваши идеальные и чуть не святые казаки вдругъ по вашимъ-же словамъ оказываются сущими разбойниками.

Князь. Да; и я спрашиваю, какимъ-же это образомъ война можетъ быть „великимъ, честнымъ и святымъ дѣломъ", когда по-вашему-же выходитъ, что это борьба однихъ разбойниковъ съ другими?

Генералъ. Э! вотъ оно что. „Борьба однихъ разбойниковъ съ другими". Да вѣдь то-то и есть, что съ *другими*, совсѣмъ другого сорта. Или вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что пограбить при оказіи то-же самое, что младенцевъ въ глазахъ матерей на угольяхъ поджаривать? А я вамъ вотъ что скажу. Такъ чиста моя совѣсть въ этомъ дѣлѣ, что я и теперь иногда отъ всей души жалѣю, что не умеръ я послѣ того, какъ скомандовалъ послѣдній залпъ. И ни малѣйшаго у меня нѣтъ сомнѣнія, что умри я тогда,—прямо предсталъ-бы передъ Всевышняго со своими тридцатью семью убитыми казаками, и заняли-бы мы свое мѣсто въ

раю рядомъ съ добрымъ евангельскимъ разбойникомъ. Вѣдь не даромъ онъ тамъ въ Евангеліи стоитъ.

Князь. Да. Но только вы ужъ навѣрное не найдете въ Евангеліи, чтобы доброму разбойнику могли уподобляться только наши единоземцы и единовѣрцы, а не люди всѣхъ народовъ и религій.

Генералъ. Да что вы на меня какъ на мертваго несете! Когда я различалъ въ этомъ дѣлѣ народности и религіи? Развѣ армяне мнѣ земляки и единовѣрцы? И развѣ я спрашивалъ, какой вѣры, или какого племени то чортово отродье, которое я разнесъ картечью?

Князь. Но вы вотъ и до сихъ поръ не успѣли вспомнить, что это самое чортово отродье — все-таки люди, что во всякомъ человѣкѣ есть добро и зло, и что всякій разбойникъ, будь онъ казакъ, или баши-бузукъ, можетъ оказаться добрымъ евангельскимъ разбойникомъ.

Генералъ. Ну, разбери васъ тутъ! То вы говорили, что злой человѣкъ есть то-же, что звѣрь безотвѣтственный, то теперь по-вашему баши-бузукъ, поджаривающій младенцевъ, можетъ оказаться добрымъ евангельскимъ разбойникомъ! И все это единственно для того, чтобы какъ-нибудь зла пальцемъ не тронуть. А по-моему, важно не то, что во всякомъ человѣкѣ есть зачатки и добра и зла, а то, что̀ изъ двухъ въ комъ пересилило. Не то интересно, что изъ всякаго винограднаго сока можно и вино и уксусъ сдѣлать, а важно, что именно вотъ въ этой-то бутылкѣ заключается— вино, или уксусъ? Потому-что, если это уксусъ, а

я стану его пить стаканами и другихъ угощать, подъ тѣмъ предлогомъ, что это изъ того-же матеріала, что и вино, то вѣдь кромѣ порчи желудковъ я этой мудростью никакой услуги никому не окажу. Всѣ люди братья. Прекрасно. Очень радъ. Ну, а дальше-то что? Вѣдь братья-то бываютъ разные. И почему-же мнѣ не поинтересоваться, кто изъ моихъ братьевъ Каинъ, и кто Авель? И если на моихъ глазахъ братъ мой Каинъ деретъ шкуру съ брата моего Авеля, и я именно по неравнодушію къ братьямъ дамъ брату Каину такую затрещину, чтобъ ему больше не до озорства было,— вы вдругъ меня укоряете, что я про братство забылъ. Отлично помню, — поэтому и вмѣшался, а если-бы не помнилъ, то могъ-бы спокойно мимо пройти.

Князь. Но откуда-же такая дилемма: или мимо пройти или затрещину дать?

Генералъ. Да третьяго-то исхода чаще всего и не найдете въ такихъ случаяхъ. Вотъ вы предлагали было молиться Богу о прямомъ вмѣшательствѣ, чтобы Онъ, значитъ, мгновенно и собственною десницей всякаго чортова сына въ разумъ привелъ,— такъ вы сами, кажется, отъ этого способа отказались. А я скажу, что этотъ способъ при всякомъ дѣлѣ хорошъ, но никакого дѣла замѣнить собою не можетъ. Вѣдь вотъ благочестивые люди и передъ обѣдомъ молятся, а жевать-то жуютъ сами, собственными челюстями. Вѣдь и я не безъ молитвы конною артиллеріей-то командовалъ.

Князь. Такая молитва, конечно, есть кощунство. ужно не молиться Богу, а дѣйствовать по-Божьи.

Генералъ. То-есть?

Князь. Кто въ самомъ дѣлѣ исполненъ истиннымъ духомъ евангельскимъ, тотъ найдетъ въ себѣ, когда нужно, способность и словами, и жестами и всѣмъ своимъ видомъ такъ подѣйствовать на несчастнаго темнаго брата, желающаго совершить убійство, или какое-нибудь другое зло,—съумѣетъ произвести на него такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ сразу постигнетъ свою ошибку и откажется отъ своего ложнаго пути.

Генералъ. Святые угодники! Это передъ баши-бузуками-то, что младенцевъ поджаривали, я, по вашему, долженъ былъ продѣлывать трогательные жесты и говорить трогательныя слова?

Г. Z. Слова-то по дальности разстоянія и по взаимному незнанію языковъ были-бы тутъ, пожалуй, вполнѣ неумѣстны. А что касается до жестовъ, производящихъ потрясающее впечатлѣніе, то лучше залповъ картечи, воля ваша, для данныхъ обстоятельствъ ничего не придумаешь.

Дама. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ языкѣ и съ помощью какихъ инструментовъ объяснялся-бы генералъ съ баши-бузуками?

Князь. Я вовсе не говорилъ, чтобъ вотъ *они* могли подѣйствовать по-евангельски на баши-бузуковъ. Я только сказалъ, что человѣкъ, исполненный истиннаго евангельскаго духа, нашелъ-бы возможность и въ этомъ случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ, пробудить въ темныхъ душахъ то добро, которое таится во всякомъ человѣческомъ существѣ.

Г. Z. Вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете?

Князь. Нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь.

Г. Z. Ну, а думаете-ли вы, что Христосъ *достаточно* былъ проникнутъ истиннымъ евангельскимъ духомъ, или нѣтъ?

Князь. Что за вопросъ?

Г. Z. А то, что я желаю знать: почему-же Христосъ не подѣйствовалъ силою евангельскаго духа, чтобы пробудить добро, сокрытое въ душахъ Іуды, Ирода, еврейскихъ первосвященниковъ и, наконецъ, того *злого* разбойника, о которомъ обыкновенно какъ-то совсѣмъ забываютъ, когда говорятъ о его *добромъ* товарищѣ? Для положительнаго-то христіанскаго воззрѣнія непреодолимой трудности тутъ нѣтъ. Ну, а вамъ чѣмъ-нибудь изъ двухъ ужъ непремѣнно тутъ нужно пожертвовать: или вашею привычкой ссылаться на Христа и на евангеліе, какъ на высшій авторитетъ,—или вашимъ моральнымъ оптимизмомъ. Потому-что третій, довольно-таки изъѣзженный путь—отрицаніе самого евангельскаго факта какъ позднѣйшей выдумки, или „жреческаго“ истолкованія—въ настоящемъ случаѣ для васъ совершенно закрытъ. Какъ-бы вы ни искажали и ни обрубали для своей цѣли текстъ четырехъ евангелій, главное-то въ немъ для нашего вопроса останется все-таки безспорнымъ, а именно, что Христосъ подвергся жестокому преслѣдованію и смертной казни по злобѣ Своихъ враговъ. Что Онъ самъ оставался нравственно выше всего этого, что Онъ не хотѣлъ сопротивляться и простилъ Своихъ враговъ—это одинаково понятно какъ съ моей, такъ и съ вашей точки зрѣнія. Но почему-же, прощая Своихъ враговъ, Онъ (говоря вашими словами) не избавилъ ихъ душъ отъ той ужасной тьмы, въ которой онѣ находились? Почему Онъ не побѣдилъ

ихъ злобы силою Своей кротости? Почему Онъ не пробудилъ дремавшаго въ нихъ добра, не просвѣтилъ и не возродилъ ихъ духовно? Однимъ словомъ, почему Онъ не подѣйствовалъ на Іуду, Ирода, іудейскихъ первосвященниковъ такъ, какъ Онъ подѣйствовалъ на *одного* только добраго разбойника? Опять-таки: или не могъ, или не хотѣлъ. Въ обоихъ случаяхъ выходитъ *по-вашему*, что Онъ не былъ *достаточно* проникнутъ истиннымъ евангельскимъ духомъ, а такъ-какъ дѣло идетъ, если не ошибаюсь, о евангеліи Христовомъ, а не чьемъ-нибудь другомъ, то у васъ оказывается, что Христосъ не былъ достаточно проникнутъ истиннымъ духомъ Христовымъ, съ чѣмъ я васъ и поздравляю.

Князь. Ну, соперничать съ вами въ словесномъ фехтованіи я не стану, какъ не сталъ-бы состязаться съ генераломъ въ фехтованіи на „христолюбивыхъ“ шпагахъ...

(*Тутъ князь всталъ съ мѣста и хотѣлъ, очевидно, сказать что-то очень сильное, чтобы однимъ ударомъ, безъ фехтованія, сразить противника, но на ближней колокольнѣ пробило семь часовъ*).

Дама. Пора обѣдать! И нельзя второпяхъ оканчивать такой споръ. Послѣ обѣда наша партія въ винтъ, но завтра непремѣнно, непремѣнно долженъ продолжаться этотъ разговоръ. (*Къ политику*). Вы согласны?

Политикъ. На продолженіе этого разговора? А я такъ обрадовался его концу! Вѣдь споръ рѣшительно принималъ довольно непріятный специфическій запахъ религіозныхъ войнъ! Совсѣмъ не по сезону. А мнѣ моя жизнь все-таки всего дороже.

Дама. Не притворяйтесь. И вы непремѣнно, непремѣнно должны принять участіе. А то что это: растянулись какимъ-то дѣйствительнымъ тайнымъ Мефистофелемъ!

Политикъ. Завтра, пожалуй, я согласенъ разговаривать, но только съ условіемъ, чтобы религіи было поменьше. Я не требую, чтобы ее изгнать совсѣмъ, такъ-какъ это, кажется, невозможно. Но только поменьше, ради Бога поменьше!

Дама. Ваше „ради Бога“ въ этомъ случаѣ очень мило.

Г. Z. (*къ политику*). Но вѣдь лучшее средство, чтобы религіи было какъ можно меньше, это—вамъ говорить какъ можно больше.

Политикъ. И обѣщаюсь! Хотя слушать все-таки пріятнѣе, чѣмъ говорить, особенно въ этомъ благорастворѐніи воздуховъ, но для спасенія нашего маленькаго общества отъ междоусобныя брани, что могло-бы отразиться пагубнымъ образомъ и на винтѣ,—готовъ на два часа пожертвовать собою.

Дама. Отлично! А послѣзавтра — конецъ спора о евангеліи. Князь успѣетъ приготовить какое-нибудь совсѣмъ непобѣдимое возраженіе. Только и вы должны присутствовать. Нужно-же немного къ духовнымъ предметамъ пріучаться.

Политикъ. Еще и послѣзавтра? Ну, нѣтъ! Такъ далеко мое самопожертвованіе не идетъ,—къ тому-же мнѣ нужно послѣзавтра ѣхать въ Ниццу.

Дама. Въ Ниццу? Какая наивная дипломатія! Вѣдь это безполезно: вашъ шифръ давно разобранъ, и всякій знаетъ, что когда вы говорите: нужно въ Ниццу, то это значитъ, хочу кутить въ Монте-Карло. Что-жъ? Послѣзавтра обойдемся

и безъ васъ. Погрязайте въ матеріи, если не боитесь, что сами черезъ нѣсколько времени духомъ станете. Ступайте въ Монте-Карло. И пусть Провидѣніе воздастъ вамъ по вашимъ заслугамъ!

Политикъ. Ну, заслуги мои касаются не Провидѣнія, а только проведенія необходимыхъ мѣропріятій. А вотъ удачу и маленькій расчетъ,—это я допускаю—въ рулеткѣ, какъ и во всемъ другомъ.

Дама. Только завтра-то ужъ мы непремѣнно должны собраться всѣ вмѣстѣ.

РАЗГОВОРЪ ВТОРОЙ.

Audiatur et *altera* pars.

На другой день, въ назначенный предобѣденный часъ, я былъ вмѣстѣ съ прочими за чайнымъ столомъ подъ пальмами. Недоставало только *князя*, котораго пришлось подождать. Не играя въ карты, я вечеромъ-же записалъ весь этотъ второй разговоръ съ самаго начала. „Политикъ“ говорилъ на этотъ разъ такъ много и такъ „протяженно-сложенно ткалъ“ свои фразы, что записать все съ буквальною точностью—было невозможно. Я привелъ достаточное количество его подлинныхъ изреченій и старался сохранить общій тонъ, но, разумѣется, во многихъ случаяхъ могъ лишь передать своими словами сущность его рѣчи.

Политикъ. Давно ужъ я замѣчалъ одну странность: люди, сдѣлавшіе себѣ особаго конька изъ высшей какой-то морали, никакъ не могутъ овладѣть самою простою и необходимою, а по-моему даже единственно необходимою добродѣтелью — вѣжливостью. Поэтому остается только благодарить Создателя, что у насъ сравнительно такъ мало лицъ, одержимыхъ этою идеей высшей морали—говорю *идеей*, потому-что дѣйствительности-то ея

я никогда не встрѣчалъ и не имѣю никакой причины вѣрить въ существованіе подобной вещи.

Дама. Ну, это старо, а вотъ о вѣжливости есть правда въ томъ, что вы сказали. Попробуйте-ка, покуда не пришелъ le sujet en question, доказать, что вѣжливость, есть единственно необходимая добродѣтель, — такъ, слегка доказать, какъ пробуютъ инструменты въ оркестрѣ передъ началомъ увертюры.

Политикъ. Да, въ такихъ случаяхъ раздаются только отдѣльные звуки. Такая монотонность будетъ и теперь, потому-что едва-ли кто станетъ защищать другое мнѣніе, т.-е. до прихода князя, ну, а при немъ говорить о вѣжливости было-бы сегодня не совсѣмъ вѣжливо.

Дама. Конечно. Ну, ваши доказательства?

Политикъ. Вы согласитесь, я думаю, что можно отлично существовать въ такомъ обществѣ, гдѣ нѣтъ ни одного цѣломудреннаго, ни одного безкорыстнаго, ни одного самоотверженнаго человѣка. Я, по крайней мѣрѣ, всегда недурно устраивался въ такихъ компаніяхъ...

Дама. Напримѣръ, въ Монте-Карло.

Политикъ. И въ Монте-Карло, и во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Нигдѣ не ощущается потребности хотябы въ единомъ представителѣ высшей добродѣтели. Ну, а попробуйте-ка прожить въ такомъ обществѣ, гдѣ не было-бы ни одного вѣжливаго человѣка.

Генералъ. Не знаю, про какія компаніи вы изволите говорить, но вотъ въ хивинской кампаніи или въ турецкой едва-ли можно было обойтись безъ нѣкоторыхъ другихъ добродѣтелей, помимо вѣжливости.

Политикъ. Еще-бы вы сказали, что для путешествующихъ черезъ среднюю Африку нужна не одна вѣжливость. Я вѣдь говорю о правильной повседневной жизни въ культурномъ человѣческомъ обществѣ. Вотъ для нея никакихъ высшихъ добродѣтелей и никакого такъ-называемаго христіанства не нужно. (*Къ г. Z.*). Вы качаете головой?

Г. Z. Я вспомнилъ объ одномъ печальномъ происшествіи, о которомъ меня на-дняхъ извѣстили.

Дама. Что такое?

Г. Z. Мой другъ N. внезапно умеръ.

Генералъ. Это извѣстный романистъ?

Г. Z. Онъ самый.

Политикъ. Да, объ его смерти въ газетахъ писали какъ-то глухо.

Г. Z. То-то и есть, что глухо.

Дама. Но почему-же вы именно въ эту минуту вспомнили? Развѣ онъ умеръ отъ чьей-нибудь невѣжливости?

Г. Z. Наоборотъ, отъ своей собственной чрезмѣрной вѣжливости и больше ни отчего.

Генералъ. Вотъ и по этому пункту единомыслія у насъ, какъ видно, не оказывается.

Дама. Разскажите, если можно.

Г. Z. Да тутъ скрывать нечего. Мой другъ, думавшій также, что вѣжливость есть хотя и не единственная добродѣтель, но во всякомъ случаѣ первая необходимая ступень общественной нравственности, считалъ своею обязанностью строжайшимъ образомъ исполнять всѣ ея требованія. А сюда онъ относилъ между прочимъ слѣдующее: читать всѣ получаемыя имъ письма, хотя-бы отъ незнакомыхъ, а также всѣ книги и брошюры, при-

сылаемыя ему съ требованіемъ рецензій; на каждое письмо отвѣчать и всѣ требуемыя рецензіи писать; старательно вообще исполнять всѣ обращенныя къ нему просьбы и ходатайства, вслѣдствіе чего онъ былъ весь день въ хлопотахъ по чужимъ дѣламъ, а на свои собственныя оставлялъ только ночи; далѣе—принимать всѣ приглашенія, а также всѣхъ посѣтителей, заставшихъ его дома. Пока мой другъ былъ молодъ и могъ легко переносить крѣпкіе напитки, каторжная жизнь, которую онъ себѣ создалъ вслѣдствіе своей вѣжливости, хотя и удручала его, но не переходила въ трагедію: вино веселило его сердце и спасало отъ отчаянія. Уже готовый взяться за веревку, онъ брался за бутылку и, потянувши изъ нея, бодрѣе тянулъ и свою цѣпь. Но здоровья онъ былъ слабаго и въ 45 лѣтъ долженъ былъ отказаться отъ крѣпкихъ напитковъ. Въ трезвомъ состояніи его каторга показалась ему адомъ, и вотъ теперь меня извѣщаютъ, что онъ покончилъ съ собою.

Дама. Какъ! Изъ-за одной только вѣжливости? Да онъ былъ просто сумасшедшій.

Г. Z. Несомнѣнно, что онъ потерялъ душевное равновѣсіе, но думаю, что слово „просто“ тутъ менѣе всего подходитъ.

Генералъ. Да, и я такіе случаи сумасшествія видалъ, что ежели ихъ хорошенько разобрать, то самъ пожалуй съ ума сойдешь,—такъ оно не просто.

Политикъ. Но во всякомъ случаѣ ясно, что вѣжливость-то тутъ не при чемъ. Какъ испанскій престолъ не виноватъ въ сумасшествіи титулярнаго совѣтника Поприщина, такъ обязанность вѣжливости не причастна сумасшествію вашего друга

Г. Z. Конечно, да я вѣдь не противъ вѣжливости, а только противъ ея возведенія въ какое-то абсолютное правило.

Политикъ. Абсолютное правило, какъ и всякій абсолютъ, есть только выдумка людей, лишенныхъ здраваго смысла и чувства живой дѣйствительности. Никакихъ абсолютныхъ правилъ я не принимаю, а принимаю только правила *необходимыя*. Я, напримѣръ, отлично знаю, что если я не буду соблюдать правилъ опрятности, то это будетъ гадко и мнѣ самому и другимъ. Не желая испытывать и возбуждать непріятныхъ ощущеній, я ненарушимо держусь правила каждый день умываться, мѣнять бѣлье и т. д. не потому, что это принято другими, или мною самимъ, или составляетъ что-нибудь священное, что нарушать грѣхъ, а просто потому, что нарушеніе этого правила было-бы ipso facto, матерьяльно неудобно. Точно то-же и о вѣжливости вообще, куда собственно входитъ и опрятность, какъ часть. Мнѣ, какъ и всякому, гораздо *удобнѣе* исполнять, чѣмъ нарушать, правила вѣжливости,—я ихъ и исполняю. Но вольно-же было вашему другу воображать, что вѣжливость требуетъ отъ него отвѣчать на всѣ письма и просьбы безъ разбора удобствъ и выгодъ, — это ужъ не вѣжливость, а какое-то нелѣпое самопожертвованіе.

Г. Z. Непомѣрно развитая совѣстливость перешла у него въ манію, которая и погубила его.

Дама. Но это ужасно, что человѣкъ погибъ изъза такой глупости. Неужели вы не могли его образумить?

Г. Z. Старался всячески и имѣлъ очень силь-

наго союзника въ одномъ аѳонскомъ странникѣ, полуюродивомъ, но очень замѣчательномъ. Мой другъ его очень уважалъ и часто совѣтовался съ нимъ по духовнымъ дѣламъ. Тотъ сразу замѣтилъ, въ чемъ тутъ корень зла. Я хорошо знаю этого странника, и мнѣ иногда случалось присутствовать при ихъ бесѣдахъ. Когда мой другъ начиналъ сообщать ему свои нравственныя сомнѣнія—правъ-ли онъ былъ въ этомъ, не погрѣшилъ-ли въ томъ, Варсонофій сейчасъ прерывалъ его: „Э-е, насчетъ грѣховъ своихъ сокрушаешься, — брось, пустое! Вотъ какъ я тебѣ скажу: въ день 539 разъ грѣши, да главное не кайся, потому согрѣшить и покаяться, это всякій можетъ, а ты грѣши постоянно и не кайся никогда; потому ежели грѣхъ зло, то вѣдь зло помнить—значитъ быть злопамятнымъ, и этого никто не похвалитъ. И самое, что ни на есть худшее злопамятство — свои грѣхи помнить. Ужъ лучше ты помни то зло, что тебѣ другіе сдѣлаютъ—въ этомъ есть польза: впередъ такихъ людей остерегаться будешь, а свое зло—забудь о немъ и думать, чтобъ вовсе его не было. Грѣхъ одинъ только и есть смертный—уныніе, потому-что изъ него рождается отчаяніе, а отчаяніе—это уже собственно и не грѣхъ, а сама смерть духовная. Ну, а какіе еще тамъ грѣхи? Пьянство что-ли? Такъ вѣдь умный человѣкъ пьетъ поколику вмѣщаетъ, онъ безмѣстно пить не будетъ, а дуракъ—тотъ и ключевою водой обопьется, значитъ тутъ сила не въ винѣ, а въ безуміи. Иные по безумію и сгораютъ отъ водки, не то что однимъ нутромъ, а такъ, что и снаружи весь почернѣетъ, и огоньки по немъ пойдутъ,—самъ своими глазами

видѣлъ, —такъ тутъ ужъ о какомъ грѣхѣ говорить, когда изъ тебя сама геенна огненная воочію проступаетъ.—Насчетъ этихъ разныхъ нарушеній седьмой заповѣди по совѣсти скажу: судить мудрено, а похвалить никакъ невозможно. Нѣтъ, не рекомендую! Конечно, оно удовольствіе пронзительное—это что и толковать,—ну, а наконецъ того—унылое и жизнь сокращаетъ. Ежели мнѣ не вѣришь, посмотри вотъ, что ученый нѣмецкій докторъ пишетъ.—И Варсонофій бралъ съ полки книгу стариннаго вида и начиналъ ее перелистывать.—Одно, братъ, заглавіе чего стоитъ! Ма-кробі-отика Гу-фе-ланда! Вотъ, смотри-ка тутъ, на страницѣ 176... И онъ съ разстановками прочитывалъ страницу, гдѣ нѣмецкій авторъ усердно предостерегаетъ отъ нерасчетливой траты жизненныхъ силъ.—Вотъ видишь! Такъ изъ-за чегоже умному человѣку въ убытокъ-то входить? Въ молодую-то, несмысленную пору оно, конечно, и невѣсть что мерещится; ну, а потомъ—нѣтъ! себѣ дороже. А чтобы, значитъ, прежнее все вспоминать да сокрушаться: зачѣмъ, молъ, я окаянный невинности своей лишился, чистоту душевную и тѣлесную потерялъ?—такъ это, я тебѣ скажу, одна чистая глупость, это значитъ себя прямо-таки дьяволу въ шуты отдавать. Ему-то, конечно, лестно, чтобы твоя душа впередъ и вверхъ не шла, а все бы на одномъ грязномъ мѣстѣ топталась. А вотъ тебѣ мой совѣтъ: какъ начнетъ онъ тебя этимъ самымъ раскаяніемъ смущать, ты плюнь да разотри—вотъ, молъ, и всѣ мои грѣхи тяжкіе, такъ они для меня необнаковенно важны! Небось, отстанетъ!—по опыту говорю... Ну, а еще тамъ

какія за тобой беззаконія? Воровать, чай, не станешь? А ежели и укралъ—невелика бѣда: нынѣ всѣ воруютъ. Такъ, значитъ, ты объ такихъ пустякахъ и не думай, а берегись только одного—унынія. Придутъ мысли о грѣхахъ, — что, молъ, не обидѣлъ-ли кого чѣмъ,—такъ ты въ театръ, что-ли, сходи, или въ компанію какую-нибудь веселую, или листы какіе-нибудь скоморошескіе почитай. А хочешь отъ меня непремѣнно правила, такъ вотъ тебѣ и правило: въ вѣрѣ будь твердъ, не по страху грѣховъ, а потому, что ужъ очень пріятно умному человѣку съ Богомъ жить, а безъ Бога-то довольно пакостно; въ слово Божіе вникай, вѣдь его если съ толкомъ читать, что ни стихъ—какъ рублемъ подаритъ; молись ежедневно хоть разъ или два съ чувствомъ. Умываться-то небось не забываешь, а молитва искренняя для души—лучше всякаго мыла. Постись для здоровья желудка и прочихъ внутренностей—теперь всѣ доктора совѣтуютъ послѣ сорока лѣтъ; о чужихъ дѣлахъ не думай и благотворительностью не занимайся, если свое дѣло есть; а встрѣчнымъ бѣднымъ давай, не считая; на церкви и монастыри тоже жертвуй безъ счета—тамъ ужъ въ небесномъ контролѣ все сами подсчитаютъ,—ну, и будешь ты здравъ и душою и тѣломъ, а съ ханжами какими-нибудь, что въ чужую душу залѣзаютъ, потому-что въ своей пусто, съ такими ты и не разговаривай". Подобныя рѣчи производили хорошее дѣйствіе на моего друга, но не могли до конца одолѣть наплыва гнетущихъ впечатлѣній, да въ послѣднее время онъ рѣдко и видался съ Варсонофіемъ.

Политикъ. А вѣдь этотъ вашъ странникъ

по-своему говоритъ въ сущности почти то-же, что и я.

Дама. Тѣмъ лучше. Но какой удивительный въ самомъ дѣлѣ моралистъ! Грѣши и главное не кайся,—мнѣ это очень нравится.

Генералъ. Вѣдь, я думаю, не всѣмъ-же онъ это говоритъ. Какого-нибудь душегубца или пакостника навѣрно въ другомъ тонѣ поучаетъ.

Г. Z. Ну, конечно. Но какъ только замѣтитъ нравственную мнительность, сейчасъ философомъ становится и даже фаталистомъ. Одну очень умную и образованную старушку онъ привелъ въ восхищеніе. Она была хоть и русской вѣры, но заграничнаго воспитанія, и много наслышавшись о нашемъ Варсонофіи, отнеслась было къ нему какъ-бы къ directeur de conscience, но онъ ей не далъ много говорить о своихъ душевныхъ затрудненіяхъ. „Да изъ-за чего ты этакою дрянью себя безпокоишь! Кому это нужно? Вотъ и мнѣ, простому мужику, скучно тебя слушать, а неужто ты думаешь, что Богу-то интересно! И о чемъ тутъ толковать: ты стара, ты слаба и никогда лучше не будешь". Она мнѣ это со смѣхомъ и со слезами на глазахъ разсказывала; впрочемъ, она пробовала ему возражать, но онъ ее окончательно убѣдилъ однимъ разсказомъ изъ жизни древнихъ отшельниковъ,—Варсонофій и намъ съ N. часто его разсказывалъ. Хорошій разсказъ, только, пожалуй, долго будетъ теперь его передавать.

Дама. А вы разскажите коротко.

Г. Z. Постараюсь. Въ Нитрійской пустынѣ спасались два отшельника. Пещеры ихъ были въ недалекомъ разстояніи, но они никогда не разгова-

ривали между собою, развѣ только псалмами иногда перекликаются. Такъ провели они много лѣтъ, и слава ихъ стала распространяться по Египту и по окрестнымъ странамъ. И вотъ однажды удалось діаволу вложить имъ въ душу, обоимъ заразъ, одно намѣреніе, и они, не говоря другъ другу ни слова, забрали свою работу—корзинки и постилки изъ пальмовыхъ листьевъ и вѣтвей—и отправились вмѣстѣ въ Александрію. Тамъ они продали свою работу и затѣмъ три дня и три ночи кутили съ пьяницами и блудницами, послѣ чего пошли назадъ въ свою пустыню. Одинъ изъ нихъ горько рыдалъ и сокрушался.

— Погибъ я теперь совсѣмъ окаянный! Такого неистовства, такой скверны ничѣмъ не замолишь. Пропали теперь даромъ всѣ мои посты и бдѣнія и молитвы,—заразъ все безвозвратно погубилъ!

А другой съ нимъ рядомъ идетъ и радостнымъ голосомъ псалмы распѣваетъ.

— Да что ты, обезумѣлъ, что-ли?

— А что?

— Да что-жъ ты не сокрушаешься?

— А о чемъ мнѣ сокрушаться?

— Какъ! А Александрія?

— Что-жъ Александрія? Слава Всевышнему, хранящему сей знаменитый и благочестивый градъ!

— Да мы что-то дѣлали въ Александріи?

— Извѣстно что дѣлали: корзины продавали, святому Марку поклонились, прочіе храмы посѣщали, въ палаты къ благочестивому градоправителю заходили, съ монахолюбивою домною Леонилою бесѣдовали...

— Да ночевали-то мы развѣ не въ блудилищѣ?

— Храни Богъ! Вечеръ и ночь проводили мы на патріаршемъ дворѣ.

— Святые мученики! Онъ лишился разсудка... Да виномъ-то мы гдѣ упивались?

— Вина и яствъ вкушали мы отъ патріаршей трапезы по случаю праздника Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы.

— Несчастный! А цѣловался-то съ нами кто, чтобы о горшемъ умолчать?

— А лобзаніемъ святымъ почтилъ насъ на разставаніи отецъ отцовъ, блаженнѣйшій архіепископъ великаго града Александріи и всего Египта, Ливіи-же и Пентаполя и судія вселенной, Кур-Тимоѳей, со всѣми отцами и братіями его богоизбраннаго клира.

— Да что ты, насмѣхаешься, что-ли, надо мной? Или за вчерашнія мерзости въ тебя самъ діаволъ вселился? Съ блудницами скверными цѣловался ты, окаянный!

— Ну, не знаю, въ кого вселился діаволъ: въ меня-ли, когда я радуюсь дарамъ Божіимъ и благоволенію къ намъ мужей священноначальныхъ и хвалю Создателя вмѣстѣ со всею тварью,—или въ тебя, когда ты здѣсь бѣснуешься и домъ блаженнѣйшаго отца нашего и пастыря называешь блудилищемъ, а его самого и боголюбезный клиръ его—позоришь, яко-бы сущихъ блудницъ.

— Ахъ ты, еретикъ! Аріево отродье! Аполлинарія мерзкаго всеклятыя уста!

И сокрушавшійся о своемъ грѣхопаденіи отшельникъ бросился на своего товарища и сталъ изо-всѣхъ силъ его бить. Послѣ этого они молча пошли къ своимъ пещерамъ. Одинъ всю ночь уби-

вался, оглашая пустыню стонами и воплями, рвалъ на себѣ волосы, бросался на землю и колотился объ нее головой, другой-же спокойно и радостно распѣвалъ псалмы. На утро кающемуся пришла въ голову мысль: такъ-какъ я долголѣтнимъ подвигомъ уже стяжалъ особую благодать Святаго Духа, которая уже начала проявляться въ чудесахъ и знаменіяхъ, то, *послѣ этого*, отдавшись плотской мерзости, я совершилъ грѣхъ противъ Духа Святаго, что, по слову Божію, не прощается ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Я бросилъ жемчужину небесной чистоты мысленнымъ свиніямъ, т.-е. бѣсамъ, они потоптали ее и теперь навѣрное, обратившись, растерзаютъ меня. Но если я во всякомъ случаѣ окончательно погибъ, то что-же я буду дѣлать тутъ, въ пустынѣ? И онъ пошелъ въ Александрію и предался распутной жизни. Когда-же ему понадобились деньги, то онъ, въ сообщничествѣ съ другими такими-же гуляками, убилъ и ограбилъ богатаго купца. Дѣло открылось, онъ былъ подвергнутъ градскому суду и, приговоренный къ смертной казни, умеръ безъ покаянія. А между тѣмъ его прежній товарищъ, продолжая свое подвижничество, достигъ высшей степени святости и прославился великими чудесами, такъ-что по одному его слову многолѣтне-безплодныя женщины зачинали и рождали дѣтей мужескаго пола. Когда пришелъ день его кончины, изможденное и засохшее его тѣло вдругъ какъ-бы расцвѣло красотою и молодостью, просіяло и наполнило воздухъ благоуханіемъ. По смерти надъ его чудотворными мощами создался монастырь, и имя его перешло изъ Александрійской церкви въ Византію,

а оттуда попало въ кіевскіе и московскіе святцы.— Вотъ, значитъ, и правду я говорю, прибавлялъ Варсонофій,—всѣ грѣхи не бѣда, кромѣ одного только—унынія: прочія-то всѣ беззаконія они совершали оба вмѣстѣ, а погибъ-то одинъ,—который унывалъ.

Генералъ. Видите: и для монаховъ бодрость духа нужна, а теперь вотъ хотятъ на военныхъ уныніе напускать.

Г. Z. Вотъ мы, значитъ, отъ вопроса о вѣжливости хотя удалились, зато къ главному-то нашему предмету опять приблизились.

Дама. А кстати наконецъ и князь идетъ. Здравствуйте! А мы безъ васъ о вѣжливости говорили.

Князь. Извините, пожалуйста, никакъ нельзя было раньше выбраться. Получилъ цѣлую кипу разныхъ бумагъ отъ нашихъ и разныя изданія, потомъ покажу.

Дама. Ну, хорошо, а я вамъ потомъ разскажу священный анекдотъ о двухъ монахахъ, которымъ мы тоже утѣшались въ ваше отсутствіе, а теперь слово принадлежитъ нашему дѣйствительному тайному монте-карлисту. Ну, излагайте, что вы послѣ вчерашняго разговора скажете о войнѣ.

Политикъ. Изъ вчерашняго разговора у меня осталось въ памяти вотъ ихъ ссылка на Владиміра Мономаха, да военный разсказъ генерала. Это пусть и будетъ исходною точкой для дальнѣйшаго обсужденія вопроса.—Невозможно спорить противъ того, что Владиміръ Мономахъ хорошо дѣлалъ, когда громилъ половцевъ, и что генералъ хорошо сдѣлалъ, что перебилъ баши-бузуковъ.

Дама. Значитъ, вы согласны?

Политикъ. Я согласенъ съ тѣмъ, о чемъ вотъ и имѣю честь вамъ докладывать, а именно, что и Мономахъ и генералъ дѣйствовали такъ, какъ *въ данномъ положеніи* имъ должно было дѣйствовать; но что-же отсюда слѣдуетъ для оцѣнки самого этого положенія, или для оправданія и увѣковѣченія войны и милитаризма?

Князь. Вотъ именно я это и говорю.

Дама. Теперь ужъ вы, значитъ, съ княземъ согласны?

Политикъ. Если вы мнѣ позволите объяснить мой взглядъ на предметъ, то само собою будетъ видно, съ кѣмъ и въ чемъ я согласенъ. Мой взглядъ есть только логическій выводъ изъ несомнѣнной дѣйствительности и фактовъ исторіи. Развѣ можно спорить противъ историческаго значенія войны, какъ главнаго, если не единственнаго средства, которымъ создавалось и упрочивалось государство? Укажите мнѣ хоть одно такое государство, которое было-бы создано и закрѣплено помимо войны.

Дама. А Сѣверная Америка?

Политикъ. Спасибо за отличный примѣръ. Я вѣдь говорю о созданіи *государства*. Конечно, Сѣверная Америка, какъ европейская *колонія*, была создана, подобно всѣмъ прочимъ колоніямъ, не войною, а мореплаваніемъ, но какъ только эта колонія захотѣла быть государствомъ, такъ ей пришлось долголѣтнею войною добывать свою политическую независимость.

Князь. Изъ того, что государство создавалось посредствомъ войны, что, конечно, неоспоримо, вы, повидимому, заключаете о важности войны, а по-моему изъ этого можно заключать только о не-

важности государства—разумѣется для людей, отказавшихся отъ поклоненія насилію.

Политикъ. Сейчасъ и поклоненіе насилію! Зачѣмъ это? А вы лучше попробуйте-ка устроить прочное человѣческое общежитіе внѣ принудительныхъ государственныхъ формъ, или хоть сами на дѣлѣ откажитесь ото всего, что на нихъ держится, — тогда и говорите о неважности государства. Ну, а до тѣхъ поръ государство и все то, чѣмъ мы съ вами ему обязаны, остается огромнымъ фактомъ, а ваши нападенія на него остаются маленькими словами. — Итакъ, повторяю: великое историческое значеніе войны, какъ главнаго условія при созданіи государства,—внѣ вопроса; но я спрашиваю: самое это великое дѣло созиданія государства развѣ не должно считаться завершеннымъ въ существенныхъ чертахъ? А подробности, конечно, могутъ быть улажены и безъ такого героическаго средства какъ война. Въ древности и въ средніе вѣка, когда міръ европейской культуры былъ лишь островомъ среди океана болѣе или менѣе дикихъ племенъ, военный строй требовался прямо самосохраненіемъ. Было нужно всегда быть наготовѣ къ отраженію какихъ-нибудь ордъ, устремлявшихся невѣдомо откуда, чтобы потоптать слабые ростки цивилизаціи. Но теперь островами можно назвать только не-европейскіе элементы, а европейская культура стала океаномъ, размывающимъ эти острова. Наши ученые, авантюристы и миссіонеры весь земной шаръ обшарили и ничего грозящаго серьезною опасностью для культурнаго міра не нашли. Дикари весьма успѣшно истребляются и вымираютъ, а воинствен-

ные варвары, какъ турки или японцы, цивилизуются и теряютъ свою воинственность. Между тѣмъ объединеніе европейскихъ націй въ общей культурной жизни...

Дама (*въ полъ-голоса*). Монте-Карло...

Политикъ. Въ общей культурной жизни такъ усилилось, что война между этими націями прямо имѣла-бы характеръ междуусобія, во всѣхъ отношеніяхъ непростительнаго при возможности мирнаго улаженія международныхъ споровъ. Рѣшать ихъ войною въ настоящее время было-бы такъ-же фантастично, какъ пріѣхать изъ Петербурга въ Марсель на парусномъ суднѣ или въ тарантасѣ на тройкѣ, — хотя я совершенно согласенъ, что „бѣлѣетъ парусъ одинокій“ и „вотъ мчится тройка удалая“ гораздо поэтичнѣе, чѣмъ свистки парохода, или крики „en voiture messieurs!“ Точно также я готовъ признать эстетическое преимущество и „стальной щетины“ и „колыхаясь и сверкая движутся полки“ передъ портфелями дипломатовъ и суконными столами мирныхъ конгрессовъ, но серьезная постановка такого жизненнаго вопроса, очевидно, не должна имѣть ничего общаго съ эстетической оцѣнкой той красоты, которая принадлежитъ вѣдь не реальной войнѣ,—это, увѣряю васъ, вовсе некрасиво,—а лишь ея отраженію въ фантазіи поэта или художника; и разъ всѣ начинаютъ понимать, что война при всей своей интересности для поэзіи и живописи, — онѣ вѣдь могутъ и прошедшими войнами довольствоваться,— вовсе теперь не нужна, потому-что невыгодна, такъ-какъ это слишкомъ дорогое, да и рискованное средство для такихъ цѣлей, которыя могутъ

быть достигнуты дешевле и вѣрнѣй инымъ путемъ — *то, значитъ, военный періодъ исторіи кончился*. Говорю разумѣется en grand. О какомъ-нибудь немедленномъ разоруженіи не можетъ быть и рѣчи, но я твердо увѣренъ, что ни мы, ни наши дѣти большихъ войнъ,—настоящихъ европейскихъ войнъ — не увидимъ, а внуки наши и о маленькихъ войнахъ—гдѣ-нибудь въ Азіи или Африкѣ—также будутъ знать только изъ историческихъ сочиненій.

Такъ вотъ мой отвѣтъ насчетъ Владиміра Мономаха: когда приходилось ограждать будущность новорожденнаго русскаго государства отъ половцевъ, потомъ отъ татаръ и т. д. — война была самымъ необходимымъ и важнымъ дѣломъ. Тоже до нѣкоторой степени можно сказать про эпоху Петра Великаго, когда нужно было обезпечить будущность Россіи, какъ державы *европейской*. Но затѣмъ значеніе войны становится все болѣе и болѣе подлежащимъ вопросу, — и въ настоящее время, какъ я сказалъ, военный періодъ исторіи кончился въ Россіи, какъ и вездѣ. Вѣдь то, что сейчасъ было мною сказано о нашемъ отечествѣ, примѣнимо,—конечно, mutatis mutandis — и къ другимъ европейскимъ странамъ. Вездѣ война была нѣкогда главнымъ и неизбѣжнымъ средствомъ для огражденія и упроченія государственнаго и національнаго бытія, — и вездѣ, съ достиженіемъ этой цѣли, она теряетъ смыслъ.

Сказать въ скобкахъ, меня удивляетъ, что нѣкоторые современные философы трактуютъ о *смыслѣ войны* безотносительно ко времени. Имѣетъ-ли смыслъ война? C'est selon. Вчера, можетъ быть,

имѣла смыслъ вездѣ, сегодня имѣетъ смыслъ только гдѣ-нибудь въ Африкѣ и въ средней Азіи, гдѣ еще остались дикари, а завтра не будетъ имѣть смысла нигдѣ. — Замѣчательно, что параллельно потерѣ своего практическаго смысла, война теряетъ, хотя и медленно, свой мистическій ореолъ. Это видно даже у такого отсталаго въ массѣ своей народа, какъ нашъ. Посудите сами: вотъ генералъ намедни съ торжествомъ указывалъ, что всѣ святые у насъ, если не монахи, то военные. Но я васъ спрашиваю: къ какой именно исторической эпохѣ относится вся эта военная святость или святая военщина? Не къ той-ли самой, когда война *дѣйствительно* была необходимѣйшимъ, спасительнымъ и, если хотите, святымъ дѣломъ? Наши святые воители были все князья кіевской и монгольской эпохи, а генералъ-лейтенантовъ или даже генералъ-поручиковъ между ними я что-то не припомню. Что-же это значитъ? Изъ двухъ знаменитыхъ военныхъ, при одинаковыхъ личныхъ правахъ на святость, за однимъ она признана, за другимъ — нѣтъ. Почему? Почему, я спрашиваю, Александръ Невскій, бившій ливонцевъ и шведовъ въ тринадцатомъ вѣкѣ,—святой, а Александръ Суворовъ, бившій турокъ и французовъ въ восемнадцатомъ,—не святой? Ни въ чемъ, противномъ святости, Суворова упрекнуть нельзя. Онъ былъ искренно благочестивъ, громогласно пѣлъ на клиросѣ и читалъ съ амвона, жизнь велъ безупречную, даже ни чьимъ любовникомъ не былъ, а юродства его, конечно, составляютъ не препятствіе, а скорѣе лишній аргументъ для его канонизаціи. Но дѣло въ томъ, что Александръ Невскій сражался за національно-политическую

будущность своего отечества, которое, разгромленное уже наполовину съ востока, едва-ли бы устояло при новомъ разгромѣ съ запада,—инстинктивный смыслъ народа понималъ жизненную важность положенія и далъ этому князю самую высокую награду, какую только могъ представить, причисливъ его къ святымъ. Ну, а подвиги Суворова, хотя несравненно болѣе значительные въ смыслѣ военномъ,—особенно его Аннибаловскій походъ черезъ Альпы — не отвѣчали никакой настоятельной потребности, — спасать Россію ему не приходилось, ну, онъ и остался только военною знаменитостью.

Дама. А вотъ полководцы двѣнадцатаго года, хотя и спасали Россію отъ Наполеона, однако, въ святые тоже вѣдь не попали?

Политикъ. Н-но, спасеніе Россіи отъ Наполеона— это патріотическая реторика. Не съѣлъ-бы онъ насъ, да и не собирался съѣсть. Что мы подъ конецъ одолѣли его—это, разумѣется, показало нашу народно-государственную силу и высоко подняло наше національное самочувствіе, но, чтобы въ 12-мъ году война вызывалась какою-нибудь настоятельною необходимостью, съ этимъ я никогда не соглашусь! Отлично можно было столковаться съ Наполеономъ, — ну, а дразнить его, конечно, нельзя было безъ большого риска, а хотя рискъ вышелъ удаченъ и конецъ войны былъ очень лестнымъ для нашего національнаго самолюбія, но дальнѣйшія ея послѣдствія едва-ли можно признать дѣйствительно полезными. Если два силача ни съ того, ни съ сего подерутся между собою, и одинъ одолѣетъ другого, но безъ вреда для обоюднаго здоровья, то я хотя и скажу про побѣдителя: мо-

лодецъ! но необходимость именно такого проявленія молодечества останется для меня темною. Слава 12-го года, проявленныя тогда національныя доблести остаются при насъ, каковы-бы ни были причины войны.

„Еще двѣнадцатаго года
„Была жива святая быль..."

Прекрасно для поэзіи: „святая быль"! Но я смотрю на то, что изъ этой были вышло, и вижу: архимандрита Фотія, Магницкаго, Аракчеева — съ одной стороны, заговоръ декабристовъ—съ другой и en somme тотъ тридцатилѣтній режимъ запоздалаго милитаризма, что привелъ къ севастопольскому погрому.

Дама. А Пушкинъ?

Политикъ. Пушкинъ?.. Почему Пушкинъ?

Дама. А я недавно прочла въ газетахъ, что національная поэзія Пушкина порождена военною славой 12-го года.

Г. Z. Не безъ особаго участія артиллеріи, какъ видно изъ фамиліи поэта.

Политикъ. Да, развѣ что такъ. Продолжаю. Въ послѣдующія времена безполезность, ненужность нашихъ войнъ становится все яснѣе и яснѣе. Крымскую войну у насъ очень цѣнятъ, такъ-какъ думаютъ, что ея неудачный исходъ вызвалъ освобожденіе крестьянъ и прочія реформы Александра II. Если и такъ, то вѣдь благія послѣдствія войны *неудачной*, и именно только какъ неудачной, не составляютъ, конечно, апологіи войны вообще. Если я безъ достаточной причины стану прыгать съ балкона и вывихну себѣ руку, а этотъ вывихъ

во-время удержитъ меня отъ подписанія разорительнаго векселя, то я потомъ буду радъ, что такъ случилось, но не стану утверждать, что вообще нужно прыгать съ балкона, а не сходить съ него по лѣстницѣ. Вѣдь при неповрежденной-то головѣ нѣтъ надобности въ поврежденіи руки, чтобы не подписывать разорительныхъ сдѣлокъ: одно и то-же благоразуміе предохранитъ заразъ и отъ нелѣпыхъ скачковъ съ балкона, и отъ нелѣпыхъ подписей. Я думаю, что и безъ крымской войны реформы Александра II были-бы, вѣроятно, произведены и пожалуй болѣе прочнымъ и многостороннимъ образомъ. Но доказывать этого не стану, чтобы не удаляться отъ нашего предмета. Во всякомъ случаѣ политическія дѣянія нельзя оцѣнивать по ихъ косвеннымъ и непредвидѣннымъ послѣдствіямъ, сама-же по себѣ крымская война, т. е. начало ея, наступленіе нашей арміи на Дунай, въ 1853 г., не имѣетъ разумнаго оправданія. Я не могу назвать здравою политикой такую, что сегодня спасаетъ Турцію отъ разгрома Мехметъ-Али—пашой египетскимъ, препятствуя, такимъ образомъ, раздвоенію мусульманскаго міра около двухъ центровъ, Стамбула и Каира, въ чемъ для насъ, кажется, очень большой бѣды не было-бы, а на другой день собирается разгромить ту-же спасенную и усиленную Турцію, съ рискомъ наткнуться на европейскую коалицію. Это не политика, а донъ-кихотство какое-то. Не иначе назову я, — прошу прощенія у генерала — и нашу послѣднюю турецкую войну.

Дама. А баши-бузуки армянскіе? Вы-же одобрили генерала, что онъ ихъ истребилъ.

Политикъ. Виноватъ! Я утверждаю, что война въ настоящее время стала *безполезною*, и давешній разсказъ генерала служитъ тому лучшею иллюстраціей. Я понимаю, что, очутившись по долгу службы дѣятельнымъ участникомъ войны и наткнувшись на иррегулярныя турецкія войска, производящія возмутительныя звѣрства надъ мирнымъ населеніемъ, всякій... (*смотритъ на князя*) всякій человѣкъ, свободный отъ предвзятыхъ „абсолютныхъ принциповъ", долженъ былъ и по чувству и по обязанности безпощадно ихъ истребить, какъ сдѣлалъ генералъ, а не думать объ ихъ нравственномъ перерожденіи, какъ говоритъ князь. Но я спрашиваю, во-первыхъ, кто-же былъ настоящею причиной всего этого безобразія и, во-вторыхъ, что-же достигнуто военнымъ вмѣшательствомъ? На первый вопросъ я по совѣсти могу отвѣтить лишь указаніемъ на ту дурную воинствующую политику, которая, возбуждая страсти и притязанія турецкой райи, дразнила турокъ; болгаръ вѣдь стали рѣзать тогда, когда Болгарія наполнилась революціонными комитетами, и туркамъ пришлось бояться иностраннаго вмѣшательства и распаденія своего государства. То-же самое и въ Арменіи. А на второй вопросъ, что изъ этого вышло?—отвѣтъ данъ вчерашними событіями такой наглядный, что всякому бросается въ глаза. Смотрите сами: въ 1877 году нашъ генералъ истребляетъ нѣсколько тысячъ баши-бузуковъ и спасаетъ этимъ, *можетъ-быть*, нѣсколько сотенъ армянъ; а въ 1895 г. въ тѣхъ-же мѣстахъ, такіе-же баши-бузуки вырѣзываютъ уже не сотни, а тысячи и, можетъ быть, даже десятки тысячъ населенія. Если вѣрить разнымъ коррес-

пондентамъ (хотя я, впрочемъ, вѣрить имъ не совѣтую), перерѣзано было чуть не полмилліона людей. Ну, это басни. Однако во всякомъ случаѣ эта армянская рѣзня была значительно грандіознѣе прежней болгарской. И вотъ благіе результаты нашей патріотической и филантропической войны.

Генералъ. Ну, пойми, кто можетъ! То дурная политика виновата, а то патріотическая война. Подумаешь, что князь Горчаковъ и г. Гирсъ были военные, или что Дизраэли и Бисмаркъ были русскіе патріоты и филантропы.

Политикъ. Неужели мое указаніе не ясно? Я имѣю въ виду совершенно несомнѣнную связь,—и не отвлеченную какую-нибудь или идеальную, а вполнѣ реальную, прагматическую связь между войною 1877 г., которая сама была слѣдствіемъ нашей дурной политики,—и недавними избіеніями христіанъ въ Арменіи. Вамъ, можетъ быть, извѣстно, а если нѣтъ, то полезно будетъ узнать, что послѣ 1878 г. Турція, увидавши изъ санъ-стефанскаго договора свои будущія перспективы въ Европѣ, рѣшилась хорошенько обезпечить свое существованіе по крайней мѣрѣ въ Азіи. Прежде всего она заручилась на берлинскомъ конгрессѣ англійскою гарантіею; но, справедливо полагая, что „на Англію надѣйся, а самъ не плошай“, турецкое правительство занялось въ Арменіи усиленіемъ и устройствомъ своихъ иррегулярныхъ войскъ, т. е. болѣе или менѣе тѣхъ самыхъ „чертей“, съ которыми имѣлъ дѣло генералъ. Это оказалось весьма основательнымъ: всего черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ того, какъ Дизраэли, въ обмѣнъ на островъ Кипръ, гаранти-

ровалъ Турціи ея азіатскія владѣнія, англійская политика, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, стала антитурецкою и армянофильскою, и англійскіе агитаторы появились въ Арменіи, какъ нѣкогда славянофильскіе въ Болгаріи. Вотъ тутъ-то знакомые генералу „черти“ оказались, что называется, *людьми положенія* и самымъ исправнымъ образомъ скушали самую большую порцію христіанскаго мяса, какая только когда-нибудь попадала имъ на зубы.

Генералъ. Слушать противно! И какая же тутъ война виновата? Побойтесь Бога! Вѣдь если-бы въ 1878 г. государственные мужи такъ-же хорошо кончили свое дѣло, какъ военные свое, то вѣдь ни о какомъ усиленіи и устройствѣ иррегулярныхъ войскъ въ Арменіи, а слѣдовательно и ни о какихъ избіеніяхъ и помину не могло бы быть.

Политикъ. То-есть вы разумѣете окончательное разрушеніе Турецкой имперіи?

Генералъ. Да! Хоть я отъ души люблю и уважаю турокъ—прекраснѣйшій народъ, особенно по сравненію со всѣми этими эѳіопами разношерстными, а все-таки, я полагаю, давно пора покончить съ этою самою турецкою имперіей.

Политикъ. Я-бы ничего не имѣлъ противъ этого, если-бы на ея мѣстѣ эѳіопы-то ваши могли образовать свою собственную эѳіопскую какую-нибудь имперію, а то вѣдь они умѣютъ только драться между собой, и турецкое правительство такъ-же для нихъ необходимо, какъ присутствіе турецкихъ солдатъ въ Іерусалимѣ необходимо для мира и благосостоянія разныхъ христіанскихъ исповѣданій въ тѣхъ мѣстахъ.

Дама. Ну, я того и ждала, что вы и гробъ Господень навсегда туркамъ отдать хотите.

Политикъ. И вы, конечно, думаете, что это вслѣдствіе моего безбожія, или равнодушія?!. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ я желаю пребыванія турокъ въ Іерусалимѣ единственно только въ силу маленькой, но неистребимой искры религіознаго чувства, которая осталась у меня отъ дѣтства. Я навѣрное знаю, что въ минуту удаленія турецкихъ солдатъ съ іерусалимскихъ карауловъ, всѣ христіане тамъ перерѣжутъ другъ друга, предварительно истребивши всѣ христіанскія святыни. Если мои впечатлѣнія и заключенія кажутся вамъ подозрительными, спросите у тѣхъ паломниковъ, которымъ довѣряете, а то, всего лучше, посмотрите сами.

Дама. Ѣхать въ Іерусалимъ? Ахъ, нѣтъ! Что еще тамъ увидишь... Нѣтъ, боюсь, боюсь!

Политикъ. Вотъ видите!

Дама. Но какъ странно. Вы съ генераломъ спорите, а оба турокъ превозносите.

Политикъ. Генералъ цѣнитъ ихъ, вѣроятно, какъ бравыхъ солдатъ, а я — какъ стражей мира и порядка на Востокѣ.

Дама. Хорошъ миръ и порядокъ: вдругъ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ перерѣзать! По-моему ужъ лучше какой-нибудь безпорядокъ.

Политикъ. Какъ я уже докладывалъ, избіенія были вызваны революціонною агитаціею. Почему-же требовать отъ турокъ той высокой степени христіанскаго незлобія и всепрощенія, которой не требуютъ ни отъ какой другой націи, хотя-бы христіанской? Назовите мнѣ въ самомъ дѣлѣ ту страну, гдѣ во-

оруженное возстаніе усмирялось безъ жестокихъ и несправедливыхъ мѣръ. Это во-первыхъ: зачинщиками избіенія были не турки; во-вторыхъ, собственно турки въ нихъ мало и участвовали, дѣйствуя въ большинствѣ случаевъ лишь руками генеральскихъ „чертей“; ну, а въ-третьихъ, я согласенъ, что давая волю этимъ „чертямъ“, турецкое правительство на этотъ разъ пересолило, какъ пересолилъ у насъ Иванъ IV, потопивши 10 тысячъ мирныхъ новгородцевъ, какъ пересаливали комиссары французскаго конвента своими „ноядами“ и „фюзильядами“, или англичане въ Индіи при усмиреніи возстанія въ 1857 году. И все-таки нельзя сомнѣваться, что если-бы разныхъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ эѳіоповъ, какъ говоритъ генералъ, предоставить самимъ себѣ, то произошло-бы гораздо больше рѣзни, чѣмъ при туркахъ.

Генералъ. Да развѣ я хочу эѳіоповъ на мѣсто Турціи поставить? Кажется, дѣло просто: взять намъ Константинополь, взять Іерусалимъ и вмѣсто турецкой имперіи учредить нѣсколько русскихъ военныхъ губерній, какъ въ Самаркандѣ или Асхабадѣ,—турокъ, значитъ, когда положатъ оружіе,—всячески ублаготворить и насчетъ религіи и насчетъ всего прочаго.

Политикъ. Ну, я надѣюсь, вы это не серьезно говорите, а то мнѣ пришлось-бы усомниться въ вашемъ... патріотизмѣ; вѣдь, если-бы мы начали войну съ подобными радикальными намѣреніями, то это, навѣрное, вызвало-бы опять европейскую коалицію, къ которой-бы подъ конецъ пристали и наши эѳіопы, освобожденные или намѣченные къ освобожденію. Вѣдь они хорошо понимаютъ, что

подъ русскою властью имъ не очень-то будетъ вольготно проявлять „свою національную физіономію-ту“, какъ говорятъ болгары. Ну, и кончилось-бы тѣмъ, что вмѣсто разрушенія турецкой имперіи, повторился-бы для насъ, en grand, севастопольскій погромъ. Нѣтъ, хоть мы нерѣдко вдавались въ дурную политику, но я все-таки увѣренъ, что такого безумія, какъ новая война съ Турціей, мы не увидимъ; а если-бы увидѣли, то всякому патріоту пришлось-бы съ отчаяніемъ сказать про Россію: quem Deus vult perdere, prius dementat.

Дама. Что это значитъ?

Политикъ. Это значитъ: кого Богъ хочетъ погубить,—сперва лишитъ разума.

Дама. Ну, исторія не по вашему разуму дѣлается; вы вотъ, вѣроятно, и за Австрію стоите, такъ же какъ за Турцію?

Политикъ. Объ этомъ мнѣ не приходится и распространяться, потому-что болѣе меня компетентные люди — національные вожди Богеміи — уже давно объявили: „если бы Австріи не было—ее надо было-бы выдумать“. Недавнія парламентскія побоища въ Вѣнѣ служатъ прекрасною иллюстраціей этого афоризма и миніатюрнымъ прообразомъ того, что должно произойти въ этихъ странахъ, съ исчезновеніемъ имперіи Габсбурговъ.

Дама. Ну, а что вы скажете о франко-русскомъ союзѣ? Вы всегда объ этомъ какъ-то помалчиваете?

Политикъ. Да я и теперь въ подробности этого щекотливаго вопроса входить не намѣренъ. Вообще-же могу сказать, что сближеніе съ такою прогрессивною и богатою націей, какъ Франція, во вся-

комъ случаѣ, для насъ выгодно, а затѣмъ вѣдь этотъ союзъ есть, конечно, союзъ мира и предосторожности: такъ, по крайней мѣрѣ, онъ понимается въ тѣхъ высокихъ мѣстахъ, гдѣ его заключали и поддерживаютъ.

Г. Z. Что касается до моральныхъ и культурныхъ выгодъ отъ сближенія двухъ націй—это дѣло сложное и для меня пока темное. Но со стороны собственно политической не кажется-ли вамъ, что, присоединяясь къ одному изъ двухъ враждебныхъ лагерей на континентѣ Европы, мы теряемъ выгоду своего свободнаго положенія какъ третьяго безпристрастнаго судьи, или арбитра между ними, теряемъ свою сверхпартійность. Приставъ къ одной сторонѣ и тѣмъ уравновѣсивъ силы обѣихъ, не создаемъ-ли мы возможность вооруженнаго столкновенія между ними? Вѣдь одна Франція не могла-бы воевать противъ тройственнаго союза, а вмѣстѣ съ Россіей—можетъ.

Политикъ. То, что вы говорите, было-бы совершенно вѣрно, если-бы у кого-нибудь была охота затѣвать европейскую войну. Но смѣю васъ увѣрить, что этого никому не хочется. И во всякомъ случаѣ для Россіи гораздо легче удержать Францію на пути мира, нежели для Франціи — увлечь Россію на путь войны, въ сущности одинаково нежелательный для обѣихъ. Всего успокоительнѣе то, что современныя націи не только не хотятъ, но, главное, *перестаютъ умѣть* воевать.

Возьмите хоть послѣднее столкновеніе—испано-американское. Ну, что-же это за война? Нѣтъ, я васъ спрашиваю: что это за война? Кукольная комедія какая-то, сраженіе Петрушки Уксусова съ

квартальнымъ! „Послѣ продолжительнаго и горячаго боя непріятель отступилъ, потерявши одного убитаго и двухъ раненыхъ. Съ нашей стороны потерь не было". Или: „Весь непріятельскій флотъ послѣ отчаяннаго сопротивленія нашему крейсеру „Money enough", сдался ему безусловно. Потерь убитыми и ранеными съ обѣихъ сторонъ не было" И въ этомъ родѣ вся война. Меня поражаетъ, что всѣ такъ мало поражены этимъ новымъ характеромъ войны, ея, можно сказать, безкровностью. Вѣдь превращеніе совершилось на нашихъ глазахъ: мы-же всѣ помнимъ, какіе бывали бюллетени и въ 1870, и въ 1877 годахъ.

Генералъ. Погодите поражаться; пусть столкнутся двѣ настоящія военныя націи, и вы увидите, какіе опять пойдутъ бюллетени!

Политикъ. Не думаю. Давно-ли и Испанія была первостепенною военною націею? Прошлаго, слава Богу, не вернешь. Мнѣ представляется, что все равно какъ въ тѣлѣ ненужные органы атрофируются, такъ и въ человѣчествѣ: воинственныя качества стали не нужны, вотъ они и исчезаютъ. А если-бы вдругъ опять появились,—я такъ-же-бы удивился, какъ если-бы у летучей мыши вдругъ оказались орлиные глаза, или у людей стали опять рости хвосты.

Дама. А какъ-же вы сами сейчасъ турецкихъ солдатъ хвалили?

Политикъ. Я ихъ хвалилъ, какъ стражей порядка внутри государства. Въ этомъ смыслѣ военная сила, или, какъ говорится, „военная рука"—manus militaris—еще надолго будетъ необходима для человѣчества, но это не мѣшаетъ тому, что воин-

ственность въ смыслѣ склонности и способности къ войнамъ международнымъ, эта, такъ сказать, національная *драчливость* должна совершенно исчезнуть и уже исчезаетъ на нашихъ глазахъ, вырождаясь въ ту безкровную, хотя и не безувѣчную форму, какую представляютъ парламентскія потасовки. И такъ какъ склонность къ такимъ проявленіямъ, вѣроятно, останется, пока существуютъ враждующія партіи и мнѣнія, то для ихъ обузданія необходимо останется въ государствѣ и manus militaris, когда внѣшнія войны — международныя или между-государственныя — уже давно будутъ лишь историческимъ воспоминаніемъ.

Генералъ. Это, значитъ, вы полицію съ хвостцовою косточкою сравнили, которая остается у человѣка послѣ того, какъ о хвостѣ однѣ кіевскія вѣдьмы напоминаютъ. Это остроумно, только не слишкомъ-ли вы торопитесь нашего брата къ исчезнувшему хвосту приравнять? Изъ того, что та или другая нація прокисла и плохо дерется, по вашему выходитъ, что ужъ во всемъ мірѣ военныя качества пропали. Пожалуй какими-нибудь „мѣропріятіями“ да „системами“ можно и русскаго солдата въ киселя превратить,—ну, да Богъ не выдастъ.

Дама (*къ политику*). А вы все-таки не объяснили, какимъ-же способомъ безъ войны должны рѣшаться такіе историческіе вопросы, какъ вотъ восточный. Какъ-бы ни были плохи христіанскіе народы на Востокѣ, но если ужъ у нихъ явилось желаніе непремѣнно быть самими по себѣ, а турки ихъ за это рѣзать будутъ, такъ неужели намъ на это сложа руки смотрѣть? Положимъ, вы прежнія войны хорошо критиковали; но я скажу какъ князь,

хоть не въ его смыслѣ: теперь-то вотъ что намъ дѣлать, если опять начнутся гдѣ-нибудь избіенія?

Политикъ. А теперь, пока они еще не начались, намъ нужно взяться за умъ поскорѣе и вмѣсто своей дурной, вести хоть и нѣмецкую, да хорошую политику: турокъ не дразнить, о водруженіи крестовъ на мечетяхъ—въ пьяномъ видѣ не кричать, а потихоньку и дружелюбно культивировать Турцію для обоюдной пользы — и нашей, и ея собственной. Вѣдь прямо отъ насъ зависитъ, чтобы турки поскорѣе поняли, что вырѣзывать населеніе въ своей странѣ есть дѣло не только дурное, но главное—ни къ чему не нужное, совершенно невыгодное.

Г. Z. Ну, въ этихъ вразумленіяхъ, связанныхъ съ желѣзно-дорожными концессіями и всякими торговыми и промышленными предпріятіями, нѣмцы ужъ насъ навѣрное предупредятъ *), и тягаться намъ съ ними тутъ—дѣло безнадежное.

Политикъ. Да и зачѣмъ тягаться? Если кто-нибудь вмѣсто меня какую-нибудь тяжелую работу сдѣлаетъ, то вѣдь я только радоваться и благодарить буду. А если я, напротивъ, стану за это на него сердиться: зачѣмъ, молъ, онъ, а не я,—то вѣдь это совсѣмъ недостойно порядочнаго человѣка. И точно также недостойно такой націи, какъ Россія, уподобляться собакѣ, которая на сѣнѣ лежитъ—и сама не ѣстъ, и другимъ не даетъ. Если другіе своими средствами лучше и скорѣе насъ

*) Эти слова, писанныя мною въ октябрѣ 1899 г., черезъ мѣсяцъ оправдались нѣмецко-турецкою конвенціей по малоазіатскимъ дѣламъ и багдадской желѣзной дорогѣ. *В. С.*

сдѣлаютъ то доброе дѣло, котораго и мы желаемъ, то тѣмъ выгоднѣе для насъ. Я васъ спрашиваю: изъ-за чего велись наши войны съ Турціей въ XIX вѣкѣ, какъ не изъ-за того, чтобы оградить человѣческія права турецкихъ христіанъ? Ну, а что, если эту самую цѣль нѣмцы вѣрнѣе достигнутъ мирнымъ путемъ, *культивируя* Турцію? Вѣдь, если-бы въ 1895 году они были такъ-же прочно устроены въ Азіатской Турціи, какъ англичане въ Египтѣ, то ужъ, конечно, ни о какихъ армянскихъ избіеніяхъ не пришлось-бы толковать.

Дама. Такъ, значитъ, и по-вашему съ Турціей нужно покончить, только вы вотъ почему-то хотите, чтобы ее съѣли нѣмцы.

Политикъ. Но я потому и призналъ нѣмецкую политику мудрою, что она вовсе не хочетъ ѣсть такихъ неудобоваримыхъ предметовъ; ея задача болѣе тонкая: ввести Турцію въ среду культурныхъ націй, помочь туркамъ образоваться и стать способными справедливо и гуманно управлять тѣми народами, которые по взаимной дикой враждѣ не въ состояніи мирно управиться со своими дѣлами.

Дама. Ну, что вы сказки разсказываете! Отдавать христіанскій народъ въ вѣчное управленіе туркамъ развѣ это возможно? Мнѣ самой турки во многомъ нравятся, но все-таки они варвары, и послѣднее слово у нихъ всегда будетъ насиліе. А европейская цивилизація только ихъ испортитъ.

Политикъ. То-же самое можно было сказать и про Россію при Петрѣ Великомъ, да и гораздо позднѣе. „Турецкія звѣрства“ мы помнимъ, а давно-ли въ Россіи да и въ прочихъ странахъ собствен-

ныя „турецкія звѣрства“ исчезли? „Несчастные христіане, стонущіе подъ мусульманскимъ игомъ“? Ну, а тѣ, что стонали у насъ подъ игомъ дурныхъ помѣщиковъ,—кто они были: христіане или язычники? А тѣ солдаты, что стонали подъ игомъ шпицрутена? Однако, вѣдь справедливымъ отвѣтомъ на эти стоны русскихъ христіанъ была только отмѣна крѣпостного права и шпицрутена, а не разрушеніе Россійской Имперіи. Такъ почему-же на болгарскіе и армянскіе стоны должно непремѣнно отвѣчать упраздненіемъ того государства, гдѣ эти стоны раздаются, но могутъ и не раздаваться?

Дама. Это совсѣмъ не одно и то-же, когда происходятъ какія-нибудь безобразія внутри христіанскаго государства, которое легко можетъ быть преобразовано, — или когда христіанскій народъ притѣсняется не-христіанскимъ.

Политикъ. Невозможность преобразованія Турціи есть только враждебный предразсудокъ, который нѣмцы стали опровергать на нашихъ глазахъ, какъ они-же въ свое время способствовали устраненію предразсудка о врожденной дикости русскаго народа. Что-же касается до вашихъ „христіанъ“ и „не-христіанъ“, то для *жертвъ* всякихъ звѣрствъ la question manque d'interêt: если съ меня кто-нибудь деретъ шкуру, я вѣдь не стану обращаться къ нему съ вопросомъ: а какого вы, милостивый государь, вѣроисповѣданія?—и я не буду нисколько утѣшенъ, если окажется, что терзающіе меня люди не только весьма непріятны и неудобны для меня, но сверхъ того въ качествѣ христіанъ крайне гнусны и для своего собственнаго Бога, надъ повелѣніями котораго они глумятся. А говоря объек-

тивно, неужели не ясно, что „христіанство“ Ивана IV, или Салтычихи, или Аракчеева, есть не преимущество, а лишь такая глубина безнравственности, какая въ другихъ религіяхъ даже невозможна. Вотъ вчера генералъ разсказывалъ про злодѣйства дикихъ курдовъ и, между прочимъ, объ ихъ чертопоклонствѣ упомянулъ. Дѣйствительно, очень дурно поджаривать на медленномъ огнѣ—какъ младенцевъ, такъ и взрослыхъ; я готовъ назвать такіе поступки дьявольскими. Извѣстно однако, что Иванъ IV особенно любилъ именно поджаривать людей на медленномъ огнѣ, и даже своимъ посохомъ уголья подгребалъ. А онъ былъ не дикарь и не чертопоклонникъ, а человѣкъ остраго ума и обширнаго по своему времени образованія, притомъ богословъ твердый въ правовѣріи. Да чтобъ не ходить такъ далеко въ исторію, развѣ какой-нибудь болгарскій Стамбуловъ, или сербскій Миланъ—турки, а не представители такъ называемыхъ христіанскихъ народовъ? Такъ что-же такое это ваше „христіанство“, какъ не пустая кличка, которая совсѣмъ ни за что не ручается?

Дама. Такія сужденія хоть-бы князю въ уста!

Политикъ. Когда дѣло идетъ объ очевидной правдѣ, то я не только съ нашимъ почтеннѣйшимъ княземъ, но и съ Валаамовою ослицей готовъ быть въ единомысліи.

Г. Z. Однако, ваше высокопревосходительство благоизволили принять первенствующее участіе въ сегодняшнемъ разговорѣ не въ томъ, кажется, намѣреніи, чтобы трактовать о христіанствѣ, или о библейскихъ животныхъ. У меня и сейчасъ еще звучитъ въ ушахъ вашъ вчерашній *крикъ сердца*:

„только религіи поменьше, ради Бога религіи поменьше!“ Такъ не благоугодно-ли вамъ возвратиться къ предмету разговора и разъяснить мнѣ одно мое недоумѣніе. А именно, если, какъ вы справедливо изволили замѣтить, мы должны не разрушать турецкую имперію, а „культивировать“ ее, и если съ другой стороны, какъ вы также основательно допустили, культурнымъ прогрессомъ Турціи гораздо лучше насъ будутъ заниматься и уже занимаются—нѣмцы, то въ чемъ-же собственно повашему состоитъ особая задача русской политики въ восточномъ вопросѣ?

Политикъ. Въ чемъ? Кажется ясно, что ни въ чемъ. Вѣдь подъ *особою* задачею русской политики вы разумѣете такую, которая и ставилась-бы и разрѣшалась Россіей отдѣльно и наперекоръ стремленіямъ всѣхъ прочихъ европейскихъ націй. Но я вамъ скажу, что такой особой политики никогда собственно и не бывало. Бывали у насъ нѣкоторыя уклоненія въ эту сторону, вотъ хоть въ 50-хъ, а потомъ въ 70-хъ годахъ, но эти печальныя уклоненія, составляющія именно то, что я называю *дурною* политикою, сейчасъ-же приносили съ собою свое возмездіе въ видѣ болѣе или менѣе крупныхъ неудачъ. Вообще-же говоря, русскую политику въ восточномъ вопросѣ никакъ нельзя признать обособленною, или изолированною. Ея задача съ XVI-го и пожалуй до конца XVIII-го вѣка состояла въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ Польшей и Австріей оборонять культурный міръ отъ опаснаго въ то время турецкаго нашествія. Такъ-какъ въ этой оборонѣ приходилось (хоть-бы и безъ формальныхъ союзовъ) дѣйствовать сообща и съ поляками, и съ це-

сарцами, и съ венеціанскою республикой, то ясно, что это была политика общая, а не особенная какая-то. Ну, и въ XIX-мъ, а тѣмъ болѣе въ наступающемъ XX-мъ столѣтіи этотъ общій ея характеръ остается прежнимъ, хотя и цѣль и средства по необходимости измѣнились. Теперь приходится не Европу защищать отъ турецкаго варварства, а самихъ турокъ европеизировать. Для прежней цѣли нужны были средства военныя, для нынѣшней—мирныя. Но сама задача-то, и въ первомъ и во второмъ случаѣ—общая для всѣхъ: какъ прежде европейскія націи были солидарны въ интересѣ военной обороны, такъ теперь онѣ солидарны въ интересѣ культурнаго расширенія.

Генералъ. Однако, прежняя-то военная солидарность Европы не мѣшала Ришелье и Людовику XIV заключать союзы съ Турціей противъ Габсбурговъ.

Политикъ. Дурная бурбонская политика, которая, вмѣстѣ съ ихъ безсмысленною внутреннею политикой, въ свое время получила должное возмездіе отъ исторіи.

Дама. Вы называете это исторіей? Кажется прежде это называлось règicide.

Г. Z. Да вѣдь именно это и значитъ попасть въ скверную исторію.

Политикъ (*къ дамѣ*). Дѣло не въ словахъ, а въ томъ фактѣ, что никакая политическая ошибка не проходитъ даромъ. И пусть желающіе усматриваютъ въ этомъ что-то мистическое. Для меня его тутъ такъ-же мало, какъ и въ томъ, что ежели, напримѣръ, я въ моемъ возрастѣ и положеніи, вмѣсто того, чтобы ѣсть простоквашу, начну, какъ молодой человѣкъ, ежедневно пить шампанское стака-

нами, то я непремѣнно заболѣю, а ежели стану упорствовать въ этомъ ancien regime, то и совсѣмъ умру, подобно Бурбонамъ.

Дама. Согласитесь, однако, что ваша политика простокваши à la longue становится скучной.

Политикъ (*обиженно*). Если-бы меня не прерывали, я давно-бы ужъ исчерпалъ предметъ и уступилъ-бы слово болѣе занимательному собесѣднику.

Дама. Ну, не обижайтесь. Я пошутила. Напротивъ, по-моему, вы даже очень остроумны... для вашего возраста и положенія.

Политикъ. Такъ я сказалъ, что теперь мы солидарны съ прочею Европой въ задачѣ культурнаго преобразованія Турціи, и что никакой особой политики у насъ тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Приходится, къ сожалѣнію, прибавить, что вслѣдствіе нашей сравнительной отсталости въ гражданскомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, доля участія Россіи въ этомъ общемъ дѣлѣ цивилизованія турецкой имперіи не можетъ быть пока очень значительною. То первостепенное значеніе, которое принадлежало нашему отечеству какъ государству военному, не можетъ, конечно, сейчасъ-же остаться за нами. Оно не дается даромъ, его нужно заслужить. Свою военную значительность мы заслужили не хвастливыми словами, а дѣйствительными походами и битвами; такъ и культурную свою значительность мы должны заслужить дѣйствительными трудами и успѣхами на мирныхъ поприщахъ. Если турки уступали нашимъ военнымъ побѣдамъ, то на почвѣ мирной цивилизаціи они, конечно, уступятъ тѣмъ, которые въ этомъ всѣхъ сильнѣе. И что-же намъ тутъ дѣлать? Та степень слабоумія,

которая позволяетъ дѣйствительнымъ, трудовымъ преимуществамъ нѣмцевъ противопоставлять воображаемый крестъ на Ая-Софіи,—едва-ли и встрѣчается теперь гдѣ-нибудь.

Генералъ. Да вотъ въ томъ-то и дѣло, чтобы крестъ этотъ не былъ воображаемымъ.

Политикъ. Такъ кто-же вамъ его матеріализируетъ? А пока вы такого медіума не нашли, единственное, что требуется нашимъ національнымъ самолюбіемъ,—въ тѣхъ разумныхъ предѣлахъ, въ какихъ это чувство вообще допустимо,—удвоить усилія, чтобы скорѣе догнать другія націи, въ чемъ мы отъ нихъ отстали, и наверстать время и силы, потерянныя на разные славянскіе комитеты и прочіе вредные пустяки. Притомъ, если въ Турціи мы пока безсильны, то намъ можно уже теперь играть первостепенную культурную роль въ Средней Азіи и особенно на Дальнемъ Востокѣ, куда, повидимому, всемірная исторія переноситъ свой центръ тяжести. По географическому положенію и другимъ условіямъ, Россія можетъ здѣсь сдѣлать больше, чѣмъ всѣ другія націи, за исключеніемъ, конечно, Англіи. Значитъ, задача нашей политики съ этой стороны состоитъ въ постоянномъ и искреннемъ соглашеніи съ англичанами, чтобы наше культурное сотрудничество съ ними никогда не превращалось въ безсмысленную вражду и недостойное соперничество.

Г. Z. Къ несчастію, такое превращеніе и у людей и у народовъ всегда происходитъ какъ-будто роковымъ образомъ.

Политикъ. Да, это бываетъ. Однако, съ другой стороны, ни въ жизни людей, ни въ жизни наро-

довъ я не знаю ни одного случая, чтобы враждебное и завистливое отношеніе къ своимъ сотрудникамъ въ общей работѣ дѣлало кого-нибудь сильнѣе, богаче, или счастливѣе. Этотъ всеобщій опытъ, изъ котораго нѣтъ ни одного исключенія, принимается къ свѣдѣнію людьми умными, и я думаю, что имъ, наконецъ, воспользуется и такой умный народъ, какъ русскій. Враждовать съ англичанами на Дальнемъ Востокѣ—вѣдь это было-бы верхомъ безумія, не говоря о томъ, что и неприлично поднимать домашнія свары передъ чужими. Или вы, можетъ быть, думаете, что мы болѣе *свои* желтолицымъ китайцамъ, нежели соотечественникамъ Шекспира и Байрона?

Г. Z. Ну, это вопросъ щекотливый.

Политикъ. Такъ оставимъ его пока. Но вы обратите вниманіе вотъ на что. Если стать на мою точку зрѣнія и признать, что въ настоящее время политика Россіи должна имѣть только двѣ задачи: во-первыхъ, поддержаніе европейскаго мира, такъ какъ всякая европейская война на теперешней ступени историческаго развитія была-бы безумнымъ и преступнымъ междоусобіемъ,—а во-вторыхъ, культурное воздѣйствіе на варварскіе народы, находящіеся въ сферѣ нашего вліянія,—то обѣ эти задачи, помимо внутренняго своего достоинства, удивительнымъ образомъ поддерживаютъ другъ друга, взаимно обусловливая свое существованіе. Ясно въ самомъ дѣлѣ, что, добросовѣстно трудясь надъ культурнымъ прогрессомъ варварскихъ государствъ, въ чемъ заинтересована и прочая Европа, мы стягиваемъ узы солидарности между нами и другими европейскими націями, а укрѣпленіе этого

европейскаго единства, въ свою очередь, усиливаетъ наше дѣйствіе на варварскіе народы, отнимая у нихъ самую мысль о возможности сопротивленія. Вы думаете, если-бы желтый человѣкъ зналъ, что за Россіей стоитъ Европа, былъ-бы намъ въ Азіи какой-нибудь запретъ? Ну, а если-бы онъ наоборотъ увидалъ, что Европа стоитъ не за Россіей, а противъ Россіи, то онъ, конечно, и о вооруженномъ нападеніи на нашу границу сталъ-бы подумывать, и намъ пришлось-бы обороняться на два фронта на разстояніи десяти тысячъ верстъ. Я не вѣрю въ пугало монгольскаго нашествія, потому что не допускаю возможности европейской войны, а *при ней*, конечно, и монголовъ пришлось-бы бояться.

Генералъ. Вотъ вамъ европейская война и нашествіе монголовъ кажутся такою невѣроятностью, а мнѣ въ вашу „солидарность европейскихъ націй“ и въ наступающій „миръ всего міра“ совсѣмъ не вѣрится. Не натурально это, неправдоподобно какъ-то. Вѣдь недаромъ о Рождествѣ въ церквахъ поется: „на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Это значитъ, что миръ на землѣ будетъ только тогда, когда между людьми будетъ благоволеніе. Ну, а гдѣ-же оно? Видали вы его, что-ли? Вѣдь правду сказать, и мы съ вами искреннее-то, настоящее благоволеніе только къ одной европейской державѣ и чувствуемъ—къ княжеству Монако. Съ нимъ у насъ и миръ ненарушимый, Ну, а чтобы нѣмцевъ или англичанъ прямо-таки *своими* считать и въ душѣ чувствовать, что вотъ ихъ польза—наша польза, ихъ удовольствіе—наше удовольствіе,—такой, какъ вы это называете, „солидарно-

сти“ съ европейскими націями у насъ, навѣрно, никогда не будетъ.

Политикъ. Какъ-же это не будетъ, когда уже есть, когда она лежитъ въ природѣ вещей? Мы солидарны съ европейцами по той весьма простой причинѣ, что мы сами европейцы. Это съ XVIII вѣка est un fait accompli, и ни дикость народныхъ массъ въ Россіи, ни печальныя химеры славянофиловъ этого уже не перемѣнятъ.

Генералъ. Ну, а европейцы-то между собою солидарны, французы съ нѣмцами, напримѣръ, англичане и съ тѣми и съ другими? Слышно, что даже шведы съ норвежцами свою солидарность гдѣ-то затеряли!

Политикъ. Какой сильный, повидимому, аргументъ! Жаль только, что вся его сила держится однимъ дефективнымъ основаніемъ — забвеніемъ историческаго положенія. А я васъ спрошу: была-бы солидарна Москва съ Новгородомъ при Иванѣ III-мъ или при Иванѣ IV-мъ? Такъ что-жъ, вы станете отрицать и теперешнюю солидарность Московской и Новгородской губерній въ общихъ государственныхъ интересахъ?

Генералъ. Нѣтъ, я скажу только подождемте объявлять себя европейцами хоть до того историческаго момента, когда европейскія націи будутъ такъ-же крѣпко сплочены между собою, какъ сплотились наши области въ государствѣ россійскомъ. А то не разрываться-же намъ на части въ своей солидарности съ европейцами, когда они между собою на ножахъ.

Политикъ. Ну, ужъ и на ножахъ! Будьте покойны. Не только между Швеціей и Норвегіей, но даже

между Франціей и Германіей вамъ не придется разрываться на части, потому-что до разрыва они и между собою не дойдутъ. Теперь ужъ, кажется, это ясно. Вѣдь это у насъ только многіе принимаютъ за Францію ничтожную группу авантюристовъ, которыхъ можно и должно засадить въ острогъ: пусть они тамъ свой національнзмъ проявляютъ и войну съ Германіей проповѣдуютъ.

Дама. Это было-бы очень хорошо, если-бы всю національную вражду можно было посадить въ острогъ. Только я думаю, что вы ошибаетесь.

Политикъ. Ну, конечно, я это сказалъ cum grano salis. Конечно Европа на видимой поверхности еще не сплотилась въ одно цѣлое. Но я стою за свою историческую аналогію. Какъ у насъ, напримѣръ, въ XVI вѣкѣ, хотя сепаратизмъ областей еще существовалъ, но уже былъ при послѣднемъ издыханіи, а государственное единство далеко не было одною мечтою, а дѣйствительно складывалось въ опредѣленныя формы, такъ и теперь въ Европѣ, хотя національный антагонизмъ еще и существуетъ,—особенно среди необразованныхъ массъ и малообразованныхъ политикановъ,—но безсиленъ перейти въ какое-нибудь значительное дѣйствіе: европейской войны ему не вызвать, нѣтъ! А что вы, генералъ, говорите насчетъ благоволенія, такъ правду сказать, я его не только между народами, но и внутри отдѣльной націи и даже отдѣльныхъ семей мало что-то замѣчаю. Когда и есть, такъ до первой кости. Что-жъ отсюда слѣдуетъ? Не есть-же это резонъ для междоусобной войны и для братоубійства. Такъ и въ интернаціональномъ отношеніи. Пусть французы и нѣмцы не благоволятъ другъ

къ другу, лишь-бы драки между ними не было. Увѣренъ, что и не будетъ.

Г. Z. Это весьма вѣроятно. Но если и признать Европу за одно цѣлое, то изъ этого, конечно, не слѣдуетъ чтобы мы-то были европейцами. Вы знаете, существуетъ у насъ и довольно распространился въ два послѣднія десятилѣтія такой взглядъ, что Европа, т.-е. совокупность германо-романскихъ народовъ, есть дѣйствительно одинъ солидарный въ себѣ культурно-историческій типъ, но что мы-то къ нему не принадлежимъ, а составляемъ свой особый, греко-славянскій.

Политикъ. Слыхалъ я про эту варьяцію славянофильства, и даже случалось разговаривать съ приверженцами этого взгляда. И вотъ что я замѣтилъ, и это, по-моему, рѣшаетъ вопросъ. Дѣло въ томъ, что всѣ эти господа, перорирующіе противъ Европы и нашего европеизма, никакъ не могутъ удержаться на точкѣ зрѣнія нашей греко-славянской самобытности, а сейчасъ-же съ головой уходятъ въ исповѣданіе и проповѣданіе какого-то китаизма, буддизма, тибетизма и всякой индѣйско-монгольской азіатчины. Ихъ отчужденію отъ Европы прямо пропорціонально ихъ тяготѣніе къ Азіи. Что-же это такое? Допустимъ, что они правы насчетъ европеизма. Пусть это—крайнее заблужденіе. Но откуда-же для нихъ такое роковое впаденіе въ противоположную-то крайность, въ азіатизмъ-то этотъ самый? А? И куда-же испарилась у нихъ греко-славянская, православная середина? Нѣтъ, я васъ спрашиваю, куда она испарилась? А? А вѣдь въ ней-то, казалось-бы, самая суть? А? То-то вотъ оно и есть! Гони природу въ дверь, она влетитъ въ

окно. А природа-то здѣсь въ томъ, что никакого самобытнаго греко-славянскаго культурно-историческаго типа вовсе не существуетъ, а была, есть и будетъ Россія, какъ великая окраина Европы въ сторону Азіи. При такомъ своемъ окраинномъ положеніи отечество наше естественно гораздо болѣе прочихъ европейскихъ странъ испытываетъ воздѣйствіе азіатскаго элемента, въ чемъ и состоитъ вся наша мнимая самобытность. Вѣдь и Византія не чѣмъ-нибудь своимъ, а тоже лишь примѣсью азіатскаго была оригинальна, ну, а у насъ изначала, а особенно со временъ Батыя, азіатскій элементъ въ природу вошелъ, второю душою сдѣлался, такъ-что нѣмцы могли-бы про насъ со вздохомъ сказать:

Zwei Seelen wohnen, ach! in *ihrer* Brust
Die eine will sich von der andern trennen.

Совсѣмъ отдѣлаться отъ своей второй души намъ невозможно, да и не нужно—мы вѣдь и ей тоже кое-чѣмъ обязаны,—но чтобы въ такой коллизіи не разорваться намъ на части, какъ говоритъ генералъ, необходимо было, чтобы рѣшительно одолѣла и возобладала одна душа, и разумѣется, лучшая, то-есть умственно болѣе сильная, болѣе способная къ дальнѣйшему прогрессу, болѣе богатая внутренними возможностями. Такъ оно и вышло при Петрѣ Великомъ. А неистребимое, хотя окончательно осиленное, душевное сродство наше съ Азіей и послѣ того вводило нѣкоторые умы въ безсмысленныя мечтанія о какомъ-то химерическомъ перерѣшеніи безповоротно рѣшеннаго историческаго вопроса. Отсюда славянофильство, теорія самобытнаго куль-

турно-историческаго типа и все такое. На самомъ-же дѣлѣ мы *безповоротные европейцы*, только съ азіатскимъ осадкомъ на днѣ души. Для меня это даже, такъ сказать, грамматически ясно. Что такое *русскіе*—въ грамматическомъ смыслѣ? Имя прилагательное. Ну, а къ какому-же существительному это прилагательное относится?

Дама. Я думаю, къ существительному *человѣкъ*: русскій человѣкъ, русскіе люди.

Политикъ. Нѣтъ, это слишкомъ широко и неопредѣленно. Вѣдь и папуасы, и эскимосы—люди; но я не согласенъ считать своимъ существительнымъ то, что у меня общее съ папуасомъ и эскимосомъ.

Дама. Однако, есть очень важныя вещи, которыя общи всѣмъ людямъ: напримѣръ, любовь.

Политикъ. Ну, это еще шире: какъ могу я признать своею специфическою сущностью любовь, когда я знаю, что она свойственна и прочимъ животнымъ и даже всякой твари?

Г. Z. Да, дѣло сложное. Я вотъ человѣкъ кроткій, такъ въ любви я гораздо болѣе солидаренъ съ какимъ-нибудь бѣлымъ или сизымъ голубемъ, нежели съ чернымъ маврой Отелло, хоть и онъ тоже человѣкомъ называется.

Генералъ. Ну, въ извѣстномъ возрастѣ всякій благоразумный мужчина солидаренъ съ бѣлыми голубями *).

Дама. Это еще что такое?

Генералъ. Это каламбуръ не для васъ, а для насъ съ его высокопревосходительствомъ.

Политикъ. Оставимъ это, прошу васъ, оставимъ.

---

*) Названіе одной русской секты.

Trêve de plaisantries. Мы вѣдь здѣсь не на сценѣ Михайловскаго театра.—Я хотѣлъ сказать, что настоящее существительное къ прилагательному *русскій* есть *европеецъ*.—Мы—*русскіе европейцы*, какъ есть европейцы англійскіе, французскіе, нѣмецкіе. Если я чувствую себя европейцемъ, то не глуполи мнѣ доказывать, что я какой-то славяно-россъ, или греко-славянинъ? Я такъ-же неоспоримо знаю, что я европеецъ, какъ и то, что я русскій. Я могу и пожалуй долженъ жалѣть и беречь всякаго человѣка, какъ и всякое животное,—блаженъ мужъ иже и скоты милуетъ; но признавать себя солидарнымъ, *своимъ*—я буду не съ какими-нибудь зулусами или китайцами, а только съ націями и людьми, создававшими и хранившими всѣ тѣ сокровища высшей культуры, которыми я духовно питаюсь, которыя доставляютъ мнѣ лучшія наслажденія. Прежде всего нужно было, чтобы эти избранныя націи сложились, и окрѣпли, и устояли противъ низшихъ элементовъ, нужна была война, и война была дѣло святое. Теперь они сложились, окрѣпли, и имъ нечего бояться, кромѣ междоусобныхъ раздоровъ. Теперь наступаетъ эпоха мира и мирнаго распространенія европейской культуры повсюду. Всѣ должны стать европейцами. Понятіе европейца должно совпасть съ понятіемъ человѣка, и понятіе европейскаго культурнаго міра—съ понятіемъ человѣчества. Въ этомъ смыслъ исторіи. Сначала были только греческіе, потомъ римскіе европейцы, затѣмъ явились всякіе другіе, сначала на западѣ, потомъ и на востокѣ, явились русскіе европейцы, тамъ за океаномъ—европейцы американскіе, теперь должны появиться турецкіе, пер-

сидскіе, индійскіе, японскіе, даже можетъ быть китайскіе. Европеецъ—это понятіе съ опредѣленнымъ содержаніемъ и съ расширяющимся объемомъ. Замѣтьте притомъ, какая разница: всякій человѣкъ есть такой-же человѣкъ, какъ и всякій другой. Поэтому если мы своимъ существительнымъ признаемъ это отвлеченное понятіе, то мы должны придти къ эгалитарной безразличности, и націю Ньютона и Шекспира цѣнить не больше, чѣмъ какихъ-нибудь папуасовъ. Это прежде всего нелѣпо, а на практикѣ и пагубно. Ну, а если мое существительное — не человѣкъ вообще, не это пустое мѣсто съ двумя ногами, а человѣкъ, какъ носитель культуры, то-есть европеецъ, то для нелѣпой эгалитарности тутъ нѣтъ мѣста. Понятіе *европеецъ*, или, что то-же, понятіе *культура* содержитъ въ себѣ твердое мѣрило для опредѣленія сравнительнаго достоинства или цѣнности различныхъ расъ, націй, индивидовъ. Эти различія оцѣнокъ здравая политика непремѣнно должна принимать въ расчетъ. Иначе, если мы будемъ ставить на одну доску сравнительно культурную Австрію и какихъ-нибудь полудикихъ герцеговинцевъ, это какъ-разъ приведетъ насъ къ тѣмъ нелѣпымъ и опаснымъ авантюрамъ, по которымъ еще вздыхаютъ послѣдніе могиканы нашего славянофильства. Il y a eurogéen et eurogéen. Даже послѣ наступленія того желаннаго и, надѣюсь, близкаго часа, когда Европа или культурный міръ дѣйствительно совпадетъ по объему со всѣмъ населеніемъ земного шара,—въ объединенномъ и умиротворенномъ человѣчествѣ останутся всѣ тѣ натуральныя и закрѣпленныя исторіей градаціи и нюансы куль-

турной цѣнности, которыми должны опредѣляться наши различныя отношенія къ различнымъ народамъ. И въ торжествующемъ, всеобъемлющемъ царствѣ высшей культуры, все равно какъ и въ царствѣ небесномъ—ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ—звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ—такъ вѣдь, кажется, въ катехизисѣ? А?—Ну, а теперь, когда цѣль хотя близка, но еще не достигнута, тѣмъ болѣе нужно беречься отъ ошибокъ безразличной эгалитарности. Вотъ нынче въ газетахъ стали писать о какой-то распрѣ между Англіей и Трансваалемъ, и что будто-бы эти африканцы даже войною Англіи грозятся *),—такъ ужъ я теперь вижу, какъ разные газетчики и политиканы, и у насъ, да пожалуй на всемъ континентѣ противъ Англіи ополчатся, и за бѣдныхъ этихъ угнетенныхъ африканцевъ распинаться будутъ. А вѣдь это все равно, какъ если-бы на почтеннѣйшаго, заслуженнаго, всѣмъ извѣстнаго и образованнѣйшаго Ѳедора Ѳедоровича Мартенса, зашедшаго по своимъ дѣламъ въ сосѣднюю лавочку, чумазый подростокъ-сидѣлецъ вдругъ съ кулаками полѣзъ: „лавочка, молъ, наша, ты здѣсь лишній, и если не уйдешь, я тебя задушу или зарѣжу“, а тамъ и душить сталъ. Можно было-бы конечно пожалѣть, что почтенному Ѳедору Ѳедоровичу пришлось въ такую нелѣпую исторію попасть, но ужъ разъ это случилось, я-бы испыталъ только чувство нравственнаго удовлетворенія, если-бы мой досточтимый другъ, надававши буяну хорошихъ тумаковъ, сдалъ-бы его чрезъ полицію въ

*) Разговоръ происходилъ въ апрѣлѣ.

исправительный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ. А вмѣсто того разные прилично одѣтые господа вдругъ начинаютъ поощрять и подзадоривать мальчугана: „Молодецъ! Такой маленькій и на такого крупнаго господина напалъ! Валяй во всю, голубчикъ, не выдадимъ!“ Что за безобразіе! И еще если-бы у этихъ африканскихъ чумаковъ и скотоводовъ достало ума себя по кровному родству прямо за голландцевъ признать. Голландія—настоящая нація, заслуженная, высоко-культурная. Куда тутъ! Они себя самихъ за особую націю считаютъ, собственное африканское отечество создаютъ. Ахъ, канальи!

Дама. Во-первыхъ, не бранитесь, а во-вторыхъ, растолкуйте мнѣ, что это за Трансвааль такой, какіе люди тамъ обитаютъ?

Г. Z. Тамъ обитаетъ помѣсь европейцевъ и негровъ: они не бѣлы и не черны, а *буры*.

Дама. Это опять, кажется, каламбуръ?

Политикъ. И не высокаго сорта.

Г. Z. Каковы буры, таковы и каламбуры. Впрочемъ, если этотъ цвѣтъ вамъ не нравится, тамъ есть еще *Оранжевая* республика.

Политикъ. Говоря серьезно, эти буры, конечно, европейцы, но плохіе. Отчужденные отъ своей славной метрополіи, они въ значительной степени потеряли и свою культурность, окруженные дикарями сами одичали, загрубѣли, и ставить ихъ на одну доску съ англичанами и даже доходить до того, чтобы желать имъ успѣха въ борьбѣ съ Англіей—cela n'a pas de nom!

Дама. А вѣдь ваши-же европейцы сочувствовали кавказскимъ горцамъ, когда они воевали съ

нами за свою независимость. А Россія все-таки гораздо культурнѣе черкесовъ.

Политикъ. Чтобы не распространяться о мотивахъ этого сочувствія Европы кавказскимъ дикарямъ, скажу только, что намъ должно ассимилировать себѣ общій европейскій умъ, а не случайныя глупости тѣхъ или другихъ европейцевъ.— Нѣтъ, я, конечно, отъ всей души сожалѣю, что Англіи, какъ видно, придется для усмиренія этихъ зазнавшихся варваровъ употребить такое отжившее, осужденное историческимъ разумомъ средство, какъ война. Но если ужъ она окажется неизбѣжною, вслѣдствіе дикости этихъ зулусовъ,— я хотѣлъ сказать—буровъ, поощряемой неразумною завистью континента къ Англіи,—то, разумѣется, я буду горячо желать, чтобы эта война поскорѣе кончилась полнымъ усмиреніемъ африканскихъ буяновъ, такъ чтобы про ихъ независимость больше и помину не было. А ихъ успѣхъ— тоже возможный по отдаленности тѣхъ странъ,— былъ-бы торжествомъ варварства надъ образованностью, и для меня, какъ русскаго, то-есть европейца, это былъ-бы день глубокаго національнаго траура.

Г. Z. (*тихо къ генералу*). Ахъ, хорошо говорятъ сановники, совсѣмъ какъ тотъ французъ: ce sabre d'honneur est le plus beau jour de ma vie.

Дама (*къ политику*). Нѣтъ, я не согласна. И почему не сочувствовать этимъ трансбурамъ? Вѣдь мы-же Вильгельму Теллю сочувствуемъ.

Политикъ. Да, вотъ если-бы они свою поэтическую легенду создали, такихъ художниковъ, какъ Шиллеръ и Россини, вдохновили и сами у себя

кого-нибудь вродѣ Жанъ Жака Руссо или другихъ писателей и ученыхъ произвели, — тогда другой былъ-бы о нихъ и разговоръ.

Дама. Да вѣдь это все потомъ вышло, а сначала и швейцарцы вѣдь тоже пастухи были... Да и кромѣ нихъ, развѣ американцы, когда за независимость противъ англичанъ бунтовали, чѣмъ-нибудь въ образованности отличались? Нѣтъ, они были хоть не буры, а краснокожи и волосы съ кожей сдирали—у Майнъ-Рида. А вѣдь имъ и Лафайетъ сочувствовалъ, и былъ правъ, потому-что они вотъ теперь взяли да въ Чикаго всѣ религіи соединили и выставку изъ нихъ сдѣлали,— чего еще никто никогда не видывалъ. Вотъ вѣдь въ Парижѣ хотѣли для будущей выставки такимъ-же способомъ всѣ религіи собрать, однако ничего не вышло. Очень тамъ старался аббатъ одинъ Викторъ Шарбоннель. Онъ и ко мнѣ нѣсколько писемъ писалъ—такой симпатичный. Но только всѣ вѣры отказались. Даже великій раввинъ объявилъ: „для религіи у насъ есть Библія, а выставка тутъ ни къ чему“. Бѣдный Шарбоннель съ отчаянія отъ Христа отрекся и въ газетахъ напечаталъ, что онъ выходитъ въ отставку и очень уважаетъ Ренана. И кончилъ онъ, мнѣ писали, совсѣмъ какъ-то нехорошо: не то женился, не то спился. Потомъ нашъ Неплюевъ тоже хлопоталъ, но и онъ во всѣхъ религіяхъ разочаровался. Онъ мнѣ писалъ — такой идеалистъ —что полагается на единое только человѣчество. Но какъ же единое человѣчество на выставкѣ въ Парижѣ показывать? Я думаю,—это фантазія. А вотъ американцы прекрасно свое дѣло устроили. Ото всѣхъ

вѣръ къ нимъ духовныя лица пріѣхали. Епископа католическаго предсѣдателемъ сдѣлали. Онъ имъ *Отче нашъ* по-англійски прочелъ, а буддійскіе и китайскіе жрецы - идолопоклонники учтиво ему отвѣчаютъ: „Oh yes! All right Sir! Мы никому зла не желаемъ, и только объ одномъ просимъ: чтобы ваши миссіонеры уѣхали отъ насъ куда-нибудь подальше. Потому-что ваша религія чрезвычайно какъ хороша для васъ, и что вы ее не исполняете, мы въ этомъ не виноваты, а для насъ наша религія всѣхъ лучше". И такъ благополучно все кончилось, ни одной драки не было, всѣ удивлялись. Вотъ каковы американцы теперь стали. А почемъ знать, можетъ быть и изъ этихъ нынѣшнихъ африканцевъ такіе-же американцы потомъ выйдутъ.

Политикъ. Конечно, все возможно. И изъ какого-нибудь *гавроша* можетъ великій ученый выйти. Но до тѣхъ поръ все-таки для его собственной пользы не мѣшаетъ его хорошенько выпороть...

Дама. Какія выраженія! Décidément vous vous encanaillez. И все это изъ Монте-Карло! Qui est ce que vous fréquentez là bas? Les familles des croupiers sans doute. Впрочемъ, это ваше дѣло. А я-бы только просила васъ сократить вашу политическую мудрость, а то людей съ обѣдомъ задерживаете. Давно пора кончить.

Политикъ. Да я и хотѣлъ резюмировать и свести конецъ рѣчи съ ея началомъ.

Дама. Не вѣрю! Никогда сами не кончите. Нужно, чтобы я вамъ помогла растолковать вашу мысль. Вы, вѣдь, хотѣли сказать, что времена перемѣнились, что прежде былъ Богъ и война

а теперь вмѣсто Бога культура и миръ. Такъ вѣдь?

Политикъ. Пожалуй, приблизительно такъ.

Дама. Вотъ и отлично. Что такое Богъ—я хоть и не знаю и объяснить не могу, но чувствую. А насчетъ этой вашей культуры у меня и чувства никакого нѣтъ. Такъ вотъ вы мнѣ объясните двумя словами, что̀ это такое?

Политикъ. Изъ чего состоитъ культура, что въ ней содержится, — это вы и сами знаете: всѣ тѣ сокровища мысли и генія, которыя создавались избранными умами избранныхъ народовъ.

Дама. Да, вѣдь, это все не одно, а совсѣмъ разное. Тутъ и Вольтеръ, и Боссюэ, и Мадонна, и Нана, и Альфредъ Мюссэ, и Филаретъ. Какъ-же все это въ одну кучу свалить и эту кучу себѣ вмѣсто Бога поставить?

Политикъ. Да̀ я и хотѣлъ сказать, что о культурѣ въ смыслѣ исторической сокровищницы намъ нѣтъ заботы. Она создана, существуетъ, и слава Богу. Можно, пожалуй, надѣяться, что еще будутъ новые Шекспиры и Ньютоны, но это не въ нашей власти и практическаго интереса не представляетъ. Между тѣмъ, есть въ культурѣ другая сторона, практическая, или если хотите, нравственная, и это есть именно то, что въ частной жизни мы называемъ вѣжливостью, или учтивостью. Это можетъ казаться маловажнымъ на поверхностный взглядъ, но оно имѣетъ огромное и единственное значеніе именно потому, что оно одно можетъ быть всеобщимъ и обязательнымъ: нельзя ни отъ кого требовать ни высшей добродѣтели, ни высшаго ума или генія, но можно и должно требовать отъ

всѣхъ учтивости. Это есть тотъ *минимумъ* разсудительности и нравственности, благодаря которому люди могутъ жить по-человѣчески. Конечно, вѣжливость не есть *вся* культура, но она есть необходимое *условіе* всякой культурности, все равно какъ грамотность, хотя не исчерпываетъ умственнаго образованія, но есть его необходимое условіе. Вѣжливость есть культурность à l'usage de tout le monde. И вотъ мы видимъ въ самомъ дѣлѣ, что она все болѣе изъ частныхъ отношеній между людьми одного класса распространяется на соціальныя—между различными классами—и на политическія, или международныя. Мы помнимъ еще въ своемъ дѣтствѣ, какъ люди нашего класса могли быть невѣжливы съ простолюдинами, ну, а теперь обязательная, а то и принудительная вѣжливость эту сословную границу перешагнула, и вотъ готова перешагнуть и границы интернаціональныя.

Дама. Ахъ, пожалуйста, говорите короче. Вы, вѣдь, къ тому ведете, что мирная политика то-же самое между государствами, что вѣжливость между людьми.

Политикъ. Конечно,—недаромъ по-французски *politesse* и *politique* въ ближайшемъ родствѣ. И замѣтьте, что для этого вовсе не требуется никакихъ чувствъ, никакого этого *благоволенія*, о которомъ напрасно помянулъ генералъ. Если я на кого-нибудь не бросаюсь и не грызу его голову зубами, то вѣдь это не значитъ, чтобы я имѣлъ къ нему какое-то благоволеніе. Напротивъ, я могу питать къ нему въ своей душѣ самыя злобныя чувства, но какъ человѣку культурному мнѣ такая грызня прямо

гадка, а, главное, я понимаю, что ничего, кромѣ гадостей, изъ нея и выйти не можетъ, а ежели я отъ нея воздержусь и обойдусь съ этимъ человѣкомъ учтиво, то ничего не потеряю и много выиграю. Точно также каковы-бы ни были національныя антипатіи между двумя народами, на извѣстной степени культуры, они никогда не дойдутъ до voies de fait, то-есть до войны, во-первыхъ потому, что самая процедура войны—не такъ, какъ она въ стихахъ и на картинахъ изображается, а какъ она въ дѣйствительности существуетъ,—всѣ эти мертвыя тѣла, зловонныя раны, скопленія множества грубыхъ и грязныхъ людей, прекращеніе нормальнаго порядка жизни, разрушеніе полезныхъ зданій и учрежденій, мостовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ—все это безобразіе культурному народу прямо противно, какъ намъ съ вами противны выбитые глаза, свороченныя скулы, или откушенные носы; а во-вторыхъ, на извѣстной степени умственнаго развитія народъ понимаетъ, какъ выгодно быть учтивымъ съ другими націями, и какъ убыточно съ ними драться.—Тутъ, конечно, множество градацій: кулакъ культурнѣе зубовъ, палка культурнѣе кулака, а символическая пощечина еще культурнѣе,—точно также и войны вести можно болѣе или менѣе дикимъ образомъ, и европейскія войны XIX вѣка болѣе похожи на формально обусловленную дуэль двухъ порядочныхъ людей, нежели на драку двухъ пьяныхъ мастеровыхъ, но и это—только переходная ступень. Замѣтьте, что и дуэль у передовыхъ націй выходитъ изъ употребленія. Тогда-какъ отсталая Россія оплакиваетъ двухъ своихъ лучшихъ поэтовъ, погибшихъ на

поединкѣ,—въ болѣе культурной Франціи дуэль уже давно превратилась въ безкровную жертву дурной и *мертвой* традиціи. Quand on est mort c'est qu'on n'est plus en vie, сказалъ-бы г. Де-ла-Палиссъ, и навѣрное мы съ вами увидимъ, какъ дуэль вмѣстѣ съ войною будутъ навѣки похоронены въ архивѣ исторіи. Тутъ компромиссъ не можетъ быть продолжительнымъ. Настоящая культура требуетъ, чтобы всякая *драка* между людьми и между націями была вовсе упразднена. Во всякомъ случаѣ, мирная политика есть мѣрило и симптомъ культурнаго прогресса. И вотъ почему при всемъ желаніи быть угоднымъ почтеннѣйшему генералу, я все-таки остаюсь при своемъ заявленіи, что литературная агитація противъ войны есть явленіе весьма отрадное. Она не только предваряетъ, но и ускоряетъ окончательное рѣшеніе назрѣвшей задачи. При всѣхъ своихъ странностяхъ и увлеченіяхъ, эта проповѣдь важна тѣмъ, что подчеркиваетъ въ общественномъ сознаніи главную, такъ сказать, магистральную, линію историческаго прогресса. Мирное, то-есть вѣжливое, то-есть для всѣхъ выгодное улаженіе всѣхъ международныхъ отношеній и столкновеній—вотъ незыблемая норма здравой политики въ культурномъ человѣчествѣ.—А? (*къ г. Z.*). Вы что-то хотите сказать?

Г. Z. Нѣтъ, я насчетъ того, что вы передъ этимъ изволили замѣтить, что мирная политика есть симптомъ прогресса,—такъ я вспомнилъ, что въ тургеневскомъ „*Дымѣ*“ одна особа тоже совершенно правильно говоритъ: „Прогрессъ—это симптомъ!“ Такъ не выйдетъ-ли, что мирная политика есть симптомъ симптома?

Политикъ. Да. Такъ что-же? Конечно, все относительно. Но въ чемъ-же собственно ваша мысль?

Г. Z. Да въ томъ, что ежели мирная политика есть только тѣнь тѣни, то стоитъ-ли объ ней такъ много толковать? И о ней, и обо всемъ этомъ тѣневомъ прогрессѣ? Не лучше-ли прямо сказать человѣчеству то, что отецъ Варсонофій говорилъ той благочестивой дамѣ: „ты стара, ты слаба и никогда лучше не будешь".

Дама. Ну, объ этомъ теперь ужъ поздно. (*Къ политику*). Но замѣтьте, какъ подшутила надъ вами ваша politique-politesse.

Политикъ. Что такое?

Дама. А то, что въ Монте-Карло, или par euphémisme въ Ниццу вы завтра не поѣдете.

Политикъ. Это почему?

Дама. А потому, что эти господа хотятъ вамъ возражать, но вы говорили съ такою prolixité, что для нихъ времени не оставили, и ихъ возраженія нужно отложить на завтра. Но неужели, когда тутъ культурные люди будутъ опровергать ваши тезы, вы будете въ Монте-Карло предаваться болѣе или менѣе запрещеннымъ наслажденіямъ въ обществѣ необразованныхъ крупье и ихъ семействъ? Вѣдь это былъ-бы comble неучтивости. Гдѣ-же тогда вашъ „обязательный минимумъ нравственности"?

Политикъ. Ну, если такъ ужъ вышло, я могу отложить на одинъ день свою поѣздку въ Ниццу. Мнѣ и самому будетъ любопытно послушать, что можно сказать противъ моихъ аксіомъ.

Дама. Отлично. А теперь, я думаю, всѣ ужасно

голодны, и если-бы не ваша „культурность“, давно-бы уже бросились въ столовую.

Политикъ. Il me semble du reste que la culture et l'art culinaire se marient très bien ensemble.

Дама. Ой, ой! Зажимаю уши.

И тутъ мы всѣ, обмѣниваясь сомнительными остротами, поспѣшили вслѣдъ за хозяйкой къ обѣденному столу.

РАЗГОВОРЪ ТРЕТІЙ.

Audiatur et *tertia* pars.

На этотъ разъ по общему желанію мы собрались въ саду раньше обыкновеннаго, чтобы не торопиться съ окончаніемъ разговора. Всѣ были почему-то въ болѣе серьезномъ настроеніи, чѣмъ вчера.

Политикъ (*къ г. Z.*). Вы, кажется, хотѣли что-то возразить, или замѣтить на то, что я давеча говорилъ?

Г. Z. Да, это насчетъ вашего опредѣленія, что мирная политика есть симптомъ прогресса,—я еще вспомнилъ слова одной особы въ тургеневскомъ „*Дымѣ*“, что „прогрессъ это—симптомъ“. Я не знаю, что именно подъ этимъ разумѣла тургеневская особа, но вѣдь прямой смыслъ этихъ словъ совершенно вѣренъ. Прогрессъ дѣйствительно есть симптомъ.

Политикъ. Чего?

Г. Z. Пріятно съ умными людьми разговаривать. Именно къ этому вопросу я и велъ рѣчь. Я думаю, что прогрессъ, т.-е. замѣтный, ускоренный прогрессъ есть всегда *симптомъ конца*.

Политикъ. Я понимаю, что если дѣло идетъ, на-

примѣръ, о прогрессивномъ параличѣ, то это есть симптомъ конца. Но почему-же прогрессъ культуры или культурности непремѣнно долженъ быть симптомомъ конца?

Г. Z. Да, это не такъ очевидно, какъ въ случаѣ паралича, однако это такъ.

Политикъ. Что вы въ этомъ увѣрены—это ясно, но для меня не ясно даже, въ чемъ собственно вы увѣрены. И, во-первыхъ, ободренный вашею похвалою, я и тутъ возобновлю свой простой вопросъ, который вамъ показался умнымъ. Вы говорите „симптомъ конца". Конца *чего*—я спрашиваю?

Г. Z. Да конца того, о чемъ у насъ была рѣчь. Вѣдь мы толковали объ исторіи человѣчества, о томъ историческомъ „процессѣ", который несомнѣнно сталъ идти ускореннымъ темпомъ, и какъ я убѣжденъ, приближается къ своей развязкѣ.

Дама. C'est la fin du monde n'est ce pas? Это очень любопытно.

Генералъ. Вотъ, наконецъ, до самаго интереснаго добрались.

Князь. Вѣроятно вы и антихриста не оставите безъ вниманія?

Г. Z. Конечно,—ему первое мѣсто.

Князь (*къ дамѣ*). Извините, пожалуйста, у меня ужасно много дѣлъ совсѣмъ неотложныхъ, такъ-что при всемъ желаніи послушать о такихъ интереснѣйшихъ вещахъ, я долженъ отправиться къ себѣ.

Генералъ. Какъ? А винтъ?

Политикъ. Я еще третьяго дня предчувствовалъ, что будетъ какое-нибудь злодѣйство. Ужъ разъ религія замѣшалась, не жди добра.

Tantum religio potuit suadere malorum.

Князь. Никакого злодѣйства не будетъ—я постараюсь вернуться въ девять часовъ, а теперь рѣшительно некогда.

Дама. Но почему такая внезапность? Почему вы не предупредили объ этихъ важныхъ дѣлахъ? Не вѣрю! Признайтесь, что это антихристъ васъ вдругъ спугнулъ.

Князь. Я вчера такъ много наслушался, что учтивость есть самое первое дѣло, что подъ этимъ внушеніемъ рѣшился сказать неправду ради учтивости. Теперь вижу, что это очень дурно, и скажу прямо, что хотя у меня дѣйствительно много важныхъ дѣлъ, но что я ухожу отъ этого разговора главнымъ образомъ потому, что считаю непозволительнымъ тратить свое время на разсужденія о такихъ вещахъ, которыя могутъ имѣть значеніе развѣ для папуасовъ какихъ-нибудь.

Политикъ. Вашъ тяжкій грѣхъ излишней учтивости, кажется, теперь искупленъ.

Дама. И зачѣмъ сердиться? Если мы глупы, просвѣтите насъ. Вотъ я, право, не сержусь, что вы и меня папуаской назвали—вѣдь и у папуасовъ могутъ быть вѣрныя понятія. Богъ умудряетъ младенцевъ. Но если вамъ трудно слушать про антихриста, такъ вотъ на чемъ помиримся. Ваша вилла вѣдь два шага отсюда. Ступайте теперь заниматься, а къ концу разговора приходите,—послѣ антихриста.

Князь. Хорошо, приду.

(*Когда князь отошелъ отъ бесѣдующихъ*). **Генералъ** (*смѣясь замѣтилъ*). Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!

Дама. Какъ, вы думаете, что нашъ князь—антихристъ?

Генералъ. Ну, не лично, не онъ лично: далеко кулику до Петрова дня! А все-таки на той линіи. Какъ еще у Іоанна Богослова въ писаніи сказано: вы слышали, дѣтушки, что придетъ антихристъ, а теперь много антихристовъ. Такъ вотъ изъ этихъ многихъ, изъ многихъ-то...

Дама. Во „многіе“ пожалуй и нечаянно попадешь. Съ него Богъ не взыщетъ, его съ толку сбили. Онъ знаетъ, что своего пороху ему не выдумать, а въ модномъ мундирѣ ходить—все-таки почетъ—будто въ гвардію попасть изъ армейскихъ. Большому генералу это все равно, а для маленькаго офицера лестно.

Политикъ. Это психологія вѣрная. Но я все-таки не понимаю, почему онъ разсердился насчетъ антихриста. Вотъ я, напримѣръ, ни во что мистическое не вѣрю, такъ оно меня и не сердитъ, а скорѣй интересуетъ съ точки зрѣнія общечеловѣческой. Я вѣдь знаю, что для многихъ это дѣло серьезное, значитъ здѣсь выражается какая-то сторона человѣческой природы, которая у меня атрофирована что-ли, но сохраняетъ свой объективный интересъ и для меня. Я вотъ, напримѣръ, совсѣмъ плохъ въ живописи: и самъ ничего не нарисую—даже прямой линіи или круга, да и у живописцевъ не разберу, что хорошо написано, что дурно. Но я и вопросами живописи интересуюсь на почвѣ общеобразовательной и обще-эстетической.

Дама. На такое безобидное дѣло нельзя сердиться, а вотъ религію вы-же сами ненавидите, и только-что привели какое-то латинское ругательство противъ нея.

Политикъ. Ну, ужъ и ругательство! Я, какъ и

мой любимый поэтъ Лукрецій, упрекаю религію за кровавые алтари и за вопли человѣческихъ жертвъ. Отголосокъ этой кровожадности слышится мнѣ и въ мрачно-нетерпимыхъ заявленіяхъ покинувшаго насъ собесѣдника. А религіозныя идеи сами по себѣ меня очень интересуютъ,—вотъ между прочимъ и эта идея „антихриста“. Къ сожалѣнію, пришлось объ этомъ предметѣ прочесть только книгу Ренана, а тотъ беретъ дѣло лишь со стороны исторической учености и все къ Нерону сводитъ. Но этого мало. Вѣдь идея антихриста была гораздо раньше Нерона у евреевъ—по поводу царя Антіоха Епифана, и осталась до сихъ поръ у нашихъ раскольниковъ, напримѣръ. Тутъ есть какая-то общая мысль.

Генералъ. Да, хорошо вашему высокопревосходительству о такихъ вещахъ разсуждать при вашихъ-то досугахъ,—ну, а вотъ бѣдный князь такъ поглощенъ дѣлами евангельской проповѣди, что гдѣ ужъ ему о Христѣ или объ антихристѣ поразмыслить: даже для винта и то не болѣе трехъ часовъ въ день остается. Человѣкъ безъ фальши, нужно отдать ему справедливость.

Дама. Нѣтъ, вы къ нему слишкомъ строги. Конечно, они всѣ какіе-то изломанные, но зато и несчастные такіе; нѣтъ въ нихъ никакой веселости, никакого довольства и благодушія. А вѣдь въ писаніи гдѣ-то сказано, что христіанство есть радость о Духѣ Святѣ.

Генералъ. Положеніе въ самомъ дѣлѣ тяжелое: Духа Христова не имѣя, выдавать себя за самыхъ настоящихъ христіанъ.

Г. Z. За христіанъ *по преимуществу*, при отсут-

ствіи именно того, что составляетъ преимущество христіанства.

Генералъ. Но мнѣ думается, что это печальное положеніе и есть именно положеніе антихристово, которое для болѣе умныхъ или чуткихъ отягощается сознаніемъ, что вѣдь въ концѣ концовъ кривая не вывезетъ.

Г. Z. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что то антихристіанство, которое по библейскому воззрѣнію—и ветхозавѣтному и новозавѣтному—обозначаетъ собою послѣдній актъ исторической трагедіи,—что оно будетъ не простое невѣріе, или отрицаніе христіанства, или матеріализмъ и тому подобное, а что это будетъ религіозное *самозванство*, когда имя Христово присвоятъ себѣ такія силы въ человѣчествѣ, которыя на дѣлѣ и по существу чужды и прямо враждебны Христу и Духу Его.

Генералъ. Ну, конечно, дьяволъ не былъ бы и дьяволомъ, если-бы въ открытую игралъ!

Политикъ. Я боюсь, однако, какъ-бы всѣ христіане не оказались самозванцами и, значитъ, по вашему антихристами. Исключеніе составятъ развѣ только безсознательныя народныя массы, насколько такіе еще существуютъ въ христіанскомъ мірѣ, да немногіе отдѣльные оригиналы вродѣ васъ, господа. А ужъ во всякомъ случаѣ къ „антихристамъ“ слѣдуетъ отнести тѣхъ людей—и здѣсь во Франціи, и у насъ,—что особенно хлопочутъ о христіанствѣ, дѣлаютъ изъ него свое спеціальное занятіе, и изъ христіанскаго имени какую-то свою монополію или привилегію. Такіе люди въ настоящее время принадлежатъ къ одному изъ двухъ разрядовъ, оди-

наково чуждыхъ, я надѣюсь, Духу Христову. Или это живодеры какіе-то оголтѣлые, что сейчасъ готовы инквизицію возстановить и религіозные массакры устроить — вродѣ тѣхъ „благочестивыхъ“ аббатовъ и „бравыхъ“, „католическихъ“ офицеровъ, что выражали недавно свои лучшія чувства по случаю прославленія какого-то попавшагося мошенника*), или это новые постники и безбрачники что открыли добродѣтель и совѣсть, какъ Америку какую-то, а при этомъ потеряли внутреннюю правдивость и всякій здравый смыслъ. Отъ первыхъ нравственная тошнота дѣлается, а отъ вторыхъ и физическая зѣвота одолѣваетъ.

Генералъ. Да. И въ давнія времена христіанство кому было непонятно, кому ненавистно; но сдѣлать его отвратительнымъ и смертельно-скучнымъ—это лишь теперь удалось. Воображаю, какъ дьяволъ себѣ руки потиралъ и за животъ хватался при такомъ успѣхѣ. Ахъ ты, Господи!

Дама. Такъ что-жъ, это и есть антихристъ по вашему?

Г. Z. Ну, нѣтъ. Нѣкоторые пояснительные на-

---

*) Очевидно, *политикъ* намекаетъ на подписку въ память „самоубитаго“ Анри, гдѣ одинъ французскій офицеръ заявилъ, что онъ подписывается съ надеждою на новую Варѳоломеевскую ночь, другой,—что онъ уповаетъ на скорое повѣшеніе всѣхъ протестантовъ, фран-масоновъ и евреевъ, а одинъ аббатъ,—что онъ живетъ чаяніемъ той свѣтлой будущности, когда изъ кожи, содранной съ гугенотовъ, масоновъ и жидовъ, будутъ сдѣланы дешевые ковры, и онъ, какъ добрый христіанинъ, будетъ постоянно топтать такой коверъ ногами. Эти заявленія среди нѣсколькихъ десятковъ тысячъ другихъ въ томъ-же родѣ напечатаны въ газетѣ „Libre Parole“.

меки на его существо тутъ даны, а самъ-то еще впереди.

Дама. Такъ разъясните-же, какъ можно проще, въ чемъ тутъ дѣло?

Г. Z. Ну, за простоту не могу ручаться. На истинную простоту не сразу попадешь, а мнимая простота, искусственная, фальшивая—нѣтъ ничего хуже ея. Есть старинное изреченіе, которое любилъ повторять одинъ мой умершій пріятель: *многая простота удобопревратна.*

Дама. Ну, и это не совсѣмъ просто.

Генералъ. Это вѣроятно то-же, что и въ народной пословицѣ: *иная простота хуже воровства.*

Г. Z. Это самое.

Дама. Теперь и я понимаю.

Г. Z. Жаль только, что всего антихриста на однѣхъ пословицахъ не объснишь.

Дама. Ну, объясняйте какъ знаете.

Г. Z. Прежде всего скажите мнѣ, признаете-ли вы существованіе и силу зла въ мірѣ?

Дама. Не хотѣлось-бы признавать, да приходится поневолѣ. Одна смерть чего стоитъ: ужъ отъ этого-то зла не уйдешь. Вѣрю, что „послѣдній врагъ истребится смерть“,—ну, а пока не истребился, ясно, что зло не только сильно, но и сильнѣе добра.

Г. Z. (*къ генералу*). А вы какъ думаете?

Генералъ. Я передъ пулями и ядрами глазъ не закрывалъ, такъ и на болѣе тонкіе вопросы жмуриться не стану. Конечно, зло такъ-же реально существуетъ, какъ и добро. Есть Богъ, есть и дьяволъ,—разумѣется, пока его Богъ терпитъ.

Политикъ. Ну, а я пока ничего не отвѣчу. Мой

взглядъ въ корень не идетъ, а ту сторону дѣла, которая мнѣ ясна, я изложилъ вчера, какъ могъ. Но мнѣ любопытно познакомиться съ чужимъ взглядомъ. Образъ мыслей князя мнѣ совершенно понятенъ, то-есть мнѣ понятно, что тутъ никакой настоящей мысли вовсе нѣтъ, а торчитъ какая-то голая претензія qui n'a ni rime ni raison. Ну, а положительный религіозный взглядъ, конечно, болѣе содержателенъ и болѣе меня интересуетъ. Только я до сихъ поръ былъ съ нимъ знакомъ лишь въ его казенной формѣ, которая меня не удовлетворяетъ. И мнѣ было-бы очень желательно услышать, наконецъ, объ этихъ вещахъ не благоглаголаніе благопотребное, а натуральное человѣческое слово.

Г. Z. Изо всѣхъ звѣздъ, которыя восходятъ на умственномъ горизонтѣ человѣка, со вниманіемъ читающаго наши священныя книги, нѣтъ, я думаю, болѣе яркой и поразительной, чѣмъ та, которая сверкаетъ въ евангельскомъ словѣ: „Думаете-ли вы, что Я миръ пришелъ принести на землю? Нѣтъ, говорю вамъ,—но раздѣленіе". Онъ пришелъ принести на землю *истину*, а она, какъ и добро, прежде всего *раздѣляетъ*.

Дама. Это нужно объяснить. И почему-же Христосъ называется prince de la paix, и почему онъ-же сказалъ, что миротворцы сынами Божіими нарекутся?

Г. Z. А вы такъ добры, что желаете и мнѣ получить это высшее достоинство чрезъ примиреніе противорѣчивыхъ текстовъ?

Дама. Именно.

Г. Z. Такъ замѣтьте-же, что примирить ихъ

можно только чрезъ раздѣленіе между добрымъ, или истиннымъ миромъ и миромъ дурнымъ, или ложнымъ. И это раздѣленіе прямо указано Тѣмъ-же, Кто принесъ истинный миръ и добрую вражду: „Миръ оставляю вамъ, миръ *Мой* даю вамъ: не такъ, какъ *міръ* даетъ, Я даю вамъ“. Есть, значитъ, хорошій, Христовъ миръ, основанный на томъ *раздѣленіи*, что Христосъ пришелъ принести на землю, именно на раздѣленіи между добромъ и зломъ, между истиной и ложью; и есть дурной, мірской миръ, основанный на смѣшеніи, или внѣшнемъ соединеніи того, что внутренно враждуетъ между собою.

Дама. Какъ-же вы покажете разницу между хорошимъ и дурнымъ миромъ?

Г. Z. Да почти такъ-же, какъ третьяго дня генералъ, когда онъ, шутя, замѣтилъ, что бываетъ хорошій миръ, напримѣръ Ништадскій или Кучукъ-Кайнарджійскій. Подъ этою шуткой есть болѣе общій и важный смыслъ. И въ духовной борьбѣ, какъ и въ политической, хорошій миръ есть тотъ, который заключаютъ лишь тогда, когда цѣль войны достигнута.

Дама. Но изъ-за чего-же окончательно идетъ война между добромъ и зломъ? Да и нужно-ли имъ собственно воевать между собою? Да и возможно-ли между ними дѣйствительно столкновеніе—corps à corps? Вѣдь на обыкновенной войнѣ, когда одна сторона начнетъ усиливаться, то и другая, непріятельская, ищетъ подкрѣпленій, споръ долженъ быть рѣшенъ настоящими битвами, съ пушками и штыками. А въ борьбѣ добра и зла этого нѣтъ, а когда добрая сторона усиливается,

то дурная сейчасъ ужъ и слабѣетъ, и до настоящаго сраженія между ними дѣло никогда не доходитъ, такъ-что все это только въ переносномъ смыслѣ. Значитъ, нужно только заботиться, чтобы добра въ людяхъ было больше, тогда ужъ само собою зла будетъ меньше.

Г. Z. То-есть вы думаете, что стоитъ только добрымъ людямъ самимъ становиться еще добрѣе, чтобы злые теряли свою злобу, пока наконецъ не сдѣлаются тоже добрыми?

Дама. Мнѣ кажется, что такъ.

Г. Z. Ну, а вамъ извѣстны какіе-нибудь случаи, чтобы доброта добраго человѣка дѣлала злого добрымъ, или по крайней мѣрѣ менѣе злымъ?

Дама. Нѣтъ, сказать правду, я такихъ случаевъ не видала и не слыхала... Но постойте: вѣдь то, что вы теперь сказали, подходитъ, кажется, къ тому, о чемъ вы третьяго-дня съ княземъ говорили, что даже Христосъ при всей Своей добротѣ ничего хорошаго не могъ сдѣлать съ душой Іуды Искаріота или злого разбойника. Такъ отвѣтъ на это остался за княземъ, вы не забудьте, когда онъ придетъ.

Г. Z. Ну, такъ-какъ я его не считаю антихристомъ, то и въ пришествіи его не увѣренъ, а въ его богословской находчивости—еще менѣе. Такъ чтобы на нашемъ разговорѣ не тяготѣлъ этотъ нерѣшенный вопросъ, я представлю пока то возраженіе, которое долженъ-бы сдѣлать князь *съ его точки зрѣнія.* „Почему Христосъ не переродилъ своею добротою злыя души Іуды и К°?“ Да просто потому, что время было слишкомъ темное, и только очень немногія души стояли на той степени нрав-

ственнаго развитія, на которой внутренняя сила истины можетъ быть ощутительна. А Іуда и К° были еще слишкомъ „неразвиты“. Но вѣдь самъ-же Христосъ сказалъ Своимъ ученикамъ: „Дѣла, которыя Я творю, и вы сотворите,—и *больше* этого *сотворите*“. Значитъ, на высшей ступени нравственнаго развитія въ человѣчествѣ, какая достигнута въ настоящее время, истинные ученики Христовы могутъ силою своей кротости и непротивленія злу творить нравственныя чудеса больше тѣхъ, что были возможны осьмнадцать вѣковъ тому назадъ...

Генералъ. Позвольте, позвольте! Если *могутъ* творить, такъ почему-же не творятъ? Или вы эти новыя чудеса видали? Вѣдь вотъ нашъ князь и теперь „послѣ осьмнадцати вѣковъ нравственнаго развитія христіанскаго сознанія“ никакъ не можетъ просвѣтить мою темную душу: какимъ я былъ до него людоѣдомъ, такимъ и по-сейчасъ остаюсь, и какъ прежде, такъ и теперь послѣ Бога и Россіи больше всего на свѣтѣ люблю военное дѣло вообще и артиллерійское въ особенности. А вѣдь я не только съ однимъ нашимъ княземъ, а и съ многими другими непротивленцами, посильнѣй его, встрѣчался.

Г. Z. Ну, зачѣмъ-же становиться на такую личную почву? И чего вы отъ меня желаете? Я вамъ представилъ въ пользу отсутствующаго противника евангельскій текстъ, о которомъ онъ забылъ, а затѣмъ

Резонъ-ли въ этомъ, или не резонъ,—
Я за чужой не отвѣчаю сонъ.

Дама. Ну, теперь ужъ и я вступлюсь за бѣднаго князя. Если-бы онъ захотѣлъ быть умнымъ, то онъ отвѣчалъ-бы генералу такъ: я и мои единомышленники, съ которыми вы встрѣчались, считаемъ себя истинными учениками Христа только по направленію нашихъ мыслей и поступковъ, а не потому, чтобы мы достигли большой силы. Но, навѣрное, есть гдѣ-нибудь, или скоро будутъ, христіане болѣе совершенные, чѣмъ мы,—они и вашу темную стѣну пробили-бы.

Г. Z. Этотъ отвѣтъ, конечно, былъ-бы практически удобенъ, такъ какъ онъ апеллировалъ-бы къ неизвѣстной инстанціи. Но это, вѣдь, не серьезно. Они, положимъ, скажутъ, должны сказать: мы ничего дѣлать не можемъ—ни большаго, чѣмъ то, что Христосъ дѣлалъ, ни равнаго Его дѣламъ, ни даже меньшаго, но сколько-нибудь приближающагося къ этимъ дѣламъ. Что-же можно заключить изъ такого признанія по здравой логикѣ?

Генералъ. Кажется, только то, что слова Христовы „вы будете творить то, что Я творилъ и больше этого“—сказаны были не этимъ господамъ, а кому-нибудь другому, совсѣмъ на нихъ не похожему.

Дама. Но, вѣдь, можно себѣ представить, что какой-нибудь человѣкъ до конца проведетъ заповѣдь Христову о любви къ врагамъ и о прощеніи обидъ,—и тогда онъ чрезъ того-же Христа получитъ силу превращать своею кротостью злыя души въ добрыя.

Г. Z. Былъ не такъ давно сдѣланъ опытъ въ этомъ родѣ, и не только безъ успѣха, но онъ показалъ прямо обратное тому, что вы предполагаете.

Былъ человѣкъ, не знавшій предѣловъ своей кротости и не только прощавшій всякую обиду, но и отвѣчавшій на всякое новое злодѣяніе новыми и большими благодѣяніями. И что-же? Потрясъ-ли онъ душу своего врага, переродилъ-ли его нравственно? Увы! онъ только ожесточилъ сердце злодѣя и жалостнымъ образомъ погибъ отъ его руки.

Дама. Про что такое вы говорите? Какой это человѣкъ? Гдѣ и когда онъ жилъ?

Г. Z. Не такъ давно и въ Петербургѣ. Я думалъ, что вы его знаете. Это камергеръ Деларю.

Дама. Никогда не слыхала, а кажется я весь Петербургъ по пальцамъ знаю.

Политикъ. Я тоже что-то не припоминаю. Но въ чемъ-же исторія этого камергера?

Г. Z. Она прекрасно изложена въ одномъ неизданномъ стихотвореніи Алексѣя Толстого.

Дама. Неизданномъ? Значитъ, навѣрное фарсъ. Къ чему-же это при такихъ серьезныхъ предметахъ?

Г. Z. Увѣряю васъ, что хотя это фарсъ по формѣ, но съ очень серьезнымъ и главное правдивымъ реальнымъ содержаніемъ. Во всякомъ случаѣ, дѣйствительное отношеніе между добротою и злобою въ человѣческой жизни изображено этими шуточными стихами гораздо лучше, чѣмъ я могъ-бы его изобразить своею серьезною прозой. И у меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что когда герои иныхъ всемірно-знаменитыхъ романовъ, искусно и серьезно распахивающихъ психологическій черноземъ, будутъ только литературнымъ воспоминаніемъ для книжниковъ,—этотъ фарсъ, въ смѣшныхъ и дико-каррикатурныхъ чертахъ затронувшій подпочвенную глубину нравственнаго вопроса,

сохранитъ всю свою художественную и философскую правду.

Дама. Ну, я вашимъ парадоксамъ не вѣрю. Вы одержимы духомъ противорѣчія и нарочно всегда бравируете общественное мнѣніе.

Г. Z. Я вѣроятно „бравировалъ"-бы его, если-бы оно существовало. Но исторію о камергерѣ Деларю я вамъ все-таки сообщу, такъ-какъ вы ее не знаете, а я помню ее наизусть.

Вонзилъ кинжалъ убійца нечестивый
Въ грудь Деларю.
Тотъ, шляпу снявъ, сказалъ ему учтиво:
„Благодарю".
Тутъ въ лѣвый бокъ ему кинжалъ ужасный
Злодѣй вогналъ,
А Деларю сказалъ: „Какой прекрасный
У васъ кинжалъ!"
Тогда злодѣй, къ нему зашедши справа,
Его пронзилъ.
А Деларю съ улыбкою лукавой
Лишь погрозилъ.
Истыкалъ тутъ злодѣй ему, пронзая,
Всѣ тѣлеса,
А Деларю: „Прошу на чашку чаю
Къ намъ въ три часа".
Злодѣй палъ ницъ и, слезъ проливши много,
Дрожалъ какъ листъ,
А Деларю: „Ахъ, встаньте ради Бога!
Здѣсь полъ нечистъ".
Но все у ногъ его въ сердечной мукѣ
Злодѣй рыдалъ,
А Деларю сказалъ, разставя руки:
„Не ожидалъ!
„Возможно-ль? Какъ?! Рыдать съ такою силой?—
По пустякамъ?!
Я вамъ аренду выхлопочу, милый,—
Аренду вамъ!

„Черезъ плечо дадутъ вамъ Станислава
Другимъ въ примѣръ.
Я дать совѣтъ властямъ имѣю право:
Я камергеръ!
„Хотите дочь мою просватать, Дуню?
А я за то
Кредитными билетами отслюню
Вамъ тысячъ сто.
„А вотъ пока вамъ мой портретъ на память,—
Пріязни въ знакъ.
Я не успѣлъ его еще обрамить,—
Примите такъ!“
Тутъ ѣдокъ сталъ и даже горче перца
Злодѣя видъ.
Добра за зло испорченное сердце
Ахъ! не проститъ.
Высокій духъ посредственность тревожитъ,
Тьмѣ страшенъ свѣтъ.
Портретъ еще простить убійца можетъ
Аренду-жъ—нѣтъ.
Зажглась въ злодѣѣ зависти отрава
Такъ горячо,
Что лишь надѣлъ мерзавецъ Станислава
Черезъ плечо,—
Онъ окунулъ со злобою безбожной
Кинжалъ свой въ ядъ
И, къ Деларю подкравшись осторожно,
Хвать друга въ задъ!
Тотъ на полъ легъ, не въ силахъ въ страшныхъ боляхъ
На кресло сѣсть.
Межъ тѣмъ злодѣй, отнявъ на антресоляхъ
У Дуни честь,—
Бѣжалъ въ Тамбовъ, гдѣ былъ, какъ губернаторъ,
Весьма любимъ.
Потомъ въ Москвѣ, какъ ревностный сенаторъ,
Былъ всѣми чтимъ.
Потомъ онъ членомъ сдѣлался совѣта
Въ короткій срокъ...
Какой примѣръ для насъ являетъ это,
Какой урокъ!

Дама. Ахъ, какъ мило, я и не ожидала.

Политикъ. Въ самомъ дѣлѣ превосходно. „Кредитными билетами отслюню!“ — чудесно. „Аренду-жъ нѣтъ!“ и „Бѣжалъ въ Тамбовъ“—deux vrais coups de maître!

Г. Z. Но правдивость-то какая, вы замѣтьте. Деларю не та „очищенная добродѣтель“, которой въ природѣ не встрѣчается. Онъ живой человѣкъ со всѣми человѣческими слабостями—и тщеславіемъ („я камергеръ!“), и стяжательностью (припасены сто тысячъ), а его фантастическая непроницаемость для злодѣйскаго кинжала есть лишь очевидный символъ его безпредѣльнаго добродушія, неодолимаго и даже нечувствительнаго для всякихъ обидъ, что все-таки бываетъ, хотя и очень рѣдко. Деларю не олицетвореніе добродѣтели, а натуральный добрый человѣкъ, у котораго сердечная доброта одолѣла дурныя качества и вытѣснила ихъ на душевную поверхность въ видѣ безобидныхъ слабостей. Также „злодѣй“—вовсе не ходячій экстрактъ порока, а обыкновенная смѣсь добрыхъ и злыхъ качествъ; но у него зло зависти засѣло въ самой глубинѣ души и вытѣснило все доброе на душевную *эпидерму*, такъ сказать, гдѣ доброта приняла видъ очень живой, но поверхностной чувствительности. Когда на рядъ жестокихъ обидъ Деларю отвѣчаетъ учтивыми словами и приглашеніемъ на чашку чая, чувствительность нравственной эпидермы у „злодѣя“ сильно затронута этими проявленіями благовоспитанности, и онъ предается самому экспансивному раскаянію. Когда же учтивость камергера переходитъ въ сердечное участіе истинно-добраго человѣка, ко-

торый платитъ своему врагу за зло не кажущимся только добромъ вѣжливыхъ словъ и жестовъ, а дѣйствительнымъ и живымъ добромъ практической помощи,—когда Деларю входитъ въ житейское положеніе своего злодѣя, готовъ подѣлиться съ нимъ своимъ состояніемъ, устроить его служебныя дѣла и даже его семейное благополучіе,—тогда эта *дѣйствительная* доброта, проникая въ болѣе глубокіе моральные слои злодѣя, обнаруживаетъ его внутреннюю нравственную негодность и, достигая наконецъ до дна его души, будитъ тамъ крокодила зависти. Не добротѣ Деларю завидуетъ злодѣй,—онъ вѣдь и самъ можетъ быть добрымъ, развѣ онъ не чувствовалъ своей доброты, когда „рыдалъ въ сердечной мукѣ“,—нѣтъ, онъ завидуетъ именно недостижимой для него бездонности и *простой серьезности* этой доброты:

Портретъ еще простить убійца можетъ,
Аренду-жъ—нѣтъ!

Развѣ это не реально, развѣ не такъ бываетъ въ живой дѣйствительности? Отъ одной и той-же влаги живительнаго дождя растутъ и благотворныя силы въ цѣлебныхъ травахъ, и ядъ—въ ядовитыхъ. Также и дѣйствительное благодѣяніе въ концѣ концовъ увеличиваетъ добро въ добромъ и зло—въ зломъ. Такъ должны-ли мы, имѣемъ-ли мы даже право всегда и безъ разбора давать волю своимъ добрымъ чувствамъ? Можно-ли похвалить родителей, усердно поливающихъ изъ доброй лейки ядовитыя травы въ саду, гдѣ гуляютъ ихъ дѣти? Дуня-то за что погибла, я васъ спрашиваю?

Генералъ. Вотъ это вѣрно! Если-бы Деларю из-

рядно накостылялъ затылокъ своему злодѣю и выгналъ его изъ дому, такъ вѣдь тому не до антресолей-бы было.

Г. Z. Въ самомъ дѣлѣ, пускай онъ имѣетъ право жертвовать *себя* своей добротѣ, пускай, какъ встарину были мученики вѣры, такъ теперь должны быть мученики доброты. Но съ Дуней-то какъ быть, я васъ спрашиваю? Вѣдь она глупа и молода и ничего собой доказать не можетъ и не желаетъ. Такъ неужели ея не жалко?

Политикъ. Положимъ, жалко. Но мнѣ еще болѣе жалко, что антихристъ-то, кажется, отъ насъ вмѣстѣ съ злодѣемъ въ Тамбовъ убѣжалъ.

Г. Z. Поймаемъ, ваше высокопревосходительство, поймаемъ!—Вчера вы изволили указать смыслъ исторіи въ томъ,—что натуральное человѣчество,—состоящее первоначально изъ множества болѣе или менѣе дикихъ народовъ, чуждыхъ другъ другу, частію не знающихъ другъ о другѣ, а частью прямо враждующихъ между собою,—постепенно выдѣляетъ изъ себя лучшую образованную часть—культурный, или европейскій міръ, который постепенно растетъ и разрастается и, наконецъ, долженъ охватить и всѣ отставшіе въ этомъ историческомъ движеніи народы, включая ихъ въ одно солидарное и мирное международное цѣлое. Установленіе вѣчнаго международнаго мира — вотъ ваша формула—не такъ-ли?

Политикъ. Да, и эта формула въ своей предстоящей и уже недалекой реализаціи покроетъ собою гораздо больше существенныхъ культурныхъ успѣховъ, чѣмъ можетъ теперь казаться. Вы только подумайте, сколько дурного будетъ по

необходимости атрофировано и сколько хорошаго по самой природѣ вещей возникнетъ и разовьется. Сколько силъ будетъ освобождено для производительныхъ занятій, какъ процвѣтутъ науки и искусства, промышленность и торговля...

Г. Z. Ну, а уничтоженіе болѣзней и смерти включаете вы въ число предстоящихъ успѣховъ культуры?

Политикъ. Разумѣется... до нѣкоторой степени. Ужъ и теперь много сдѣлано по части санитарныхъ условій, гигіены, антисептики... органотерапіи...

Г. Z. А эти несомнѣнные успѣхи въ положительную сторону развѣ не уравновѣшиваются столь же несомнѣннымъ прогрессомъ невропатическихъ и психопатическихъ явленій вырожденія, сопровождающихъ развитіе культуры?

Политикъ. Ну, на какихъ-же это вѣсахъ взвѣшивать?

Г. Z. Во всякомъ случаѣ безспорно, что растетъ плюсъ, растетъ и минусъ, а въ результатѣ получается что-то близкое къ нулю. Это насчетъ болѣзней. Ну, а касательно смерти, кажется, кромѣ нуля, ничего и не было въ культурномъ прогрессѣ.

Политикъ. Да развѣ культурный прогрессъ ставитъ себѣ такія задачи, какъ уничтоженіе смерти?

Г. Z. Знаю, что не ставитъ, но вѣдь потому и его самого очень высоко ставить нельзя. Ну, въ самомъ дѣлѣ, если-бы я зналъ навѣрно, что и я самъ и все, что мнѣ дорого, должно навсегда исчезнуть, не было-ли-бы для меня все равно, дерутся-ли гдѣ-нибудь между собою разные народы, или жи-

вутъ въ мирѣ, культурны они, или дики, учтивы, или неучтивы?

Политикъ. Да, съ личной, эгоистической точки зрѣнія, конечно, это все равно.

Г. Z. Какъ съ эгоистической? Извините, — со всякой точки зрѣнія. Смерть все равняетъ, и передъ нею эгоизмъ и альтруизмъ одинаково безсмысленны.

Политикъ. Пусть такъ, но вѣдь безсмысленность эгоизма не мѣшаетъ быть намъ эгоистами, точно также альтруизмъ, насколько онъ вообще возможенъ, обойдется и безъ разумныхъ основаній, и разсужденіе о смерти тутъ ни причемъ. Я знаю, что мои дѣти и внуки умрутъ, но это не мѣшаетъ мнѣ заботиться объ ихъ благѣ такъ, какъ если-бы оно было вѣчное. Я тружусь для нихъ прежде всего потому, что люблю ихъ, и отдавать имъ свою жизнь доставляетъ мнѣ удовлетвореніе. „Я вкусъ въ томъ нахожу“. C'est simple comme bonjour.

Дама. Да, пока все хорошо идетъ,—хотя и тутъ мысль о смерти все-таки приходитъ. Ну, а какъ съ дѣтьми и внуками пойдутъ разныя несчастія? Какое тутъ удовлетвореніе и какой вкусъ? Это все равно какъ водяные цвѣты на трясинѣ: схватишь и провалишься.

Г. Z. Да и помимо этого, о дѣтяхъ и внукахъ вамъ можно и необходимо заботиться quand même, не рѣшая и даже не ставя вопроса о томъ, могутъ-ли ваши заботы доставить имъ дѣйствительное и окончательное благо. Вы о нихъ заботитесь не для чего-нибудь, а *потому*, что имѣете къ нимъ живую любовь; но такую любовь нельзя имѣть къ несуществующему еще человѣчеству

будущаго, и тутъ вступаетъ во всѣ свои права вопросъ разума объ *окончательномъ* смыслѣ, или цѣли нашихъ заботъ, и если этотъ вопросъ въ высшей инстанціи рѣшается смертью, если послѣдній результатъ вашего прогресса и вашей культуры есть все-таки смерть каждаго и всѣхъ, то ясно, что всякая прогрессивная культурная дѣятельность—ни къ чему, что она безцѣльна и безсмысленна.

(*Тутъ говорившій вдругъ остановился, и прочіе собесѣдники повернули головы къ звякнувшей калиткѣ и нѣсколько мгновеній пребывали въ изумленіи. Въ садъ вошелъ и неровными шагами приближался къ бесѣдующимъ—Князь*).

Дама. Ахъ! А мы вѣдь объ антихристѣ еще и не начинали.

Князь. Это все равно. Я раздумалъ, и мнѣ кажется, что я напрасно высказалъ дурное чувство къ заблужденіямъ моихъ ближнихъ, не выслушавъ ихъ оправданія.

Дама (*торжествующимъ тономъ къ генералу*). Вотъ видите! Ну, что?

Генералъ (*сухо*). Ничего.

Г. Z. (*Князю*). Вы очень кстати подошли. Рѣчь идетъ теперь о томъ, стоитъ-ли заботиться о прогрессѣ, если знать, что конецъ его всегда есть смерть для всякаго человѣка, дикарь-ли онъ, или самый что ни-на-есть образованный европеецъ будущаго? Что-бы вы на это сказали по вашей доктринѣ?

Князь. Истинно-христіанское ученіе даже не допускаетъ такой постановки вопроса. Евангельское рѣшеніе вопроса „съ особенною яркостью и силой

выражено въ притчѣ о виноградаряхъ. Виноградари вообразили себѣ, что садъ, куда они были посланы для работы на хозяина, былъ ихъ собственностью, что все, что было въ саду, сдѣлано для нихъ, и что ихъ дѣло только въ томъ, чтобы наслаждаться въ этомъ саду своею жизнью, забывъ о хозяинѣ, и убивая тѣхъ, которые напоминали имъ о хозяинѣ, и объ обязанностяхъ къ нему. Какъ тѣ виноградари, такъ и теперь почти всѣ люди живутъ въ нелѣпой увѣренности, что они сами хозяева своей жизни, что она дана имъ для ихъ наслажденія. А вѣдь это, очевидно, нелѣпо. Вѣдь если мы посланы сюда, то по чьей-нибудь волѣ и для чего-нибудь. А мы рѣшили, что мы какъ грибы: родились и живемъ только для своей радости, и ясно, что намъ дурно, какъ будетъ дурно работнику, не исполняющему воли хозяина. Воля-же хозяина выражена въ ученіи Христа. Только исполняй люди это ученіе, и на землѣ установится Царствіе Божіе, и люди получатъ наибольшее благо, которое доступно имъ. Въ этомъ все. *Ищите Царства Божія и правды его, а остальное приложится вамъ.* Мы ищемъ *остальнаго* и не находимъ его и не только не устанавливаемъ Царства Божія, но разрушаемъ его"—разными своими государствами, войсками, судами, университетами, фабриками.

Генералъ (*въ сторону*). Ну, завели машину!

Политикъ (*Князю*). Вы кончили?

Князь. Да.

Политикъ. Я долженъ сказать, что ваше рѣшеніе вопроса кажется мнѣ просто непонятнымъ. Вы какъ-будто разсуждаете, что-то доказываете и разъ-

ясняете, въ чемъ-то хотите убѣдить, а между тѣмъ все, что говорите—рядъ произвольныхъ и ничѣмъ между собою не связанныхъ утвержденій. Напримѣръ, вы говорите: если мы посланы сюда, то по чьей-нибудь волѣ и для чего-нибудь. Это, кажется, ваша главная мысль, но что-же это такое? Откуда вы взяли, что мы сюда кѣмъ-то для чего-то посланы? Кто вамъ это сказалъ? Что мы здѣсь на землѣ существуемъ—это вѣрно, но чтобы наше существованіе было какимъ-то посланничествомъ—это вы совершенно голословно утверждаете. Когда я, напримѣръ, былъ въ молодости посланникомъ, то я зналъ это несомнѣнно, а также кѣмъ и зачѣмъ посланъ—зналъ, во-первыхъ, потому, что у меня были на то безспорные документы, во-вторыхъ, потому, что я имѣлъ и личную аудіенцію у покойнаго Императора Александра Николаевича и лично получилъ Высочайшія инструкціи, а въ-третьихъ потому, что я каждую треть года получалъ 10,000 руб. золотомъ. Ну, а если-бы вмѣсто всего этого посторонній человѣкъ на улицѣ подошелъ ко мнѣ и объявилъ, что я посланникъ и посланъ туда-то и для того-то, такъ вѣдь я-бы сталъ только озираться кругомъ, нѣтъ-ли по близости городового, чтобы защитить меня отъ этого маніака, который можетъ, пожалуй, и на жизнь мою покуситься. А что касается до настоящаго случая, то вѣдь безспорныхъ документовъ отъ вашего предполагаемаго хозяина у васъ нѣтъ, личной аудіенціи вы у него не имѣли, жалованья отъ него не получаете, какой-же вы посланникъ? А между тѣмъ вы не только себя, но и всѣхъ прочихъ не то въ посланники, не то въ рабочіе записали. По какому праву? На

какомъ основаніи — не понимаю. Мнѣ представляется, что это какая-то риторическая импровизація très mal inspirée d'ailleurs.

Дама. Ну, вы опять прикидываетесь. Вы отлично понимаете, что князь вовсе не ваше невѣріе опровергать хотѣлъ, а излагалъ общій христіанскій взглядъ, что всѣ мы зависимъ отъ Бога и обязаны служить Ему.

Политикъ. Ну, я службы безъ жалованья не понимаю, и если оказывается, что жалованье тутъ всѣмъ одно—смерть, je présente mes compliments.

Дама. Но вѣдь все равно умрете, никто васъ спрашивать не будетъ.

Политикъ. Вотъ именно это „все равно" и доказываетъ, что жизнь не есть служба, и если не требуется моего согласія для моей смерти, какъ и для моего рожденія, то я предпочитаю видѣть въ смерти, какъ и въ жизни, то, что въ нихъ дѣйствительно есть, именно необходимость природы, а не выдумывать какую-то службу какому-то хозяину. А заключеніе мое такое: живи, пока живется, и старайся жить какъ можно умнѣй и лучше, а условіе умной и хорошей жизни есть мирная культура. Впрочемъ, я полагаю, что и на почвѣ христіанскаго ученія мнимое рѣшеніе вопроса, предложенное княземъ, не выдерживаетъ критики; но объ этомъ пусть скажутъ люди болѣе меня компетентные.

Генералъ. Да какое-жъ тутъ рѣшеніе? Ни рѣшенія, ни постановки, а одинъ только словесный обходъ вопроса. Это все равно, какъ если-бы я на планѣ окружилъ своими начерченными батальонами начерченную непріятельскую крѣпость и вообра-

зилъ-бы, что я ее взялъ. Въ этомъ родѣ вѣдь случалось, знаете, какъ въ извѣстной солдатской пѣснѣ поется:

Какъ четвертаго числа
Насъ нелегкая несла
Горы занимать.
. . . . . .
Наѣзжали князья, графы
И чертили топографы
На большихъ листахъ.
Гладко вышло на бумагѣ,
Да забыли про овраги,
А по нимъ ходить.

А результатъ извѣстенъ:

На Ѳедюхины высоты
Насъ пришло всего двѣ роты,
А пошли полки.

Князь. Ничего не понимаю! И это все, что вы можете возразить на то, что я говорилъ?

Генералъ. А въ томъ, что вы говорили, мнѣ особенно показалось непонятно — насчетъ грибовъ, что будто они живутъ для своей радости. А я всегда полагалъ, что они живутъ для радости тѣхъ, кто любитъ грибы въ сметанѣ или пироги съ грибами. Ну, а ежели ваше Царствіе Божіе на землѣ оставляетъ смерть нетронутой, то вѣдь выходитъ, что люди поневолѣ живутъ, и въ вашемъ Царствѣ Божіемъ будутъ жить, именно какъ грибы,— не выдуманные вами веселые грибы, а дѣйствительные грибы, которыхъ на сковородѣ жарятъ. Вѣдь и для людей въ нашемъ земномъ Царствѣ Божіемъ все дѣло будетъ кончаться тѣмъ, что ихъ смерть съѣстъ.

Дама. Князь этого не говорилъ.

Генералъ. Ни этого, ни другого. Какая-же причина такого умолчанія о самомъ важномъ пунктѣ?

Г. Z. Прежде чѣмъ поднимать этотъ вопросъ, я желалъ-бы узнать, откуда взята притча, въ которой вы, князь, выразили свой взглядъ? Или это ваше собственное сочиненіе?

Князь. Какъ сочиненіе? Вѣдь это-же изъ Евангелія.

Г. Z. Нѣтъ, что вы! Ни въ какомъ Евангеліи такой притчи не находится.

Дама. Богъ съ вами! Что вы князя съ толку сбиваете? Есть вѣдь притча о виноградаряхъ въ Евангеліи.

Г. Z. Есть нѣчто похожее по внѣшней фабулѣ, но вѣдь совсѣмъ о другомъ по содержанію и смыслу, который тутъ-же и указанъ.

Дама. Что вы? Полноте! Мнѣ кажется, совсѣмъ такая-же притча. Да вы что-то мудрите,—я вамъ на слово не вѣрю.

Г. Z. И не нужно: книжка-то у меня въ карманѣ (*тутъ вынулъ Новый Завѣтъ малаго формата и сталъ его перелистывать*). Притча о виноградаряхъ находится у трехъ евангелистовъ: Матѳея, Марка и Луки, но сколько-нибудь значительной разницы между тремя варіантами нѣтъ. Такъ довольно будетъ прочесть въ одномъ евангеліи, болѣе подробномъ—у Луки. Это въ главѣ двадцатой, гдѣ излагается послѣдняя заключительная проповѣдь Христа народу. Дѣло близилось къ развязкѣ, и вотъ разсказывается (конецъ XIX и начало XX главы), какъ противники Христа—партіи первосвященниковъ и книжниковъ—сдѣлали на Него рѣ-

шительное и прямое нападеніе, требуя всенародно, чтобы Онъ представилъ полномочія своей дѣятельности, сказалъ-бы, по какому праву, въ силу какой власти Онъ дѣйствуетъ. Но позвольте, я ужъ лучше прочту. (*Читаетъ*): „И училъ Онъ каждый день во храмѣ. Первосвященники-же и книжники искали погубить Его, да и старѣйшины народные, но не находили, что-бы тутъ сдѣлать, ибо весь народъ неотступно слушалъ Его. И было въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда Онъ училъ народъ во храмѣ и благовѣствовалъ, приступили первосвященники и книжники со старѣйшинами и сказали Ему: „Скажи намъ, по какой власти Ты такъ поступаешь, или кто далъ Тебѣ эту власть?“—Онъ-же сказалъ имъ въ отвѣтъ: „Спрошу и Я васъ объ одномъ: крещеніе Іоанново съ небесъ было, или отъ людей?“—Они-же разсуждали между собою, говоря: если скажемъ, что съ небесъ, спроситъ: почему вы не повѣрили ему?—а если скажемъ, отъ людей,—весь народъ побьетъ насъ каменьями, потому-что онъ увѣренъ, что Іоаннъ—пророкъ; и отвѣчали, что не знаютъ, откуда. И сказалъ имъ Іисусъ: такъ и Я не скажу вамъ, какою властью это дѣлаю“...

Дама. Къ чему-же вы это читаете? Что Христосъ не отвѣчалъ, когда къ Нему приставали, это хорошо. Но при чемъ-же тутъ притча о виноградаряхъ?

Г. Z. Подождите: это все къ одному. И вы напрасно говорите, что Христосъ не отвѣчалъ: Онъ отвѣтилъ совершенно опредѣленно, и притомъ вдвойнѣ: указалъ на такого свидѣтеля Своихъ полномочій, котораго не рѣшились отвергнуть спрашивавшіе, а затѣмъ доказалъ, что у нихъ самихъ

нѣтъ настоящей власти и правъ надъ Нимъ, такъ какъ они дѣйствуютъ лишь по страху народа, изъ боязни за жизнь свою примѣняясь къ мнѣніямъ толпы. Но вѣдь настоящая власть та, которая не идетъ за другими, а ведетъ другихъ за собою. Боясь и слушаясь народа, эти люди показали, что настоящая власть отъ нихъ ушла и принадлежитъ народу. Къ нему теперь и обращается Христосъ, чтобы передъ нимъ обвинить ихъ за сопротивленіе Себѣ. Въ этомъ обвиненіи недостойныхъ національныхъ вождей еврейства за ихъ сопротивленіе Мессіи—все содержаніе евангельской притчи о виноградаряхъ, какъ вы сами сейчасъ увидите (*читаетъ*): „Началъ-же *къ народу* говорить притчу сію. Человѣкъ нѣкій насадилъ виноградникъ и отдалъ его виноградарямъ; и отлучился на довольно долгое время. И въ должный срокъ послалъ онъ къ виноградарямъ раба, чтобы дали ему отъ плода виноградника. Виноградари-же, побивъ его, отослали ни съ чѣмъ. И положилъ послать другого раба; они-же и его, побивъ и обезчестивъ, отослали ни съ чѣмъ. И положилъ послать третьяго, они-же и того, изранивъ, выбросили. И сказалъ хозяинъ винограднка: что мнѣ дѣлать? Пошлю сына моего возлюбленнаго; можетъ быть, видя его, устыдятся. Увидя его, виноградари разсуждали между собою, говоря: этотъ вѣдь—наслѣдникъ; давайте убьемъ его, чтобы намъ досталось наслѣдство. И выбросивъ его изъ винограднка, убили. Такъ что-же сдѣлаетъ имъ хозяинъ винограднка? Придетъ и погубитъ этихъ виноградарей и дастъ виноградникъ другимъ.—Слышавшіе-же это сказали: да не будетъ!—Онъ-же, взглянувъ на нихъ, сказалъ: такъ

что значитъ написанное: камень, тотъ, что отвергли строители,—онъ сталъ во главу угла; всякій, кто упадетъ на этотъ камень, разобьется, а на кого онъ упадетъ, того раздавитъ.—И хотѣли первосвященники и книжники наложить на Него руки въ тотъ часъ,—да побоялись народа;—ибо поняли они, что про нихъ сказалъ Онъ эту притчу". Про кого-же и про что, я спрашиваю, сказана притча о виноградникѣ?

Князь. Не понимаю, въ чемъ тутъ ваше возраженіе? Іудейскіе первосвященники и книжники обидѣлись потому, что они были и сознавали себя образчиками тѣхъ дурныхъ мірскихъ людей, о которыхъ говорилось въ притчѣ.

Г. Z. Но въ чемъ-же собственно они здѣсь обличались?

Князь. Въ неисполненіи истиннаго ученія.

Политикъ. Ясно, кажется: эти негодяи жили какъ грибы для своей радости, курили табакъ, пили водку, ѣли убоину и даже своего бога ею угощали, притомъ женились, предсѣдательствовали въ судахъ и участвовали въ войнахъ.

Дама. Вы думаете, что глумиться такимъ образомъ прилично вашему возрасту и положенію?—Вы его не слушайте, князь. Мы съ вами хотимъ говорить серьезно. Скажите мнѣ вотъ что: вѣдь въ евангельской притчѣ въ самомъ дѣлѣ виноградари гибнутъ потому, что убили хозяйскаго сына и наслѣдника,—и это главное дѣло по Евангелію,—почему-же вы это пропускаете?

Князь. Потому пропускаю, что это относится къ личной судьбѣ Христа, которая, конечно, имѣетъ

свою важность и интересъ, но все-таки не существенна для того, что есть единое на потребу.

Дама. То-есть?

Князь. То-есть для исполненія евангельскаго ученія, которымъ достигается Царство Божіе и правда Его.

Дама. Постойте на минуточку: у меня что-то въ головѣ все запуталось... Въ чемъ, бишь, дѣло?.. Да. (*Къ г. Z.*). У васъ Евангеліе въ рукахъ,—такъ скажите пожалуйста, о чемъ еще въ этой главѣ говорится, послѣ притчи?

Г. Z. (*перелистывая книжку*). А говорится о томъ, чтобы отдавать должное Кесарю, потомъ о воскресеніи мертвыхъ, что мертвые воскреснутъ, потому-что Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ, а затѣмъ доказывается, что Христосъ не есть Сынъ Давидовъ, а Сынъ Божій,—ну, а два послѣднія стиха—противъ лицемѣрія и тщеславія книжниковъ.

Дама. Вотъ видите, князь: вѣдь и это тоже—евангельское ученіе: чтобы признавать государство въ мірскихъ дѣлахъ, чтобы вѣрить въ воскресеніе мертвыхъ и что Христосъ не простой человѣкъ, а Сынъ Божій.

Князь. Но развѣ можно заключать изъ одной главы, неизвѣстно кѣмъ и когда составленной?

Дама. Ахъ, нѣтъ! Это ужъ я и безъ справки знаю, что не одна глава, а во всѣхъ четырехъ евангеліяхъ очень много и насчетъ воскресенія и насчетъ божественности Христа—особенно у Іоанна—его и на похоронахъ читаютъ.

Г. Z. А насчетъ того, будто неизвѣстно, кѣмъ и когда составлено, то и свободная нѣмецкая кри-

тика теперь уже признала, что всѣ четыре евангелія—происхожденія апостольскаго, перваго вѣка.

Политикъ. Да и въ 13-мъ изданіи „Vie de Jésus“ я замѣтилъ будто ретрактацію насчетъ четвертаго евангелія.

Г. Z. Нельзя-же отъ учителей отставать.—Но главная-то бѣда, князь, въ томъ, что каковы-бы ни были наши четыре евангелія, когда-бы и кѣмъ они ни были составлены, другого-то Евангелія, болѣе по вашему достовѣрнаго и согласнаго съ вашимъ „ученіемъ“, вѣдь не существуетъ.

Генералъ. Какъ не существуетъ? А пятое, гдѣ Христа нѣтъ, а одно только *ученіе*—насчетъ убоины и военной службы.

Дама. И вы тоже? Стыдно! Знайте, что чѣмъ больше вы съ вашимъ штатскимъ союзникомъ будете дразнить князя, тѣмъ больше я буду на его сторонѣ.—Я увѣрена, князь, что вы хотите брать христіанство съ самой лучшей стороны, и что ваше евангеліе, хотя не есть то-же, что наше, но въ томъ родѣ, какъ встарину сочиняли книжки l'esprit de M. de Montesquieu, l'esprit de Fènelon,—такъ и вы, или ваши учителя хотѣли сочинить l'esprit de l'évangile. Только жаль, что этого никто изъ вашихъ въ особой маленькой книжкѣ не сдѣлалъ, которую такъ и можно было-бы назвать *„духъ христіанства* по ученію такихъ-то“. Вамъ необходимо имѣть что-нибудь въ родѣ катихизиса, чтобы мы, простые люди, не теряли нити во всѣхъ этихъ варьяціяхъ. То мы слышимъ, что главная суть въ Нагорной Проповѣди, то вдругъ намъ говорятъ, что прежде всего нужно трудиться въ потѣ лица надъ земледѣліемъ,—хоть этого въ Евангеліи нѣтъ,

а есть въ Книгѣ Бытія, тамъ-же, гдѣ въ болѣзняхъ родить—но, вѣдь, это-же не заповѣдь, а только печальная судьба; то говорятъ, что нужно все раздать нищимъ, а то—никому ничего не давать, потому что деньги—зло, и не хорошо дѣлать зло другимъ, а только себѣ и своей семьѣ, а для другихъ нужно только трудиться; то опять говорятъ: ничего не дѣлать, а только размышлять; то говорятъ: призваніе женщины—родить какъ можно больше здоровыхъ дѣтей,—а тамъ вдругъ—совсѣмъ ничего такого не надо, потомъ мясного не ѣсть—первая ступень, а почему первая—никому неизвѣстно; потомъ противъ водки и табака, потомъ блины; а потомъ военная служба, что главная бѣда въ ней, и главная обязанность христіанина отъ нея отказываться, а кого въ солдаты не берутъ, тотъ, значитъ, и такъ святъ. Я, можетъ быть, вздоръ говорю, но не моя вина—никакъ нельзя во всемъ этомъ разобраться.

Князь. Я тоже думаю, что намъ необходимо толковое резюме истиннаго ученія,—кажется, его теперь и составляютъ.

Дама. Ну, а пока составятъ, скажите намъ теперь въ двухъ словахъ, въ чемъ-же сущность Евангелія по вашему?

Князь. Кажется, ясно, что въ великомъ принципѣ непротивленія злу насиліемъ.

Политикъ. А какъ-же отсюда табакъ вывести?

Князь. Какой табакъ?

Политикъ. Ахъ, Боже мой! Я спрашиваю, какая связь между принципомъ непротивленія злу и требованіями воздержанія отъ табака, вина, мяса, любовныхъ дѣлъ?

Князь. Кажется, связь ясная: всѣ эти порочныя привычки одуряютъ человѣка — заглушаютъ въ немъ требованія его разумнаго сознанія или совѣсти. Вотъ почему солдаты обыкновенно отправляются пьяными на войну.

Г. Z. Особливо на войну неудачную. Но это можно оставить. Правило непротивленія злу важно само по себѣ, оправдываетъ-ли оно, или нѣтъ, аскетическія требованія. По-вашему, если мы не будемъ сопротивляться злу силою, то зло сейчасъ-же и исчезнетъ. Значитъ, оно держится только нашимъ сопротивленіемъ или тѣми мѣрами, которыя мы принимаемъ противъ зла, а собственной дѣйствительной силы оно не имѣетъ. Въ сущности, зла вовсе нѣтъ, оно является только вслѣдствіе нашего ошибочнаго мнѣнія, по которому мы полагаемъ, что зло есть, и начинаемъ дѣйствовать согласно этому предположенію. Такъ вѣдь?

Князь. Конечно, такъ.

Г. Z. Но если зла въ дѣйствительности нѣтъ, то какъ вы объясняете поразительную неудачу дѣла Христова въ исторіи? Вѣдь съ вашей точки зрѣнія оно совсѣмъ не удалось, такъ-что въ концѣ концовъ изъ него ничего не вышло, то-есть, во всякомъ случаѣ, вышло гораздо больше дурного, чѣмъ хорошаго.

Князь. Почему это?

Г. Z. Вотъ странный вопросъ! Ну, если вамъ это непонятно, разберемъ по порядку. Христосъ и по вашему всѣхъ яснѣе, сильнѣе и послѣдовательнѣе проповѣдывалъ истинное добро. Такъ?

Князь. Да.

Г. Z. А истинное добро въ томъ, чтобы не со-

противляться насиліемъ злу, т.-е. мнимому злу, такъ какъ настоящаго зла нѣтъ.

Князь. Такъ.

Г. Z. Христосъ не только проповѣдывалъ, но и самъ до конца исполнялъ требованія этого добра, подвергшись безъ сопротивленія мучительной казни. Христосъ по-вашему умеръ и не воскресъ. Прекрасно. По Его примѣру многія тысячи Его послѣдователей претерпѣли то-же самое. Прекрасно. И что-же изъ всего этого вышло по-вашему?

Князь. А вы хотѣли-бы, чтобы на этихъ мучениковъ ангелы какіе-нибудь блестящіе вѣнки надѣли и помѣстили ихъ гдѣ-нибудь подъ кущами райскихъ садовъ въ награду за ихъ подвиги?

Г. Z. Нѣтъ, зачѣмъ-же такъ говорить? Конечно и я, и вы, надѣюсь, хотѣли-бы для всѣхъ нашихъ ближнихъ и живыхъ, и умершихъ, всего самаго лучшаго и пріятнаго. Но вѣдь дѣло идетъ не о нашихъ желаніяхъ, а о томъ, что̀ по-вашему вышло дѣйствительно изъ проповѣди и подвига Христа и его послѣдователей.

Князь. Для кого вышло? Для нихъ?

Г. Z. Ну, для нихъ-то извѣстно, что вышла мучительная смерть, но они, конечно, по своему нравственному героизму подвергались ей охотно и не для того, чтобы получить блестящіе вѣнцы себѣ, а для того, чтобы доставить истинное благо другимъ, всему человѣчеству. Такъ я вотъ и спрашиваю: какими благами мученическій подвигъ этихъ людей одарилъ другихъ-то, все человѣчество? По старинному изреченію кровь мучениковъ была сѣменемъ церкви. Это фактически вѣрно, но вѣдь по-вашему церковь была искаженіемъ и гибелью

истиннаго христіанства, такъ что оно даже совсѣмъ было забыто въ человѣчествѣ и черезъ осьмнадцать вѣковъ потребовалось все съ начала возстановлять безъ всякихъ ручательствъ лучшаго успѣха, то-есть совсѣмъ безнадежно?

Князь. Почему безнадежно?

Г. Z. Да вѣдь вы-же не отрицаете, что Христосъ и первыя поколѣнія христіанъ всю душу свою положили въ это дѣло и отдали за него жизнь свою, и если тѣмъ не менѣе изъ этого ничего не вышло по-вашему, то на чемъ-же для васъ-то могутъ основываться надежды иного исхода? Одинъ только и есть несомнѣнный и постоянный конецъ всего этого дѣла, совершенно одинаковый и для его начинателей и для его исказителей и губителей, и для его возстановителей; всѣ они, по-вашему, въ прошедшемъ умерли, въ настоящемъ умираютъ, въ будущемъ умрутъ, а изъ дѣла добра, изъ проповѣди истины никогда ничего, кромѣ смерти, не выходило, не выходитъ и не обѣщаетъ выйти. Что-же это значитъ? Какая странность: несуществующее зло всегда торжествуетъ, а добро всегда проваливается въ ничтожество.

Дама. А развѣ злые не умираютъ?

Г. Z. И весьма. Но дѣло въ томъ, что сила зла царствомъ смерти только *подтверждается*, а сила добра, напротивъ, опровергалась-бы. И въ самомъ дѣлѣ зло *явно* сильнѣе добра, и если это *явное* считать единственно реальнымъ, то должно признать міръ дѣломъ злого начала. А какимъ образомъ люди умудряются, стоя исключительно на почвѣ явной, текущей дѣйствительности и, слѣдовательно, признавая явный перевѣсъ зла надъ

добромъ, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, что зла нѣтъ, и что, слѣдовательно, съ нимъ не нужно бороться, — этого я своимъ разумомъ не понимаю и жду помощи со стороны князя.

Политикъ. Ну, а сначала вы свой-то выходъ изъ этого затрудненія укажите.

Г. Z. Кажется, онъ простъ. Зло, дѣйствительно, существуетъ, и оно выражается не въ одномъ отсутствіи добра, а въ положительномъ сопротивленіи и перевѣсѣ низшихъ качествъ надъ высшими во всѣхъ областяхъ бытія. Есть зло индивидуальное,—оно выражается въ томъ, что низшая сторона человѣка, скотскія и звѣрскія страсти противятся лучшимъ стремленіямъ души *и осиливаютъ ихъ* въ огромномъ большинствѣ людей. Есть зло общественное—оно въ томъ, что людская толпа, индивидуально порабощенная злу, противится спасительнымъ усиліямъ немногихъ лучшихъ людей и одолѣваетъ ихъ; есть, наконецъ, зло физическое въ человѣкѣ,—въ томъ, что низшіе матерьяльные элементы его тѣла сопротивляются живой и свѣтлой силѣ, связывающей ихъ въ прекрасную форму организма, сопротивляются и расторгаютъ эту форму, уничтожая реальную подкладку всего высшаго. Это есть *крайнее* зло, называемое смертью. И если-бы побѣду этого крайняго физическаго зла нужно было признать какъ окончательную и безусловную, то никакія мнимыя побѣды добра, въ области лично-нравственной и общественной, нельзя было-бы считать серьезными успѣхами. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что человѣкъ добра, скажемъ Сократъ, восторжествовалъ не только надъ своими внутренними врагами—дурными страстями,

но что ему еще удалось убѣдить и исправить общественныхъ своихъ враговъ, преобразовать эллинскую политію, — какая польза въ этой эфемерной и поверхностной побѣдѣ надъ зломъ, если оно торжествуетъ окончательно въ самомъ глубокомъ слоѣ бытія, надъ самыми основами жизни? Вѣдь и исправителю, и исправленнымъ—одинъ конецъ: смерть. По какой логикѣ можно было-бы высоко цѣнить нравственныя побѣды Сократовскаго добра надъ нравственными микробами дурныхъ страстей въ его груди и надъ общественными микробами аѳинскихъ площадей, если-бы настоящими-то побѣдителями оказались еще худшіе, низшіе, грубѣйшіе микробы физическаго разложенія? Тутъ противъ крайняго пессимизма и отчаянія не защититъ никакая моральная словесность.

Политикъ. Это ужъ мы слыхали. А вы-то на что опираетесь противъ отчаянія?

Г. Z. Наша опора одна: дѣйствительное воскресеніе. Мы знаемъ, что борьба добра со зломъ ведется не въ душѣ только и въ обществѣ, а глубже въ мірѣ физическомъ. И здѣсь мы уже знаемъ въ прошедшемъ одну побѣду добраго начала жизни— въ личномъ воскресеніи Одного и ждемъ будущихъ побѣдъ въ собирательномъ воскресеніи всѣхъ. Тутъ и зло получаетъ свой смыслъ, или окончательное объясненіе своего бытія въ томъ, что онъ служитъ все къ большему и большему торжеству, реализаціи и усиленію добра: если смерть сильнѣе смертной жизни, то воскресеніе въ жизнь вѣчную сильнѣе и того и другого. Царство Божіе есть царство торжествующей чрезъ воскресеніе жизни,— въ ней-же дѣйствительное, осуществляемое, окон-

чательное добро. Въ этомъ вся сила и все дѣло Христа, въ этомъ Его дѣйствительная любовь къ намъ и наша къ Нему. А все остальное — только условіе, путь, шаги. Безъ вѣры въ совершившееся воскресеніе Одного, и безъ чаянія будущаго воскресенія всѣхъ, можно только на словахъ говорить о какомъ-то Царствіи Божіемъ, а на дѣлѣ выходитъ одно царство смерти.

Князь. Какъ такъ?

Г. Z. Да вѣдь вы-же не только признаете вмѣстѣ со всѣми *фактъ* смерти, т.-е. что люди вообще умирали, умираютъ и еще будутъ умирать,—но вы сверхъ того возводите этотъ фактъ въ безусловный законъ, изъ котораго по-вашему нѣтъ ни одного исключенія, а тотъ міръ, въ которомъ смерть навсегда имѣетъ силу безусловнаго закона, какъ-же его назвать какъ не царствомъ смерти? И что такое ваше Царство Божіе на землѣ, какъ не произвольный и напрасный эвфемизмъ для царства смерти?

Политикъ. И я думаю, что напрасный, потому-что нельзя извѣстную величину замѣнять неизвѣстною. Бога вѣдь никто не видалъ, и что такое можетъ быть Его Царство — никому неизвѣстно; а смерть людей и животныхъ всѣ мы видали и знаемъ, что отъ нея, какъ отъ верховной власти въ мірѣ, никому не уйти. Такъ зачѣмъ-же вмѣсто этого a мы будемъ какой-то x ставить? Кромѣ путаницы и соблазна „малыхъ“ этимъ ничего не произведешь.

Князь. Я не понимаю, о чемъ тутъ разговоръ? Смерть есть явленіе, конечно, очень интересное, можно, пожалуй, называть ее закономъ, какъ яв-

леніе постоянное среди земныхъ существъ, неизбѣжное для каждаго изъ нихъ; можно говорить и о безусловности этого „закона“, такъ-какъ до сихъ поръ не было достовѣрно констатировано ни одного исключенія,— но какую-же все это можетъ имѣть существенную жизненную важность для истиннаго христіанскаго ученія, которое говоритъ намъ черезъ нашу совѣсть только объ одномъ: что̀ мы должны и чего не должны дѣлать *здѣсь* и *теперь?* И ясно, что голосъ совѣсти можетъ относиться только къ тому, что въ нашей власти дѣлать, или не дѣлать. Поэтому совѣсть не только ничего не говоритъ намъ о смерти, но и не можетъ говорить. При всей своей огромности для нашихъ житейскихъ, мірскихъ чувствъ и желаній, смерть не въ нашей волѣ и потому никакого нравственнаго значенія для насъ имѣть не можетъ. Въ этомъ отношеніи, — а оно вѣдь есть единственно важное по-настоящему,—смерть есть такой-же безразличный фактъ, какъ напримѣръ дурная погода. Что я признаю неизбѣжное періодическое существованіе дурной погоды и болѣе или менѣе терплю отъ нея, такъ неужели поэтому я долженъ вмѣсто Царства Божія говорить: царство дурной погоды?

Г. Z. Нѣтъ, не должны, во-первыхъ, потому, что она царствуетъ только въ Петербургѣ, а мы вотъ съ вами пріѣхали сюда къ Средиземному морю и смѣемся надъ ея царствомъ; — а во-вторыхъ, ваше сравненіе не подходитъ потому, что и при дурной погодѣ можно Бога хвалить и чувствовать себя въ Его царствѣ, ну, а мертвые, какъ сказано въ Писаніи, Бога не хвалятъ, а потому, какъ замѣтилъ и его высокопревосходительство, этотъ печальный

міръ приличнѣе называть царствомъ смерти, нежели Царствомъ Божіимъ.

Дама. Ну, что вы все объ названіяхъ — это скучно. Развѣ дѣло въ названіяхъ? Скажите лучше, князь, что вы собственно разумѣете подъ Царствомъ Божіимъ и правдой Его?

Князь. Я разумѣю такое состояніе людей, когда они дѣйствуютъ только по чистой совѣсти и такимъ образомъ исполняютъ волю Божію, которая предписываетъ имъ одно только чистое добро.

Г. Z. Но притомъ голосъ совѣсти по-вашему говоритъ непремѣнно только объ исполненіи должнаго *теперь* и *здѣсь*.

Князь. Разумѣется.

Г. Z. Ну, а развѣ ваша совѣсть совсѣмъ молчитъ насчетъ того недолжнаго, что вы дѣлали, положимъ, въ отрочествѣ относительно лицъ давно умершихъ?

Князь. Тогда смыслъ этихъ напоминаній въ томъ чтобы я ничего подобнаго не дѣлалъ *теперь*.

Г. Z. Ну, это не совсѣмъ такъ, но спорить объ этомъ не стоитъ. Я хочу вамъ только напомнить другую, болѣе несомнѣнную границу совѣсти. Уже давно моралисты сравниваютъ голосъ совѣсти съ тѣмъ геніемъ, или демономъ, который сопровождалъ Сократа, предостерегая его отъ недолжныхъ поступковъ, но никогда не указывая положительно, что ему нужно дѣлать. Совершенно то-же можно сказать и про совѣсть.

Князь. Какъ-же это такъ? Развѣ совѣсть не внушаетъ мнѣ, напримѣръ, помочь моему ближнему въ извѣстныхъ случаяхъ нужды или опасности?

Г. Z. Очень пріятно слышать это отъ васъ.

Но, если вы хорошенько разберете такіе случаи, то увидите, что роль совѣсти и здѣсь оказывается чисто-отрицательною: она требуетъ отъ васъ только не оставаться бездѣйственнымъ или равнодушнымъ передъ нуждой ближняго, а что̀ и какъ именно вы должны для него сдѣлать,—этого сама совѣсть вамъ не говоритъ.

Князь. Ну, да, потому-что это зависитъ отъ обстоятельствъ дѣла, отъ положенія моего и того ближняго, которому я долженъ помочь.

Г. Z. Разумѣется, а оцѣнка и соображеніе этихъ обстоятельствъ и положеній вѣдь не есть дѣло совѣсти, а ума.

Князь. Но развѣ можно отдѣлять разумъ отъ совѣсти?

Г. Z. Отдѣлять не нужно, но различать должно именно потому, что въ дѣйствительности иногда происходитъ не только отдѣленіе, но и противоположеніе между умомъ и совѣстью. Если-бы они были одно и то-же, то какимъ образомъ могъ-бы умъ служить для дѣлъ не только посторонних нравственности, но и прямо безнравственныхъ? А вѣдь это-же бываетъ. Вѣдь даже помощь можетъ быть подана умно, но безсовѣстно, если я, напримѣръ, накормлю, напою и окажу всякія благодѣянія нуждающемуся человѣку, чтобъ сдѣлать изъ него необходимаго мнѣ пособника для удачнаго совершенія какого-нибудь мошенничества, или другого дурного дѣла.

Князь. Ну, да,—это элементарно. Но что-же вы отсюда выводите?

Г. Z. А то, что ежели голосъ совѣсти, при всемъ своемъ значеніи, какъ предостерегателя и

укорителя, не даетъ положительныхъ и практически опредѣленныхъ указаній для нашей дѣятельности, и наша добрая воля нуждается въ умѣ, какъ служебномъ орудіи, а между тѣмъ умъ оказывается для нея сомнительнымъ слугою, такъ какъ онъ одинаково способенъ и готовъ служить двумъ господамъ — и добру и злу, — то значитъ для исполненія воли Божіей и достиженія Царства Божія, кромѣ совѣсти и ума, нужно еще что-нибудь третье.

Князь. Что-же это такое, по-вашему?

Г. Z. Коротко сказать, *вдохновеніе добра*, или прямое и положительное дѣйствіе самого добраго начала на насъ и въ насъ. При такомъ содѣйствіи свыше и умъ, и совѣсть, становятся надежными помощниками самаго добра, и нравственность, вмѣсто всегда сомнительнаго „хорошаго поведенія“, становится несомнѣнною жизнью въ самомъ добрѣ—органическимъ ростомъ и совершенствованіемъ цѣлаго человѣка—внутренняго и внѣшняго, лица и общества, народа и человѣчества, чтобы завершиться живымъ единствомъ воскрешаемаго былого съ осуществляемымъ будущимъ въ томъ вѣчномъ настоящемъ Царства Божія, которое хотя будетъ и на землѣ, но лишь на новой землѣ, любовно обрученной съ новымъ небомъ.

Князь. Я ничего не имѣю и противъ такихъ поэтическихъ метафоръ, но почему-же вы думаете, что въ людяхъ, исполняющихъ волю Божію по евангельскимъ заповѣдямъ, отсутствуетъ то, что вы называете „вдохновеніемъ добра“?

Г. Z. Не только потому, что я не вижу въ ихъ дѣятельности признаковъ этого вдохновенія, сво-

бодныхъ и безмѣрныхъ порывовъ любви—потому что вѣдь не мѣрою даетъ Богъ духа,—не вижу также радостнаго и благодушнаго спокойствія въ чувствѣ обладанія этими дарами, хоть-бы только начальными,—но главнымъ образомъ я потому предполагаю у васъ отсутствіе религіознаго вдохновенія, что вѣдь оно по-вашему и не нужно. Если добро исчерпывается исполненіемъ „правила“, то гдѣ-же тутъ мѣсто для вдохновенія? „Правило“ разъ навсегда дано, опредѣленно и одинаково для всѣхъ. Давшій это правило давно умеръ и по-вашему не воскресъ, и личнаго живого существованія онъ для насъ вѣдь не имѣетъ, а безусловное, первоначальное добро представляется вамъ не какъ отецъ свѣтовъ и духовъ, который могъ-бы прямо свѣтить и дышать въ васъ, а какъ расчетливый хозяинъ, пославшій васъ, наемниковъ, на работу въ своемъ виноградникѣ, а самъ живущій гдѣ-то за границей и посылающій къ вамъ оттуда за своими доводами.

Князь. Какъ-будто мы сочинили произвольно этотъ образъ!

Г. Z. Нѣтъ, но вы произвольно видите въ немъ высшую норму отношеній между человѣкомъ и Божествомъ, произвольно выкидывая изъ евангельскаго текста самое существо его,—указаніе на сына и наслѣдника, въ которомъ живетъ истинная норма богочеловѣческаго отношенія. Хозяинъ, обязанности къ хозяину, воля хозяина. А я на это вамъ вотъ что скажу: пока вашъ хозяинъ только налагаетъ на васъ обязанности и требуетъ отъ васъ исполненія своей воли, то я не вижу,

какъ вы мнѣ докажете, что это настоящій хозяинъ, а не самозванецъ.

Князь. Вотъ это мнѣ нравится! Да если я по совѣсти и разуму знаю, что требованія хозяина выражаютъ только чистѣйшее добро.

Г. Z. Виноватъ, я не о томъ говорю. Я не спорю, что хозяинъ требуетъ добра отъ васъ; но развѣ отсюда слѣдуетъ, что онъ самъ добръ?

Князь. А то какъ-же?

Г. Z. Странно! Я всегда думалъ, что доброе качество кого-бы то ни было доказывается не тѣмъ, чего онъ отъ другихъ требуетъ, а тѣмъ, что онъ самъ дѣлаетъ. Если это вамъ не ясно логически, то вотъ вамъ наглядный историческій примѣръ. Московскій царь Иванъ IV въ извѣстномъ письмѣ своемъ требовалъ отъ князя Андрея Курбскаго, чтобы тотъ проявилъ величайшее добро, высочайшій нравственный героизмъ, отказавшись отъ противленія злу и кротко подвергшись мученической смерти за правду. Эта хозяйская воля была волей добра со стороны того, что она требовала отъ другого, однако, она ничуть не доказывала, что хозяинъ, требовавшій такого добра, былъ добрый. Ясно, что хотя мученичество за правду есть высочайшее нравственное благо, но это ничуть не говоритъ въ пользу Ивана IV, такъ-какъ онъ-то вѣдь былъ тутъ не мученикъ, а мучитель.

Князь. Такъ что-же вы этимъ хотите сказать?

Г. Z. А то, что покуда вы мнѣ не покажете добраго качества вашего хозяина въ его собственныхъ дѣлахъ, а не въ словесныхъ только предписаніяхъ его рабочимъ, то я останусь при своей увѣренности, что этотъ вашъ далекій хозяинъ,

требующій добра отъ другихъ, но самъ никакого добра не дѣлающій, налагающій обязанности, но не проявляющій любви, никогда не показывавшійся вамъ на глаза, а живущій гдѣ-то за границей incognito,—что онъ есть не иной кто, какъ *богъ вѣка сего*...

Генералъ. Вотъ оно инкогнито проклятое!

Дама. Ахъ, не говорите! Какъ страшно—съ нами крестная сила! (*крестится*).

Князь. Можно было заранѣе предвидѣть что-нибудь въ этомъ родѣ.

Г. Z. Я не сомнѣваюсь, князь, что вы по искреннему заблужденію принимаете ловкаго самозванца за настоящаго Бога. *Ловкость* самозванца есть для васъ большое смягчающее обстоятельство; я и самъ не сразу разобралъ, въ чемъ тутъ дѣло; но теперь уже для меня нѣтъ никакихъ сомнѣній, и вы поймете, съ какимъ чувствомъ я долженъ смотрѣть на то, что я считаю обманчивой и соблазнительной *личиной* добра...

Дама. Ну, что вы, вѣдь это обидно.

Князь. Увѣряю васъ, что я нисколько не обиженъ. Вѣдь тутъ былъ поставленъ общій и довольно интересный вопросъ, и мнѣ странно, что мой собесѣдникъ, повидимому, воображаетъ, будто этотъ вопросъ можетъ быть обращенъ только ко мнѣ, а не къ нему также. Вы требуете отъ меня показать вамъ собственныя добрыя дѣла моего хозяина, свидѣтельствующія, что онъ есть начало добра, а не зла. Ну, а сами вы какое такое укажете доброе дѣло вашего хозяина, которое я не могъ-бы приписать и своему?

Генералъ. Да, вѣдь, ужъ указано одно дѣло, которымъ держится все остальное.

Князь. А именно?

Г. Z. Дѣйствительная побѣда надъ зломъ въ дѣйствительномъ воскресеніи. Только этимъ, повторяю, открывается и дѣйствительное Царство Божіе, а безъ этого есть лишь царство смерти и грѣха и творца ихъ, діавола. Воскресеніе—только не въ переносномъ смыслѣ, а въ настоящемъ—вотъ документъ истиннаго Бога.

Князь. Да, если вамъ угодно вѣрить въ такую миѳологію! Я, вѣдь, у васъ спрашиваю фактовъ, которые можно доказать, а не вашихъ вѣрованій.

Г. Z. Потише, потише, князь! Мы оба исходимъ изъ одной вѣры, или, если хотите, миѳологіи,—только я послѣдовательно провожу ее до конца, а вы, вопреки логикѣ, произвольно останавливаетесь въ началѣ пути. Силу добра и его будущее торжество на землѣ вы, вѣдь, признаете?

Князь. Признаю.

Г. Z. Что-же это: фактъ, или вѣра?

Князь. *Разумная* вѣра.

Г. Z. Посмотримъ. Разумъ, какъ насъ учили въ семинаріи, требуетъ, между прочимъ, ничего не допускать безъ достаточнаго основанія. Скажите-же мнѣ, пожалуйста, на какомъ достаточномъ основаніи, признавъ силу добра въ нравственномъ исправленіи и совершенствованіи человѣка и человѣчества, вы признаете добро безсильнымъ противъ смерти?

Князь. А я думаю, что вамъ нужно сказать, почему вы приписываете добру какую-то силу за предѣлами нравственной сферы?

Г. Z. Я-то скажу. Разъ я вѣрю въ добро и въ его собственную силу, и въ самомъ понятіи этой доброй силы утверждается ея существенное и *безусловное* превосходство, то я *логически* признаю такую силу неограниченною, и ничто не препятствуетъ мнѣ вѣрить въ истину воскресенія, засвидѣтельствованную *исторически*. Впрочемъ, еслибы вы съ самаго начала такъ прямо сказали, что вамъ до христіанской *вѣры* нѣтъ дѣла, что ея предметъ для васъ—миѳологія, то я, конечно, воздержался-бы отъ той враждебности къ вашему образу мыслей, которой я не могъ отъ васъ скрыть; вѣдь заблужденіе или ошибка въ фальшь не ставится, и враждовать съ людьми изъ-за ихъ теоретическихъ заблужденій, значитъ давать себѣ аттестатъ слишкомъ малаго ума, слишкомъ слабой вѣры и слишкомъ дрянного сердца. А всякій дѣйствительно вѣрующій и тѣмъ самымъ свободный отъ этихъ излишествъ тупоумія, малодушія и безсердечности,—долженъ съ искреннимъ расположеніемъ смотрѣть на прямого, откровеннаго, словомъ—*честнаго* противника и отрицателя религіозныхъ истинъ. Вѣдь, это по нынѣшнимъ временамъ такая рѣдкость, и мнѣ трудно вамъ передать, съ какимъ особымъ удовольствіемъ я гляжу на явнаго врага христіанства. Чуть не во всякомъ изъ нихъ я готовъ видѣть будущаго апостола Павла, тогда какъ въ иныхъ ревнителяхъ христіанства поневолѣ мерещится Іуда предатель. Но вы, князь, такъ откровенно высказались, что я рѣшительно отказываюсь причислять васъ къ безчисленнымъ нынѣ Іудамъ и Іудушкамъ и уже предвижу ту минуту, когда почувствую къ вамъ то самое доброе распо-

ложеніе, которое вызываютъ во мнѣ многіе отъявленные безбожники и нехристи.

Политикъ. Ну, такъ какъ теперь благополучно выяснилось, что ни эти безбожники и нехристи, ни такіе „истинные христіане“, какъ вотъ князь, не представляютъ собою антихриста, то пора вамъ, наконецъ, показать его собственный портретъ.

Г. Z. Вотъ вы чего хотѣли! А развѣ вы довольны хоть однимъ изъ множества изображеній Христа, которыя дѣлались вѣдь иногда геніальными живописцами? Я ни одного удовлетворительнаго изображенія не знаю. Полагаю, что такого и не можетъ быть по той причинѣ, что Христосъ есть индивидуальное, единственное въ своемъ родѣ и слѣдовательно ни на что другое не похожее воплощеніе своей сущности—добра. Чтобы это изобразить — недостаточно и художественнаго генія. Но вѣдь то-же должно сказать и объ антихристѣ: это такое-же индивидуальное, единственное по законченности и полнотѣ, воплощеніе зла. Портрета его показать нельзя. Въ церковной литературѣ мы находимъ только его паспортъ съ общими и особыми примѣтами...

Дама. Не нужно его портрета, упаси Господи! А вы лучше объясните, зачѣмъ самъ-то онъ нуженъ, по-вашему, въ чемъ сущность его дѣла и скоро-ли онъ придетъ?

Г. Z. Ну, я могу васъ удовлетворить лучше, чѣмъ вы думаете. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ мой товарищъ по академіи, потомъ постриженный въ монахи, умирая завѣщалъ мнѣ свою рукопись, которою онъ очень дорожилъ, но не хотѣлъ и не могъ печатать ее. Она называется:

„Краткая повѣсть объ антихристѣ“. Хотя подъ формой вымысла, или въ видѣ заранѣе воображенной исторической картины это сочиненіе даетъ на мой взглядъ все то, что по Священному Писанію, церковному преданію и здравому разуму можно сказать наиболѣе вѣроятнаго объ этомъ предметѣ.

Политикъ. Да это ужь не нашего-ли знакомца Варсонофія произведеніе?

Г. Z. Нѣтъ, этого звали еще изысканнѣе—Пансофій.

Политикъ. Панъ Софій? Полякъ?

Г. Z. Нисколько, изъ русскихъ поповичей. Если позволите мнѣ на минуту подняться въ мою комнату, я принесу и прочту вамъ эту рукопись. Она не велика.

Дама. Идите, идите! Только не пропадайте.

(*Пока г. Z. ходилъ къ себѣ за рукописью, общество поднялось съ мѣста и прохаживалось по саду*).

Политикъ. Не знаю, что это такое: зрѣніе-ли у меня туманится отъ старости, или въ природѣ что-нибудь дѣлается? Только я замѣчаю, что ни въ какой сезонъ и ни въ какой мѣстности нѣтъ ужь теперь больше тѣхъ яркихъ, а то совсѣмъ прозрачныхъ дней, какіе бывали прежде во всѣхъ климатахъ. Вѣдь вотъ сегодня: ни одного облачка, отъ моря довольно далеко, а все какъ-будто чѣмъ-то подернуто, тонкимъ чѣмъ-то, неуловимымъ, а полной ясности всетаки нѣтъ. Вы замѣчаете, генералъ?

Генералъ. Я ужь много лѣтъ, какъ замѣтилъ.

Дама. А я вотъ съ прошлаго года стала тоже замѣчать, и не только въ воздухѣ, но и въ душѣ:

и здѣсь нѣтъ „полной ясности“, какъ вы говорите. Все какая-то тревога и какъ-будто предчувствіе какое-то зловѣщее. Я увѣрена, что и вы, князь, то-же самое чувствуете.

Князь. Нѣтъ, я ничего особеннаго не замѣчалъ: воздухъ, кажется, какъ всегда.

Генералъ. Да вы слишкомъ молоды, чтобъ замѣтить разницу: сравнить вамъ не съ чѣмъ. Ну, а какъ припомнишь пятидесятые годы, такъ оно чувствительно.

Князь. Я думаю, что первое предположеніе вѣрно: это явленіе ослабленнаго зрѣнія.

Политикъ. Что мы старѣемъ—это несомнѣнно; но и земля вѣдь тоже не молодѣетъ: вотъ и чувствуется какое-то обоюдное утомленіе.

Генералъ. А еще вѣрнѣе, что это чортъ своимъ хвостомъ туманъ на свѣтъ Божій намахиваетъ. Тоже знаменіе антихриста!

Дама (*указывая на г. Z., спускающагося съ террасы*). Вотъ объ этомъ сейчасъ что-нибудь узнаемъ.

(*Всѣ сѣли на прежнія мѣста, и г. Z. сталъ читать принесенную имъ рукопись*).

Краткая повѣсть объ антихристѣ.

Панмонголизмъ! Хоть имя дико,
Но мнѣ ласкаетъ слухъ оно,
Какъ-бы предвѣстіемъ великой
Судьбины Божіей полно...

Дама. Откуда этотъ эпиграфъ?

Г. Z. Я думаю, что это авторъ повѣсти самъ сочинилъ.

Дама. Ну, читайте.

Г. Z. (*читаетъ*):

Двадцатый вѣкъ по Р. Х. былъ эпохою послѣднихъ великихъ войнъ, междоусобій и переворотовъ. Самая большая изъ внѣшнихъ войнъ имѣла своею отдаленною причиною возникшее еще въ концѣ XIX-го вѣка въ Японіи умственное движеніе *панмонголизма*. Подражательные японцы, съ удивительною быстротою и успѣшностью перенявши вещественныя формы европейской культуры, усвоили также и нѣкоторыя европейскія идеи низшаго порядка. Узнавъ изъ газетъ и изъ историческихъ учебниковъ о существованіи на Западѣ панэллинизма, пангерманизма, панславизма, панисламизма, они провозгласили великую идею панмонголизма, т.-е. собраніе во-едино, подъ своимъ главенствомъ, всѣхъ народовъ восточной Азіи съ цѣлью рѣшительной борьбы противъ чужеземцевъ, т. е. европейцевъ. Воспользовавшись тѣмъ, что Европа была занята послѣднею рѣшительною борьбою съ *мусульманскимъ* міромъ въ началѣ XX-го вѣка, они приступили къ осуществленію великаго плана—сперва занятіемъ Кореи, а затѣмъ и Пекина, гдѣ они съ помощью прогрессивной китайской партіи низвергли старую манчжурскую династію и посадили на ея мѣсто японскую. Съ этимъ скоро примирились и китайскіе консерваторы. Они поняли, что изъ двухъ золъ лучше выбрать меньшее и что свой своему поневолѣ братъ. *Государственная* самостоятельность стараго Китая все равно была не въ силахъ держаться, и неизбѣжно было подчиниться или европейцамъ, или японцамъ. Но ясно было, что владычество японцевъ, упраздняя внѣшнія формы ки-

тайской государственности, оказавшіяся притомъ очевидно никуда негодными, не касалось внутреннихъ началъ національной жизни, тогда-какъ преобладаніе европейскихъ державъ, поддерживавшихъ, ради политики, христіанскихъ миссіонеровъ, грозило глубочайшимъ духовнымъ устоямъ Китая. Прежняя національная ненависть китайцевъ къ японцамъ выросла тогда, когда ни тѣ, ни другіе не знали европейцевъ, передъ лицомъ которыхъ эта вражда двухъ сродныхъ націй становилась междоусобіемъ, теряла смыслъ. Европейцы были *вполнѣ* чужіе, *только* враги, и ихъ преобладаніе ничѣмъ не могло льстить племенному самолюбію, тогда-какъ въ рукахъ Японіи китайцы видѣли сладкую приманку панмонголизма, который вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывалъ въ ихъ глазахъ и печальную неизбѣжность внѣшней европеизаціи. „Поймите, упрямые братья, твердили японцы, что мы беремъ у западныхъ собакъ ихъ оружіе не изъ пристрастія къ нимъ, а для того, чтобы бить ихъ этимъ-же оружіемъ. Если вы соединитесь съ нами и примете наше практическое руководство, то мы скоро не только изгонимъ бѣлыхъ дьяволовъ изъ нашей Азіи, но завоюемъ и ихъ собственныя страны и оснуемъ настоящее срединное царство надо всею вселенною. Вы правы въ своей народной гордости и въ своемъ презрѣніи къ европейцамъ, но вы напрасно питаете эти чувства одними мечтаніями, а не разумною дѣятельностью. Въ ней мы васъ опередили и должны вамъ показывать пути общей пользы. А не то, смотрите сами, что вамъ дала ваша политика самоувѣренности и недовѣрія къ намъ — вашимъ естественнымъ друзьямъ и за-

щитникамъ: Россія и Англія, Германія и Франція чуть не подѣлили васъ между собою безъ остатка, и всѣ ваши тигровыя затѣи показали только безсильный кончикъ змѣинаго хвоста". Разсудительные китайцы находили это основательнымъ, и японская династія прочно утвердилась. Первою ея заботою было, разумѣется, созданіе могучей арміи и флота. Большая часть военныхъ силъ Японіи была переведена въ Китай, гдѣ составила кадры новой огромной арміи. Японскіе офицеры, говорившіе по-китайски, дѣйствовали какъ инструкторы гораздо успѣшнѣе отстраненныхъ европейцевъ, а въ безчисленномъ населеніи Китая съ Манчжуріей, Монголіей и Тибетомъ, нашлось достаточно пригоднаго боевого матеріала. Уже первый богдыханъ изъ японской династіи могъ сдѣлать удачную пробу оружія обновленной имперіи, вытѣснить французовъ изъ Тонкина и Сіама, а англичанъ изъ Бурмы и включивши въ Срединную Имперію весь Индо-Китай. Преемникъ его, по матери китаецъ, соединявшій въ себѣ китайскую хитрость и упругость съ японскою энергіей, подвижностью и предпріимчивостью, мобилизируетъ въ китайскомъ Туркестанѣ четырехмилліонную армію, и въ то время какъ Цунъ-ли-ямынь конфиденціально сообщилъ русскому послу, что эта армія предназначена для завоеванія Индіи,—богдыханъ вторгается въ нашу среднюю Азію и, поднявши здѣсь все населеніе, быстро двигается черезъ Уралъ и наводняетъ своими войсками всю восточную и центральную Россію, тогда какъ наскоро мобилизируемыя русскія войска частями спѣшатъ изъ Польши и Литвы, Кіева и Волыни, Петербурга и Финляндіи. При

отсутствіи предварительнаго плана войны и при огромномъ численномъ перевѣсѣ непріятеля, боевыя достоинства русскихъ войскъ позволяютъ имъ только гибнуть съ честью. Быстрота нашествія не оставляетъ времени для должной концентраціи, и корпуса истребляются одинъ за другимъ въ ожесточенныхъ и безнадежныхъ бояхъ. И монголамъ это достается не дешево, но они легко пополняютъ свою убыль, завладѣвши всѣми азіатскими желѣзными дорогами, въ то время какъ двухсоттысячная русская армія, давно собранная у границъ Манчжуріи, дѣлаетъ неудачную попытку вторженія въ хорошо защищенный Китай. Оставивъ часть своихъ силъ въ Россіи, чтобы мѣшать формированію новыхъ войскъ, а также для преслѣдованія размножившихся партизанскихъ отрядовъ, богдыханъ тремя арміями переходитъ границы Германіи. Здѣсь успѣли подготовиться, и одна изъ монгольскихъ армій разбита на голову. Но въ это время во Франціи беретъ верхъ партія запоздалаго реванша, и скоро въ тылу у нѣмцевъ оказывается милліонъ вражьихъ штыковъ. Попавъ между молотомъ и наковальней, германская армія принуждена принять почетныя условія разоруженія, предложенныя богдыханомъ. Ликующіе французы, братаясь съ желтолицыми, разсыпаются по Германіи и скоро теряютъ всякое представленіе о военной дисциплинѣ. Богдыханъ приказываетъ своимъ войскамъ перерѣзать ненужныхъ болѣе союзниковъ, что исполняется съ китайскою аккуратностью. Въ Парижѣ происходитъ возстаніе рабочихъ sans patrie, и столица западной культуры радостно отворяетъ ворота владыкѣ Востока. Удовлетворивъ своему

любопытству, богдыханъ отправляется въ приморскую Булонь, гдѣ, подъ прикрытіемъ флота, подошедшаго изъ Тихаго океана, готовятся транспортныя суда, чтобы переправить его войска въ Великобританію. Но ему нужны деньги, и англичане откупаются милліардомъ фунтовъ. Черезъ годъ всѣ европейскія государства признаютъ свою вассальную зависимость отъ богдыхана, и оставивъ въ Европѣ достаточное оккупаціонное войско, онъ возвращается на Востокъ и предпринимаетъ морскіе походы въ Америку и Австралію. Полвѣка длится новое монгольское иго надъ Европой. Со стороны внутренней эта эпоха знаменуется повсюднымъ смѣшеніемъ и глубокимъ взаимнопроникновеніемъ европейскихъ и восточныхъ идей, повтореніемъ en grand древняго александрійскаго синкретизма; а въ практическихъ областяхъ жизни наиболѣе характерными становятся три явленія: широкій наплывъ въ Европу китайскихъ и японскихъ рабочихъ и сильное обостреніе, вслѣдствіе этого, соціально-экономическаго вопроса; продолжающійся со стороны правящихъ классовъ рядъ палліативныхъ опытовъ рѣшенія этого вопроса и усиленная международная дѣятельность тайныхъ общественныхъ организацій, образующихъ обширный всеевропейскій заговоръ съ цѣлью изгнанія монголовъ и возстановленія европейской независимости. Этотъ колоссальный заговоръ, въ которомъ принимали участіе и мѣстныя національныя правительства, насколько это было возможно при контролѣ богдыханскихъ намѣстниковъ, мастерски подготовленъ и удается блестящимъ образомъ. Въ назначенный срокъ начинается рѣзня монгольскихъ солдатъ,

избіеніе и изгнаніе азіатскихъ рабочихъ. По всѣмъ мѣстамъ открываются тайные кадры европейскихъ войскъ и по задолго составленному подробнѣйшему плану происходитъ всеобщая мобилизація. Новый богдыханъ, внукъ великаго завоевателя, поспѣшаетъ изъ Китая въ Россію, но здѣсь его несмѣтныя полчища на голову разбиты всеевропейскою арміей. Ихъ разсѣянные остатки возвращаются въ глубь Азіи, и Европа становится свободною. Если полувѣковое подчиненіе азіатскимъ варварамъ произошло вслѣдствіе разъединенія государствъ, думавшихъ только о своихъ отдѣльныхъ національныхъ интересахъ, то великое и славное освобожденіе достигнуто международною организаціей соединенныхъ силъ всего европейскаго населенія. Естественнымъ слѣдствіемъ этого очевиднаго факта оказывается то, что старый традиціонный строй отдѣльныхъ націй повсюду теряетъ значеніе, и почти вездѣ исчезаютъ послѣдніе остатки старыхъ монархическихъ учрежденій. Европа въ XXI-мъ вѣкѣ представляетъ союзъ болѣе или менѣе демократическихъ государствъ — европейскіе соединенные штаты. Успѣхи внѣшней культуры, нѣсколько задержанные монгольскимъ нашествіемъ и освободительною борьбою, снова пошли ускореннымъ ходомъ. А предметы внутренняго сознанія—вопросы о жизни и смерти, объ окончательной судьбѣ міра и человѣка, осложненные и запутанные множествомъ новыхъ физіологическихъ и психологическихъ изслѣдованій и открытій, остаются попрежнему безъ разрѣшенія. Выясняется только одинъ важный отрицательный результатъ: рѣшительное паденіе теоретическаго матеріализма.

Представленіе о вселенной какъ о системѣ пляшущихъ атомовъ и о жизни какъ результатѣ механическаго накопленія мельчайшихъ измѣненій вещества — такимъ представленіемъ не удовлетворяется болѣе ни одинъ мыслящій умъ. Человѣчество навсегда переросло эту ступень философскаго младенчества. Но ясно становится съ другой стороны, что оно также переросло и младенческую способность наивной безотчетной вѣры. Такимъ понятіямъ, какъ Богъ, *сдѣлавшій* міръ *изъ ничего* и т. д., перестаютъ уже учить и въ начальныхъ школахъ. Выработанъ нѣкоторый общій повышенный уровень представленій о такихъ предметахъ, ниже котораго не можетъ опускаться никакой догматизмъ. И если огромное большинство мыслящихъ людей остается вовсе не вѣрующими, то немногіе вѣрующіе всѣ по необходимости становятся и *мыслящими*, исполняя предписаніе апостола: будьте младенцами по сердцу, но не по уму.

Былъ въ это время между немногими вѣрующими спиритуалистами одинъ замѣчательный человѣкъ—многіе называли его сверхчеловѣкомъ,— который былъ одинаково далекъ какъ отъ умственнаго, такъ и отъ сердечнаго младенчества. Онъ былъ еще юнъ, но благодаря своей высокой геніальности къ тридцати-тремъ годамъ широко прославился какъ великій мыслитель, писатель и общественный дѣятель. Сознавая въ самомъ себѣ великую силу духа, онъ былъ всегда убѣжденнымъ спиритуалистомъ, и ясный умъ всегда указывалъ ему истину того, во что должно вѣрить: добро, Бога, Мессію. Въ это онъ *вѣрилъ*, но *любилъ* онъ только *одного себя*. Онъ вѣрилъ въ Бога, но въ

глубинѣ души невольно и безотчетно предпочиталъ Ему себя. Онъ вѣрилъ въ Добро, но всевидящее око Вѣчности знало, что этотъ человѣкъ преклонится передъ злою силою, лишь только она подкупитъ его—не обманомъ чувствъ и низкихъ страстей и даже не высокою приманкой власти, а чрезъ одно безмѣрное самолюбіе. Впрочемъ, это самолюбіе не было ни безотчетнымъ инстинктомъ, ни безумнымъ притязаніемъ. Помимо исключительной геніальности, красоты и благородства, высочайшія проявленія воздержанія, безкорыстія и дѣятельной благотворительности, казалось, достаточно оправдывали огромное самолюбіе великаго спиритуалиста, аскета и филантропа. И обвинять-ли его за то, что столь обильно снабженный дарами Божіими, онъ увидѣлъ въ нихъ особые знаки исключительнаго благоволенія къ нему свыше, и счелъ себя вторымъ по Богѣ, единственнымъ въ своемъ родѣ сыномъ Божіимъ. Однимъ словомъ онъ призналъ себя тѣмъ, чѣмъ въ дѣйствительности былъ Христосъ. Но это сознаніе своего высшаго достоинства на дѣлѣ опредѣлилось въ немъ не какъ его нравственная обязанность къ Богу и міру, а какъ его право и преимущество передъ другими и прежде всего передъ Христомъ. У него не было первоначально вражды и къ Іисусу. Онъ признавалъ Его мессіанское значеніе и достоинство, но онъ искренно видѣлъ въ немъ лишь своего величайшаго предшественника,—нравственный подвигъ Христа и Его абсолютная единственность были непонятны для этого омраченнаго самолюбіемъ ума. Онъ разсуждалъ такъ: „Христосъ пришелъ раньше меня; я являюсь вторымъ; но вѣдь то, что въ порядкѣ времени является послѣ, то по существу первѣе. Я

прихожу послѣднимъ, въ концѣ исторіи именно потому, что я совершенный, окончательный спаситель. Тотъ Христосъ—мой предтеча. Его призваніе было—предварить и подготовить мое явленіе". И въ этой мысли великій человѣкъ XXI-го вѣка будетъ примѣнять къ себѣ все, что сказано въ евангеліи о второмъ пришествіи, объясняя это пришествіе не какъ возвращеніе того же Христа, а какъ замѣщеніе предварительнаго Христа окончательнымъ, то есть имъ самимъ.

На этой стадіи грядущій человѣкъ представляетъ еще не много характернаго и оригинальнаго. Вѣдь подобнымъ-же образомъ смотрѣлъ на свое отношеніе къ Христу, напримѣръ, Мухаммедъ, человѣкъ правдивый, котораго ни въ какомъ зломъ умыслѣ нельзя обвинить.

Самолюбивое предпочтеніе себя Христу будетъ оправдываться у этого человѣка еще такимъ разсужденіемъ: „Христосъ, проповѣдуя и въ жизни своей проявляя нравственное добро, былъ *исправителемъ* человѣчества, я-же призванъ быть *благодѣтелемъ* этого отчасти исправленнаго, отчасти неисправимаго человѣчества. Я дамъ всѣмъ людямъ все, что нужно. Христосъ, какъ моралистъ, раздѣлялъ людей добромъ и зломъ, я соединю ихъ благами, которыя одинаково нужны и добрымъ, и злымъ. Я буду настоящимъ представителемъ того Бога, который возводитъ солнце свое надъ добрыми и злыми, дождитъ на праведныхъ и неправедныхъ. Христосъ принесъ мечъ, я принесу миръ. Онъ грозилъ землѣ страшнымъ послѣднимъ судомъ. Но вѣдь послѣднимъ судьею буду я, и судъ мой будетъ не судомъ правды только, а судомъ

милости. Будетъ и правда въ моемъ судѣ, но не правда воздаятельная, а правда распредѣлительная. Я всѣхъ различу и каждому дамъ то, что ему нужно".

И вотъ въ этомъ прекрасномъ расположеніи ждетъ онъ какого-нибудь яснаго призыва Божія къ дѣлу новаго спасенія человѣчества, какого-нибудь явнаго и поразительнаго свидѣтельства, что онъ есть старшій сынъ, возлюбленный первенецъ Божій. Ждетъ и питаетъ свою самость сознаніемъ своихъ сверхчеловѣческихъ добродѣтелей и дарованій—вѣдь это, какъ сказано, человѣкъ безупречной нравственности и необычайной геніальности.

Ждетъ горделивый праведникъ высшей санкціи, чтобы начать свое спасеніе человѣчества,—и не дождется. Ему ужь минуло тридцать лѣтъ, проходятъ еще три года. И вотъ мелькаетъ въ его умѣ и до мозга костей горячею дрожью пронизываетъ его мысль: „а если?.. А вдругъ не я, а тотъ... галилеянинъ... Вдругъ онъ не предтеча мой, а настоящій, первый и послѣдній? Но вѣдь тогда онъ долженъ быть *живъ*... Гдѣ-же Онъ?.. Вдругъ Онъ придетъ ко мнѣ... сейчасъ, сюда... Что я скажу Ему? Вѣдь я долженъ буду склониться передъ Нимъ какъ послѣдній глупый христіанинъ, какъ русскій мужикъ какой-нибудь безсмысленно бормоталъ: Господи Сусе Христе, помилуй мя грѣшнаго,—или какъ польская баба растянуться *кжижемъ?* Я свѣтлый геній, сверхчеловѣкъ. Нѣтъ, никогда!" И тутъ на мѣсто прежняго разумнаго холоднаго уваженія къ Богу и Христу зарождается и ростетъ въ его сердцѣ сначала какой-то ужасъ, а потомъ жгучая и все его существо сжимающая и стягивающая *зависть*

и яростная, захватывающая духъ ненависть. „Я, я, а не Онъ! Нѣтъ Его въ живыхъ, нѣтъ и не будетъ. Не воскресъ, не воскресъ, не воскресъ! Сгнилъ, сгнилъ въ гробницѣ, сгнилъ, какъ послѣдняя...“ И съ пѣнящимся ртомъ, судорожными прыжками выскакиваетъ изъ дому, изъ саду и въ глухую черную ночь бѣжитъ по скалистой тропинкѣ... Ярость утихла и смѣнилась сухимъ и тяжелымъ, какъ эти скалы, мрачнымъ, какъ эта ночь, отчаяніемъ. Онъ остановился у отвѣснаго обрыва и услышалъ далеко внизу смутный шумъ бѣгущаго по камнямъ потока. Нестерпимая тоска давила его сердце. Вдругъ въ немъ что-то шевельнулось. „Позвать Его,—спросить, что мнѣ дѣлать?“ И среди темноты ему представился кроткій и грустный образъ. „Онъ меня жалѣетъ... Нѣтъ, никогда! Не воскресъ, не воскресъ!“—И онъ бросился съ обрыва. Но что-то упругое, какъ водяной столбъ, удержало его въ воздухѣ, онъ почувствовалъ сотрясеніе какъ отъ электрическаго удара, и какая-то сила отбросила его назадъ. На мигъ онъ потерялъ сознаніе и очнулся стоящимъ на колѣняхъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ обрыва. Передъ нимъ обрисовывалась какая-то свѣтящаяся фосфорическимъ туманнымъ сіяніемъ фигура, и изъ нея два глаза нестерпимымъ острымъ блескомъ пронизывали его душу...

Видитъ онъ эти два пронзительные глаза и слышитъ не то внутри себя, не то снаружи какой-то странный голосъ, глухой, точно сдавленный и вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливый, металлическій и совершенно бездушный, вродѣ какъ изъ фонографа. И этотъ голосъ говоритъ ему: „Сынъ мой возлюб-

ленный, въ тебѣ все мое благоволеніе. Зачѣмъ ты не взыскалъ меня? Зачѣмъ почиталъ того, дурного и отца его? Я богъ и отецъ твой. А тотъ нищій, распятый—мнѣ и тебѣ чужой. У меня нѣтъ другого сына, кромѣ тебя. Ты единственный, единородный, равный со мной. Я люблю тебя и ничего отъ тебя не требую. Ты и такъ прекрасенъ, великъ, могучъ. Дѣлай твое дѣло во имя *твое*, не мое. У меня нѣтъ зависти къ тебѣ. Я люблю тебя. Мнѣ ничего не нужно отъ тебя. Тотъ, кого ты считалъ богомъ, требовалъ отъ своего сына послушанія и послушанія безпредѣльнаго—до крестной смерти—и онъ не помогъ ему на крестѣ. Я ничего отъ тебя не требую, и я помогу тебѣ. Ради тебя самого, ради твоего собственнаго достоинства и превосходства и ради моей чистой безкорыстной любви къ тебѣ—я помогу тебѣ. Прими духъ мой. Какъ прежде мой духъ родилъ тебя въ *красотѣ*, такъ теперь онъ рождаетъ тебя въ *силѣ*". И съ этими словами невѣдомаго уста сверхчеловѣка невольно разомкнулись, два пронзительные глаза совсѣмъ приблизились къ лицу его, и онъ почувствовалъ, какъ острая ледяная струя вошла въ него и наполнила все существо его. И съ тѣмъ вмѣстѣ онъ почувствовалъ небывалую силу, бодрость, легкость и восторгъ. Въ тотъ-же мигъ свѣтящійся обликъ и два глаза вдругъ исчезли, что-то подняло сверхчеловѣка надъ землею и разомъ опустило въ его саду, у дверей дома.

На другой день не только посѣтители великаго человѣка, но даже его слуги были изумлены его особеннымъ какимъ-то вдохновеннымъ видомъ. Но они были-бы еще болѣе поражены, если-бы

могли видѣть, съ какою сверхъестественною быстротою и легкостью писалъ онъ, запершись въ своемъ кабинетѣ, свое знаменитое сочиненіе подъ заглавіемъ „Открытый путь къ вселенскому миру и благоденствію".

Прежнія книги и общественныя дѣйствія сверхчеловѣка встрѣчали строгихъ критиковъ, хотя это были большею частію люди особенно религіозные и потому лишенные всякаго авторитета,—вѣдь я о времени пришествія антихриста говорю,—такъ что не многіе ихъ слушали, когда они указывали во всемъ, что писалъ и говорилъ „грядущій человѣкъ", признаки совершенно исключительнаго, напряженнаго самолюбія и сомнѣнія при отсутствіи истинной простоты, прямоты и сердечности.

Но своимъ новымъ сочиненіемъ онъ привлечетъ къ себѣ даже нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ критиковъ и противниковъ. Эта книга, написанная послѣ приключенія на обрывѣ, покажетъ въ немъ небывалую прежде силу генія. Это будетъ что-то всеобъемлющее и примиряющее всѣ противорѣчія. Здѣсь соединятся благородная почтительность къ древнимъ преданіямъ и символамъ съ широкимъ и смѣлымъ радикализмомъ общественно-политическихъ требованій и указаній, неограниченная свобода мысли съ глубочайшимъ пониманіемъ всего мистическаго, безусловный индивидуализмъ съ горячею преданностью общему благу, самый возвышенный идеализмъ руководящихъ началъ съ полною опредѣленностью и жизненностью практическихъ рѣшеній. И все это будетъ соединено и связано съ такимъ

геніальнымъ художествомъ, что всякому одностороннему мыслителю или дѣятелю легко будетъ видѣть и принять цѣлое лишь подъ своимъ частнымъ наличнымъ угломъ зрѣнія, ничѣмъ не жертвуя для *самой истины*, не возвышаясь для нея дѣйствительно надъ своимъ *я*, нисколько не отказываясь *на дѣлѣ* отъ своей односторонности, ни въ чемъ не исправляя ошибочности своихъ взглядовъ и стремленій, ничѣмъ не восполняя ихъ недостаточность. Эта удивительная книга сейчасъ будетъ переведена на языки всѣхъ образованныхъ и нѣкоторыхъ необразованныхъ націй. Тысячи газетъ во всѣхъ частяхъ свѣта будутъ цѣлый годъ наполняться издательскими рекламами и восторгами критиковъ. Дешевыя изданія съ портретами автора будутъ расходиться въ милліонахъ экземпляровъ, и весь культурный міръ,—а въ то время это будетъ почти значить то-же, что весь земной шаръ,—наполнится славою несравненнаго, великаго, единственнаго! Никто не будетъ возражать на эту книгу, она покажется каждому откровеніемъ всецѣлой правды. Всему прошедшему будетъ воздана въ ней такая полная справедливость, все текущее оцѣнено такъ безпристрастно и всесторонне, и лучшее будущее такъ наглядно и осязательно придвинуто къ настоящему, что всякій скажетъ: „Вотъ оно, то самое, что намъ нужно; вотъ идеалъ, который не есть утопія, вотъ замыселъ, который не есть химера“. И чудный писатель не только увлечетъ всѣхъ, но онъ будетъ всякому *пріятенъ*, такъ-что исполнится слово Христово:

„Я пришелъ во имя Отца, и не принимаете меня, придетъ *другой* во имя *свое*, — того *при-*

мете". Вѣдь для того, чтобы быть *принятымъ* надо быть *пріятнымъ*.

Правда, нѣкоторые благочестивые люди, горячо восхваляя эту книгу, станутъ задавать только вопросъ, почему въ ней ни разу не упомянуто о Христѣ, но другіе христіане возразятъ: „И слава Богу!—довольно уже въ прошлые вѣка все священное было затаскано всякими непризванными ревнителями, и теперь глубоко-религіозный писатель долженъ быть очень остороженъ. И разъ содержаніе книги проникнуто истинно-христіанскимъ духомъ дѣятельной любви и всеобъемлющаго благоволенія, то что-же вамъ еще". И съ этимъ всѣ согласятся. — Вскорѣ послѣ появленія „Открытаго пути", который сдѣлалъ своего автора самымъ популярнымъ изо всѣхъ людей, когда-либо появлявшихся на свѣтѣ, должно было происходить въ Берлинѣ международное учредительное собраніе союза европейскихъ государствъ. Союзъ этотъ, установленный послѣ ряда внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, связанныхъ съ освобожденіемъ отъ Монгольскаго ига и значительно измѣнившихъ карту Европы, подвергался опасности отъ столкновеній,—теперь уже не между націями, а между политическими и соціальными партіями. Заправилы общей европейской политики, принадлежавшіе къ могущественному братству фран-масоновъ, чувствовали недостатокъ общей исполнительной власти. Достигнутое съ такимъ трудомъ европейское единство каждую минуту готово было опять распасться. Въ союзномъ совѣтѣ или всемірной управѣ (Comité permanent universel) не было единодушія, такъ-какъ не всѣ мѣста удалось занять

настоящими, посвященными въ дѣло масонами. Независимые члены управы вступали между собою въ сепаратныя соглашенія, и дѣло грозило новою войною. Тогда „посвященные“ рѣшили учредить единоличную исполнительную власть съ достаточными полномочіями. Главнымъ кандидатомъ былъ негласный членъ ордена,—„грядущій человѣкъ“. Онъ былъ единственнымъ лицомъ съ великою всемірною знаменитостью. Будучи по профессіи ученымъ артиллеристомъ, а по состоянію крупнымъ капиталистомъ, онъ повсюду имѣлъ дружескія связи съ финансовыми и военными кругами. Противъ него въ другое, менѣе просвѣщенное время говорило-бы то обстоятельство, что происхожденіе его было покрыто глубокимъ мракомъ неизвѣстности. Мать его, особа снисходительнаго поведенія, была отлично извѣстна обоимъ земнымъ полушаріямъ, но слишкомъ много разныхъ лицъ имѣли одинакій поводъ считаться его отцами. Эти обстоятельства, конечно, не могли имѣть никакого значенія для вѣка столь передового, что ему даже пришлось быть послѣднимъ. *Грядущій человѣкъ* былъ выбранъ почти единогласно въ пожизненные президенты европейскихъ соединенныхъ штатовъ, когда-же онъ явился на трибунѣ во всемъ блескѣ своей сверхчеловѣческой юной красоты и силы и съ вдохновеннымъ краснорѣчіемъ изложилъ свою универсальную программу, увлеченное и очарованное собраніе въ порывѣ энтузіазма безъ голосованія рѣшило воздать ему высшую почесть избраніемъ въ римскіе императоры. Конгрессъ закрылся среди всеобщаго ликованія, и великій избранникъ издалъ манифестъ, начинавшійся такъ: „Народы земли! Миръ мой

даю вамъ!“ и кончавшійся такими словами: „Народы земли! Свершились обѣтованія! Вѣчный вселенскій миръ обезпеченъ. Всякая попытка его нарушить сейчасъ-же встрѣтитъ неодолимое противодѣйствіе. Ибо отнынѣ есть на землѣ одна срединная власть, которая сильнѣе всѣхъ прочихъ властей и порознь и вмѣстѣ взятыхъ. Эта ничѣмъ неодолимая, все провозмогающая власть принадлежитъ мнѣ, полномочному избраннику Европы, императору всѣхъ ея силъ. Международное право имѣетъ, наконецъ, недостававшую ему доселѣ санкцію. И отнынѣ никакая держава не осмѣлится сказать: война, когда я говорю: миръ. Народы земли—миръ вамъ!“ Этотъ манифестъ произвелъ желанное дѣйствіе. Повсюду внѣ Европы, особенно въ Америкѣ, образовались сильныя имперіалистскія партіи, которыя заставили свои государства на разныхъ условіяхъ присоединиться къ европейскимъ соединеннымъ штатамъ подъ верховною властью римскаго императора. Оставались еще независимыя племена и державцы кое-гдѣ въ Азіи и Африкѣ. Императоръ съ небольшою, но отборною арміей изъ русскихъ, нѣмецкихъ, польскихъ, венгерскихъ и турецкихъ полковъ совершаетъ военную прогулку отъ восточной Азіи до Марокко и безъ большого кровопролитія подчиняетъ всѣхъ непокорныхъ. Во всѣхъ странахъ двухъ частей свѣта онъ ставитъ своихъ намѣстниковъ изъ европейски образованныхъ и преданныхъ ему туземныхъ вельможъ. Во всѣхъ языческихъ странахъ пораженное и очарованное населеніе провозглашаетъ его верховнымъ богомъ. Въ одинъ годъ основывается всемірная монархія, въ собственномъ

и точномъ смыслѣ. Ростки войны вырваны съ корнемъ. Всеобщая лига мира сошлась въ послѣдній разъ и, провозгласивъ восторженный панегирикъ великому миротворцу, закрыла себя за ненадобностью. Въ новый годъ своего властвованія римскій и всемірный императоръ издаетъ новый манифестъ: „Народы земли! Я обѣщалъ вамъ миръ, и я далъ вамъ его. Но миръ красенъ только благоденствіемъ. Кому при мирѣ грозятъ бѣдствія нищеты, тому и миръ не радость. Придите-же ко мнѣ теперь всѣ голодные и холодные, чтобы я насытилъ и согрѣлъ васъ“. И затѣмъ онъ объявляетъ простую и всеобъемлющую соціальную реформу, уже намѣченную въ его сочиненіи и тамъ уже плѣнявшую всѣ благородные и трезвые умы. Теперь, благодаря сосредоточенію въ его рукахъ всемірныхъ финансовъ и колоссальныхъ поземельныхъ имуществъ, онъ могъ осуществить эту реформу по желанію бѣдныхъ и безъ ощутительной обиды для богатыхъ. Всякій сталъ получать по своимъ способностямъ и всякая способность — по своимъ трудамъ и заслугамъ.

Новый владыка земли былъ прежде всего сердобольнымъ филантропомъ,—и не только филантропомъ, но и *филозоемъ*. Самъ онъ былъ вегетаріанцемъ, онъ запретилъ вивисекцію и учредилъ строгій надзоръ за бойнями; общества покровительства животныхъ всячески поощрялись имъ. Важнѣе этихъ подробностей было прочное установленіе во всемъ человѣчествѣ самаго основного равенства—*равенства всеобщей сытости*. Это совершилось во второй годъ его царствованія. Соціально-экономическій вопросъ былъ окончательно рѣшенъ.

Но если сытость есть первый интересъ для голодныхъ, то сытымъ хочется чего-нибудь другого.

Даже сытыя животныя хотятъ обыкновенно не только спать, но и играть. Тѣмъ болѣе человѣчество, которое всегда post panem требовало circenses.

Императоръ-сверхчеловѣкъ пойметъ, что нужно его толпѣ. Въ это время съ дальняго Востока прибудетъ къ нему въ Римъ великій чудодѣй, окутанный въ густое облако странныхъ былей и дикихъ сказокъ. По слухамъ, распространеннымъ среди нео-буддистовъ, онъ будетъ происхожденія божественнаго отъ солнечнаго бога Сурьи и какой-то рѣчной нимфы.

Этотъ чудодѣй, по имени Аполлоній, человѣкъ несомнѣнно геніальный, полу-азіатъ и полу-европеецъ, католическій епископъ in partibus infidelium, удивительнымъ образомъ соединитъ въ себѣ обладаніе послѣдними выводами и техническими приложеніями западной науки съ знаніемъ и умѣніемъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что есть дѣйствительно солиднаго и значительнаго въ традиціонной мистикѣ Востока. Результаты такого сочетанія будутъ поразительны. Аполлоній дойдетъ, между прочимъ, до полу-научнаго, полумагическаго искусства притягивать и направлять по своей волѣ атмосферическое электричество, и въ народѣ будутъ говорить, что онъ *сводитъ огонь съ небесъ*. Впрочемъ, поражая воображеніе толпы разными неслыханными диковинками, онъ не будетъ до времени злоупотреблять своимъ могуществомъ для какихъ-нибудь особенныхъ цѣлей. Такъ вотъ этотъ человѣкъ придетъ къ великому императору, поклонится ему, какъ истинному сыну Божію, объя-

витъ, что въ тайныхъ книгахъ Востока онъ нашолъ прямыя предсказанія о немъ, императорѣ, какъ о послѣднемъ спасителѣ и судіи вселенной, и предложитъ ему на службу себя и все свое искусство. Очарованный имъ императоръ приметъ его какъ даръ свыше и, украсивъ его пышными титулами, не будетъ уже болѣе съ нимъ разлучаться. И вотъ народы земли, облагодѣтельствованные своимъ владыкой, кромѣ всеобщаго мира, кромѣ всеобщей сытости, получатъ еще возможность постояннаго наслажденія самыми разнообразными и неожиданными чудесами и знаменіями. Кончался третій годъ царствованія сверхчеловѣка.

Послѣ благополучнаго рѣшенія политическаго и соціальнаго вопроса, поднялся вопросъ религіозный. Его возбудилъ самъ императоръ, и прежде всего, по отношенію къ христіанству. Въ это время христіанство находилось въ такомъ положеніи. При очень значительномъ численномъ уменьшеніи своего состава—на всемъ земномъ шарѣ оставалось не болѣе сорока пяти милліоновъ христіанъ—оно нравственно подобралось и подтянулось и выигрывало въ качествѣ, что теряло въ количествѣ. Людей, не соединенныхъ съ христіанствомъ никакимъ духовнымъ интересомъ, болѣе уже не числилось между христіанами. Различныя вѣроисповѣданія довольно равномѣрно уменьшились въ своемъ составѣ, такъ-что между ними сохранялось приблизительно прежнее числовое отношеніе, что-же касается до взаимныхъ чувствъ, то хотя вражда не замѣнилась полнымъ примиреніемъ, но значительно смягчилась, и противоположенія потеряли свою прежнюю остроту. Папство уже давно

было изгнано изъ Рима и послѣ многихъ скитаній нашло пріютъ въ Петербургѣ подъ условіемъ воздерживаться отъ пропаганды здѣсь и внутри страны. Въ Россіи оно значительно опростилось. Не измѣняя существенно необходимаго состава своихъ коллегій и оффицій, оно должно было одухотворить характеръ ихъ дѣятельности, а также сократить до минимальныхъ размѣровъ свой пышный ритуалъ и церемоніалъ. Многіе странные и соблазнительные обычаи, хотя формально не отмѣненные, сами собою вышли изъ употребленія. Во всѣхъ прочихъ странахъ, особенно въ Сѣверной Америкѣ, католическая іерархія еще имѣла много представителей съ твердою волей, неутомимою энергіей и независимымъ положеніемъ, еще сильнѣе прежняго стянувшихъ единство католической церкви и сохранявшихъ за нею ея международное, космополитическое значеніе. Что касается до протестантства, во главѣ котораго продолжала стоять Германія, особенно послѣ возсоединенія значительной части англиканской церкви съ католическою,—то оно очистилось отъ своихъ крайнихъ отрицательныхъ тенденцій, сторонники которыхъ открыто перешли къ религіозному индифферентизму и невѣрію. Въ евангелической церкви остались лишь искренно вѣрующіе, во главѣ которыхъ стояли люди, соединявшіе обширную ученость съ глубокою религіозностью и съ все болѣе усиливавшимся стремленіемъ возродить въ себѣ живой образъ древняго подлиннаго христіанства.— Русское православіе послѣ того, какъ политическія событія измѣнили оффиціальное положеніе церкви, хотя потеряло многіе милліоны своихъ мнимыхъ,

номинальныхъ членовъ, зато испытало радость соединенія съ лучшею частью старовѣровъ и даже многихъ сектантовъ положительно-религіознаго направленія. Эта обновленная церковь, не возростая числомъ, стала расти въ силѣ духа, которую она особенно показала въ своей внутренней борьбѣ съ размножившимися въ народѣ и обществѣ крайними сектами, не чуждыми демоническаго и сатаническаго элемента.

Въ первые два года новаго царствованія всѣ христіане, напуганные и утомленные рядомъ предшествовавшихъ революцій и войнъ, относились къ новому повелителю и его мирнымъ реформамъ частію съ благосклоннымъ выжиданіемъ, частію съ рѣшительнымъ сочувствіемъ и даже горячимъ восторгомъ. Но на третій годъ, съ появленіемъ великаго мага, у многихъ православныхъ, католиковъ и евангеликовъ стали возникать серьезныя опасенія и антипатіи. Евангельскіе и апостольскіе тексты, говорившіе о князѣ вѣка сего и объ антихристѣ, стали читаться внимательнѣе и оживленно комментироваться. По нѣкоторымъ признакамъ императоръ догадался о собирающейся грозѣ и рѣшилъ скорѣе выяснить дѣло. Въ началѣ четвертаго года царствованія онъ издаетъ манифестъ ко всѣмъ своимъ вѣрнымъ христіанамъ безъ различія исповѣданія, приглашая ихъ избрать или назначить полномочныхъ представителей на вселенскій соборъ подъ его предсѣдательствомъ. Резиденція въ это время была перенесена изъ Рима въ Іерусалимъ. Палестина тогда была автономною областью, населенною и управляемою преимущественно евреями. Іерусалимъ былъ вольнымъ, а

тутъ сдѣлался имперскимъ городомъ. Христіанскія святыни оставались неприкосновенными, но на всей обширной платформѣ Харам-эш-Шерифа отъ Биркетъ-Исраинъ и теперешней казармы съ одной стороны и до мечети Эль-Акса и „соломоновыхъ конюшенъ"—съ другой, было воздвигнуто одно огромное зданіе, вмѣщавшее въ себѣ, кромѣ двухъ старыхъ небольшихъ мечетей, обширный „имперскій" храмъ для единенія всѣхъ культовъ и два роскошные императорскіе дворца, съ библіотеками, музеями и особыми помѣщеніями для магическихъ опытовъ и упражненій. Въ этомъ полу-храмѣ, полу-дворцѣ, 14-го сентября долженъ былъ открыться вселенскій соборъ. Такъ-какъ евангелическое исповѣданіе не имѣетъ въ собственномъ смыслѣ священства, то католическіе и православные іерархи, согласно желанію императора, чтобы придать нѣкоторую однородность представительству всѣхъ частей христіанства, рѣшили допустить къ участію на соборѣ нѣкоторое число своихъ мірянъ, извѣстныхъ благочестіемъ и преданностью церковнымъ интересамъ; а разъ были допущены міряне, то нельзя было исключить низшаго духовенства, чернаго и бѣлаго. Такимъ образомъ общее число членовъ собора превышало три тысячи, а около полумилліона христіанскихъ паломниковъ наводнили Іерусалимъ и всю Палестину. Между членами собора особенно выдавались трое. Во-первыхъ, папа Петръ II, по праву стоявшій во главѣ католической части собора. Его предшественникъ умеръ по пути на соборъ, и въ Дамаскѣ составился конклавъ, единогласно избравшій кардинала Симоне Баріонини,

принявшаго имя Петра. Происхожденія онъ былъ простонароднаго, изъ Неаполитанской области, и сталъ извѣстенъ какъ проповѣдникъ кармелитскаго ордена, оказавшій большія заслуги въ борьбѣ съ одною усилившеюся въ Петербургѣ и его окрестностяхъ сатаническою сектой, совращавшею не только православныхъ, но и католиковъ. Сдѣланный архіепископомъ могилевскимъ, а потомъ и кардиналомъ, онъ заранѣе былъ намѣченъ для тіары. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста и плотнаго сложенія, съ краснымъ лицомъ, горбатымъ носомъ и густыми бровями. Онъ былъ человѣкъ горячій и стремительный, говорилъ съ жаромъ и съ размашистыми жестами и болѣе увлекалъ, чѣмъ убѣждалъ слушателей. Къ всемірному повелителю новый папа выказывалъ недовѣріе и нерасположеніе, особенно послѣ того, какъ покойный папа, отправляясь на соборъ, уступилъ настояніямъ императора и назначилъ кардиналомъ имперскаго канцлера и великаго всемірнаго мага, экзотическаго епископа Аполлонія, котораго Петръ считалъ сомнительнымъ католикомъ и несомнѣннымъ обманщикомъ. Дѣйствительнымъ, хотя неоффиціальнымъ, вождемъ православныхъ былъ старецъ Іоаннъ, весьма извѣстный среди русскаго народа. Хотя онъ оффиціально числился епископомъ „на покоѣ“, но не жилъ ни въ какомъ монастырѣ, а постоянно странствовалъ во всѣхъ направленіяхъ. Про него ходили разныя легенды. Нѣкоторые увѣряли, что это воскресъ Ѳедоръ Кузьмичъ, то-есть императоръ Александръ Первый, родившійся около трехъ вѣковъ до того. Другіе шли дальше и утверждали, что это настоящій старецъ Іоаннъ, т.-е. апо-

столъ Іоаннъ Богословъ, никогда не умиравшій и открыто явившійся въ послѣднія времена. Самъ онъ ничего не говорилъ о своемъ происхожденіи и о своей молодости. Теперь это былъ очень древній, но бодрый старикъ, съ желтѣющею и даже зеленѣющею бѣлизною кудрей и бороды, высокаго роста и худой въ тѣлѣ, но съ полными и слегка розоватыми щеками, живыми блестящими глазами и умилительно добрымъ выраженіемъ лица и рѣчи; одѣтъ онъ былъ всегда въ бѣлую рясу и мантію. Во главѣ евангелическихъ членовъ собора сталъ ученѣйшій нѣмецкій теологъ, профессоръ Эрнстъ Паули. Это былъ невысокаго роста сухой старичокъ, съ огромнымъ лбомъ, острымъ носомъ и гладко выбритымъ подбородкомъ. Глаза его отличались какимъ-то особымъ свирѣпо-добродушнымъ взглядомъ. Онъ ежеминутно потиралъ руки, качалъ головой, страшно сдвигалъ брови и оттопыривалъ губы; при этомъ, сверкая глазами, онъ угрюмо произносилъ отрывистые звуки: so! nun! ja! so also! Онъ былъ одѣтъ торжественно—въ бѣломъ галстухѣ и длинномъ пасторскомъ сюртукѣ съ какими-то орденскими знаками.

Открытіе собора было внушительно. Двѣ-трети огромнаго храма, посвященнаго „единству всѣхъ культовъ“, были уставлены скамьями и другими сидѣньями для членовъ собора, одна треть была занята высокою эстрадой, гдѣ, кромѣ императорскаго трона и другого—пониже, для великаго мага—онъ-же кардиналъ-имперскій канцлеръ, — были ряды креселъ сзади для министровъ, придворныхъ и статсъ-секретарей, а сбоку болѣе длинные ряды креселъ, назначеніе которыхъ было не-

извѣстно. На хорахъ были оркестры музыки, а на сосѣдней площади выстроились два гвардейскіе полка и батарея для торжественныхъ залповъ. Члены собора уже отслужили свои богослуженія въ разныхъ церквахъ и открытіе собора должно было быть вполнѣ свѣтскимъ. Когда вошелъ императоръ съ великимъ магомъ и свитою, и оркестръ заигралъ „маршъ единаго человѣчества“, служившій имперскимъ международнымъ гимномъ, всѣ члены собора встали и махая шляпами трижды громко прокричали—Vivat! Ура! Hoch! — Императоръ, ставши около трона и съ величественною благосклонностью протянувши руку, произнесъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ: „Христіане всѣхъ толковъ! Возлюбленные мои подданные и братья! Отъ начала моего царствованія, которое Вышній благословилъ такими чудными и славными дѣлами, я ни разу не имѣлъ повода быть вами недовольнымъ; вы всегда исполняли свой долгъ по вѣрѣ и совѣсти. Но мнѣ этого мало. Моя искренняя любовь къ вамъ, братья возлюбленные, жаждетъ взаимности. Я хочу, чтобы не по чувству долга, а по чувству сердечной любви, вы признали меня вашимъ истиннымъ вождемъ во всякомъ дѣлѣ, предпринимаемомъ для блага человѣчества. И, вотъ, кромѣ того, что я дѣлаю для всѣхъ, я хотѣлъ-бы оказать вамъ особыя милости. Христіане, чѣмъ могъ бы я васъ осчастливить? Что дать вамъ не какъ моимъ подданнымъ, а какъ единовѣрцамъ, братьямъ моимъ? Христіане! скажите мнѣ, что для васъ всего дороже въ христіанствѣ, чтобы я могъ въ эту сторону направить свои усилія?“ Онъ остановился и ждалъ. По храму носился глу-

хой гулъ. Члены собора перешептывались между собою. Папа Петръ, горячо жестикулируя, толковалъ что-то своимъ окружающимъ. Профессоръ Паули качалъ головой и ожесточенно чмокалъ губами. Старецъ Іоаннъ, наклонившись надъ восточнымъ епископомъ и капуциномъ, что-то тихо внушалъ имъ. Прождавши нѣсколько минутъ, императоръ обратился къ собору тѣмъ же ласковымъ тономъ, но въ которомъ звучала едва уловимая нотка иронiи: „Любезные христіане, сказалъ онъ.— Я понимаю, какъ труденъ для васъ одинъ прямой отвѣтъ. Я хочу помочь вамъ и въ этомъ. Вы, къ несчастію, съ такихъ незапамятныхъ временъ распались на разные толки и партіи, что, можетъ быть, у васъ и нѣтъ одного общаго предмета влеченія. Но если вы не можете согласиться между собою, то я надѣюсь согласить всѣ ваши партіи тѣмъ, что окажу имъ всѣмъ одинакую любовь и одинакую готовность удовлетворить *истинному* стремленію каждой.—Любезные христіане! я знаю, что для многихъ и не послѣднихъ изъ васъ всего дороже въ христіанствѣ тотъ *духовный авторитетъ*, который оно даетъ своимъ законнымъ представителямъ,—не для ихъ собственной выгоды, конечно, а для общаго блага, такъ-какъ на этомъ авторитетѣ зиждется правильный духовный порядокъ и нравственная дисциплина, необходимая для всѣхъ. Любезные братья-католики! о какъ я понимаю вашъ взглядъ, и какъ-бы я хотѣлъ опереть свою державу на авторитетъ вашего духовнаго главы! Чтобы вы не думали, что это лесть и пустыя слова,—торжественно объявляемъ: согласно нашей самодержавной волѣ верховный епископъ

всѣхъ католиковъ, папа римскій, возстановляется отнынѣ на престолѣ своемъ въ Римѣ со всѣми прежними правами и преимуществами этого званія и каѳедры, когда-либо данными отъ нашихъ предшественниковъ, начиная съ императора Константина Великаго.—А отъ васъ, братья католики, я хочу за это лишь внутренняго сердечнаго признанія меня вашимъ единственнымъ заступникомъ и покровителемъ. Кто здѣсь по совѣсти и чувству признаетъ меня такимъ, пусть идетъ сюда ко мнѣ". И онъ указалъ пустыя мѣста на эстрадѣ. И съ радостными восклицаніями: gratias agimus! Domine! salvum fac magnum imperatorem—почти всѣ князья католической церкви, кардиналы и епископы, большая часть вѣрующихъ мірянъ и болѣе половины монаховъ взошли на эстраду и, послѣ низкихъ поклоновъ по направленію къ императору, заняли свои кресла. Но внизу, посреди собора, прямой и неподвижный, какъ мраморная статуя, сидѣлъ на своемъ мѣстѣ папа Петръ II. Все, что его окружало, было на эстрадѣ. Но оставшаяся внизу порѣдѣвшая толпа монаховъ и мірянъ сдвинулась къ нему и сомкнулась тѣснымъ кольцомъ, и оттуда слышался сдержанный шопотъ: non praevalebunt, non praevalebunt portae inferni.

Взглянувъ съ удивленіемъ на неподвижнаго папу, императоръ снова возвысилъ голосъ. „Любезные братья"! Знаю я, что между вами есть и такіе, для которыхъ всего дороже въ христіанствѣ его *священное преданіе*, старые символы, старыя пѣсни и молитвы, иконы и чинъ богослуженія. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть дороже этого для религіозной души? Знайте-же, возлюбленные,

что сегодня подписанъ мною уставъ и назначены богатыя средства всемірному музею христіанской археологіи, въ славномъ нашемъ имперскомъ городѣ Константинополѣ, съ цѣлью собиранія, изученія и храненія всякихъ памятниковъ церковной древности, преимущественно восточной, а васъ я прошу завтра-же избрать изъ среды своей коммиссію для обсужденія со мною тѣхъ мѣръ, которыя должны быть приняты съ цѣлью возможнаго приближенія современнаго быта, нравовъ и обычаевъ къ преданію и установленіямъ святой православной церкви! Братья православные! кому по сердцу эта моя воля, кто по сердечному чувству можетъ назвать меня своимъ истиннымъ вождемъ и владыкою, пусть взойдетъ сюда". — И большая часть іерарховъ востока и сѣвера, половина бывшихъ старовѣровъ и болѣе половины православныхъ священниковъ, монаховъ и мірянъ — съ радостными кликами взошли на эстраду, косясь на горделиво возсѣдавшихъ тамъ католиковъ. — Но старецъ Іоаннъ не двигался и громко вздыхалъ. И когда толпа вокругъ него сильно порѣдѣла, онъ оставилъ свою скамью и пересѣлъ ближе къ папѣ Петру и его кружку. За нимъ послѣдовали и прочіе православные, не пошедшіе на эстраду.—Опять заговорилъ императоръ: „Извѣстны мнѣ, любезные христіане, и такіе между вами, что всего болѣе дорожатъ въ христіанствѣ личною увѣренностью въ истинѣ и свободнымъ изслѣдованіемъ Писанія. Какъ я смотрю на это — нѣтъ надобности распространяться. Вы знаете, можетъ быть, что еще въ ранней юности я написалъ большое сочиненіе по библейской критикѣ, произведшее въ то время нѣ-

который шумъ и положившее начало моей извѣстности. И вотъ, вѣроятно, въ память этого здѣсь на этихъ дняхъ присылаетъ мнѣ просьбу тюбингенскій университетъ принять отъ него почетный дипломъ доктора теологіи. Я велѣлъ отвѣчать, что съ удовольствіемъ и благодарностью принимаю. А сегодня вмѣстѣ съ тѣмъ музеемъ христіанской археологіи подписалъ я учрежденіе всемірнаго института для свободнаго изслѣдованія священнаго писанія со всевозможныхъ сторонъ и во всевозможныхъ направленіяхъ и для изученія всѣхъ вспомогательныхъ наукъ, съ 1½ милліона марокъ годового бюджета. Кому изъ васъ по сердцу такое мое душевное расположеніе и кто можетъ по чистому чувству признать меня своимъ державнымъ вождемъ, прошу сюда къ новому доктору теологіи". И прекрасныя уста великаго человѣка слегка передернуло какой-то странной усмѣшкой. Больше половины ученыхъ теологовъ двинулось къ эстрадѣ, хотя съ нѣкоторымъ замедленіемъ и колебаніемъ. Всѣ озирались на профессора Паули, который будто приросъ къ своему сидѣнью. Онъ низко опустилъ голову, согнулся и съежился. Взошедшіе на эстраду ученые теологи конфузились, а одинъ вдругъ махнулъ рукой и, соскочивъ прямо внизъ мимо лѣстницы, прихрамывая побѣжалъ къ профессору Паули и оставшемуся при немъ меньшинству. Тотъ поднялъ голову и, вставши съ какимъ-то неопредѣленнымъ движеніемъ, пошелъ мимо опустѣвшихъ скамей, сопровождаемый устоявшими единовѣрцами, и подсѣлъ съ ними ближе къ старцу Іоанну и папѣ Петру съ ихъ кружками.

Значительное большинство собора и въ томъ

числѣ почти вся іерархія Востока и Запада находилась на эстрадѣ. Внизу оставались только три сблизившіяся между собой кучи людей, жавшихся около старца Іоанна, папы Петра и профессора Паули.

Грустнымъ тономъ обратился къ нимъ императоръ. „Что еще могу я сдѣлать для васъ? Странные люди! Чего вы отъ меня хотите? Я не знаю. Скажите-же мнѣ сами, вы, христіане, покинутые большинствомъ своихъ братьевъ и вождей, осужденные народнымъ чувствомъ: что всего дороже для васъ въ христіанствѣ?“ Тутъ какъ бѣлая свѣча, поднялся старецъ Іоаннъ и кротко отвѣчалъ: „Великій государь! Всего дороже для насъ въ христіанствѣ самъ Христосъ, — Онъ Самъ, а отъ Него все, ибо мы знаемъ, что въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно. Но и отъ тебя, государь, мы готовы принять всякое благо, если только въ щедрой рукѣ твоей опознаемъ святую руку Христову. И на вопросъ твой: что можешь сдѣлать для насъ,— вотъ нашъ прямой отвѣтъ: исповѣдуй здѣсь теперь передъ нами Іисуса Христа Сына Божія, во плоти пришедшаго, воскресшаго и паки грядущаго,—исповѣдуй Его, и мы съ любовью примемъ тебя, какъ истиннаго предтечу Его второго славнаго пришествія“. Онъ замолчалъ и уставился взоромъ въ лицо императора. Съ тѣмъ дѣлалось что-то недоброе. Внутри его поднялась такая-же адская буря, какъ та, что онъ испыталъ въ ту роковую ночь. Онъ совершенно потерялъ внутреннее равновѣсіе, и всѣ его мысли сосредоточились на томъ, чтобы не лишиться и наружнаго самообладанія и не выдать себя прежде времени. Онъ

дѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобы не броситься съ дикимъ воплемъ на говорившаго и не начать грызть его зубами. Вдругъ онъ услышалъ знакомый нездѣшній голосъ: „Молчи и ничего не бойся“. Онъ молчалъ. Только помертвѣвшее и потемнѣвшее лицо его все перекосилось, и изъ глазъ вылетали искры. Между тѣмъ во время рѣчи старца Іоанна великій магъ, который сидѣлъ весь закутанный въ свою необъятную трехцвѣтную мантію, скрывавшую кардинальскій пурпуръ, какъ-будто производилъ подъ нею какія-то манипуляціи, глаза его сосредоточенно сверкали, и губы шевелились. Въ открытыя окна храма было видно, что нашла огромная черная туча, и скоро все потемнѣло. Старецъ Іоаннъ не сводилъ изумленныхъ и испуганныхъ глазъ съ лица безмолвнаго императора, и вдругъ онъ въ ужасѣ отпрянулъ и, обернувшись назадъ, сдавленнымъ голосомъ крикнулъ: „Дѣтушки—антихристъ“! Въ это время вмѣстѣ съ оглушительнымъ ударомъ грома въ храмѣ вспыхнула огромная круглая молнія и покрыла собою старца. Все замерло на мгновеніе, и когда оглушенные христіане пришли въ себя, старецъ Іоаннъ лежалъ мертвый.

Императоръ блѣдный, но спокойный, обратился къ собранію: „Вы видѣли судъ Божій. Я не хотѣлъ ничьей смерти, но мой Отецъ небесный мститъ за своего возлюбленнаго сына. Дѣло рѣшено. Кто будетъ спорить съ Всевышнимъ? Секретари! запишите: вселенскій соборъ всѣхъ христіанъ, послѣ того какъ огонь съ небесъ поразилъ безумнаго противника божественнаго величества, единогласно призналъ державнаго императора Рима и всей все-

ленной своимъ верховнымъ вождемъ и владыкой". Вдругъ одно громкое и отчетливое слово пронеслось по храму: „Contradicitur". Папа Петръ II всталъ, и съ побагровѣвшимъ лицомъ, весь трясясь отъ гнѣва, поднялъ свой посохъ по направленію къ императору. „Нашъ единый Владыка—Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго. А ты кто—ты слышалъ. Вонъ отъ насъ, Каинъ-братоубійца! Вонъ, сосудъ діавольскій! Властію Христовой я, служитель служителей Божіихъ, навѣкъ извергаю тебя, гнуснаго пса, изъ ограды Божіей и предаю отцу твоему, Сатанѣ! Анаѳема, анаѳема, анаѳема!" Пока онъ говорилъ, великій магъ безпокойно двигался подъ своею мантіей, и громче послѣдней анаѳемы загремѣлъ громъ, и послѣдній папа палъ бездыханнымъ. „Такъ отъ руки отца моего погибнутъ всѣ враги мои", сказалъ императоръ. „Regeant, regeant!" закричали дрожащіе князья церкви. Онъ повернулся и медленно вышелъ, опираясь на плечо великаго мага и сопровождаемый всею своею толпою, въ двери за эстрадою. Въ храмѣ остались два мертвеца и тѣсный кругъ полуживыхъ отъ страха христіанъ. Единственный, кто не растерялся, былъ профессоръ Паули. Общій ужасъ какъ-будто возбудилъ въ немъ всѣ силы духа. Онъ и наружно перемѣнился—принялъ величавый и вдохновенный видъ. Рѣшительными шагами взошелъ онъ на эстраду и, сѣвъ на одно изъ опустѣвшихъ статсъ-секретарскихъ мѣстъ, взялъ листъ бумаги и сталъ на немъ что-то писать. Кончивши, онъ всталъ и громогласно прочелъ: „Во славу единаго Спасителя нашего Іисуса Христа. Вселенскій соборъ Божіихъ церквей, собравшійся въ Іерусалимѣ

послѣ того, какъ блаженнѣйшій братъ нашъ Іоаннъ, предстоятель восточнаго христіанства, обличилъ великаго обманщика и врага Божія въ томъ, что онъ есть подлинный антихристъ, предсказанный въ словѣ Божіемъ, а блаженнѣйшій отецъ нашъ Петръ, предстоятель западнаго христіанства, законно и правильно предалъ его безсрочному отлученію отъ церкви Божіей, нынѣ передъ тѣлами сихъ двухъ, убіенныхъ за правду, свидѣтелей Христовыхъ, постановляетъ: прекратить всякое общеніе съ отлученнымъ и съ мерзкимъ сборищемъ его, и, удалившись въ пустыню, ожидать неминуемаго пришествія истиннаго Владыки нашего Іисуса Христа". Одушевленіе овладѣло толпой, и раздались громкіе голоса: „Adveniat! Adveniat cito! Komm, Herr Jesu, komm! Гряди, Господи Іисусе!"

Профессоръ Паули приписалъ и прочелъ: „Принявъ единогласно сей первый и послѣдній актъ послѣдняго вселенскаго собора, подписываемъ свои имена" — и онъ сдѣлалъ пригласительный знакъ собранію. Всѣ поспѣшно всходили на возвышеніе и подписывались. Въ концѣ крупнымъ готическимъ шрифтомъ подписался—duorum defunctorum testium locum tenens Ernst Pauli. Теперь идемъ съ нашимъ кивотомъ послѣдняго завѣта!" сказалъ онъ, указывая на двухъ покойниковъ. Тѣла были подняты на носилкахъ. Медленно, съ пѣніемъ латинскихъ, нѣмецкихъ и церковно-славянскихъ гимновъ, направились христіане къ выходу изъ Харам-эш-Шерифа. Здѣсь шествіе было остановлено посланнымъ отъ императора статсъ-секретаремъ въ сопровожденіи офицера со взводомъ гвардіи,

Солдаты остановились у входа, а статсъ-секретарь съ возвышенія прочелъ: „Повелѣніе божественнаго величества: для вразумленія христіанскаго народа и огражденія его отъ злонамѣренныхъ людей, производящихъ смуты и соблазны, признали мы за благо трупы двухъ возмутителей, убитыхъ небеснымъ огнемъ, выставить публично на улицѣ Христіанъ (Харет-эн-Насара), у входа въ главный храмъ этой религіи, именуемый Гроба Господня, а также Воскресенія, чтобы всѣ могли убѣдиться въ ихъ дѣйствительной смерти. Упорствующіе-же ихъ единомышленники, злобно отвергающіе всѣ наши благодѣянія и безумно закрывающіе глаза на явныя знаменія самого божества—освобождаются нашимъ милосердіемъ и предстательствомъ нашимъ передъ отцемъ небеснымъ отъ заслуженной ими смерти черезъ огонь съ небесъ и оставляются на полной своей волѣ съ единственнымъ запрещеніемъ, ради общаго блага, обитать въ городахъ и другихъ населенныхъ мѣстахъ, дабы не смущали и не соблазняли они невинныхъ и простодушныхъ людей своими злобными вымыслами“. Когда онъ кончилъ, 8 солдатъ, по знаку офицера, подошли къ носилкамъ съ тѣлами.

„Да совершится написанное“, — сказалъ профессоръ Паули, и христіане, державшіе носилки, безмолвно передали ихъ солдатамъ, которые удалились чрезъ сѣверо-западныя ворота, а христіане, выйдя черезъ сѣверо-восточныя, поспѣшно направились изъ города мимо Масличной горы, въ Іерихонъ, по дорогѣ, которую предварительно жандармы и два кавалерійскіе полка очистили отъ народной толпы. На пустынныхъ холмахъ у Іери-

хона рѣшено было ждать нѣсколько дней. На слѣдующее утро изъ Іерусалима прибыли знакомые христіанскіе паломники и разсказали, что происходило въ Сіонѣ. Послѣ придворнаго обѣда всѣ члены собора были приглашены въ огромную тронную палату (около предполагаемаго мѣста Соломонова престола), и императоръ, обращаясь къ представителямъ католической іерархіи, заявилъ имъ, что благо церкви, очевидно, требуетъ отъ нихъ немедленнаго избранія достойнаго преемника апостола Петра, что по обстоятельствамъ времени избраніе должно быть суммарно, что присутствіе его, императора, какъ вождя и представителя всего христіанскаго міра, съ избыткомъ восполнитъ ритуальные пропуски, и что онъ отъ имени всѣхъ христіанъ предлагаетъ Священной Коллегіи избрать его возлюбленнаго друга и брата Аполлонія, дабы ихъ тѣсная связь сдѣлала прочнымъ и неразрывнымъ единеніе церкви и государства для общаго ихъ блага. Священная Коллегія удалилась въ особую комнату для конклава и черезъ полтора часа возвратилась съ новымъ папой Аполлоніемъ. А между тѣмъ, какъ происходили выборы, императоръ кротко, мудро и краснорѣчиво убѣждалъ православныхъ и евангелическихъ представителей, въ виду новой великой эры христіанской исторіи, покончить старыя распри, ручаясь своимъ словомъ, что Аполлоній сумѣетъ навсегда упразднить всѣ историческія злоупотребленія папской власти. Убѣжденные этою рѣчью представители православія и протестантства составили актъ соединенія церквей, и когда Аполлоній съ кардиналами показался въ палатѣ при радостныхъ кликахъ всего

собранія, греческій архіерей и евангелическій пасторъ поднесли ему свою бумагу. „Accipio et approbo et laetificatur cor meum“, сказалъ Аполлоній, подписывая документъ. „Я такой-же истинный православный и истинный евангеликъ, каковъ я истинный католикъ“,—прибавилъ онъ, и дружелюбно облобызался съ грекомъ и нѣмцемъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ императору, который его обнялъ и долго держалъ въ своихъ объятіяхъ. Въ это время какія-то свѣтящіяся точки стали носиться во дворцѣ и во храмѣ по всѣмъ направленіямъ; онѣ росли и превращались въ свѣтлыя формы странныхъ существъ, невиданные на землѣ цвѣты посыпались сверху, наполняя воздухъ невѣдомымъ ароматомъ. Сверху раздались восхитительные, прямо въ душу идущіе и хватающіе за сердце звуки неслыханныхъ дотолѣ музыкальныхъ инструментовъ, и ангельскіе голоса незримыхъ пѣвцовъ славили новыхъ владыкъ неба и земли. Между тѣмъ раздался страшный подземный гулъ въ сѣверозападномъ углу серединнаго дворца подъ *куббет-эль-аруахъ*, т.-е. *куполомъ душъ*, гдѣ по мусульманскимъ преданіямъ входъ въ преисподнюю. Когда собраніе по приглашенію императора двинулось въ ту сторону, всѣ ясно услышали безчисленные голоса, тонкіе и пронзительные,—не-то дѣтскіе, не-то дьявольскіе,—восклицавшіе: „пришла пора, пустите насъ, спасители, спасители!“ Но когда Аполлоній, припавши къ скалѣ, трижды прокричалъ что-то внизъ на неизвѣстномъ языкѣ, голоса умолкли и подземный гулъ прекратился. Между тѣмъ, необъятная толпа народа со всѣхъ сторонъ окружила Харам-эш-Шерифъ. При наступленіи

ночи императоръ, вмѣстѣ съ новымъ папой, вышелъ на восточное крыльцо, поднявъ „бурю восторговъ“. Онъ привѣтливо кланялся во всѣ стороны, тогда-какъ Аполлоній, изъ подносимыхъ ему кардиналами-дьяконами большихъ корзинъ, непрерывно бралъ и бросалъ по воздуху загоравшіяся отъ прикосновенія его руки великолѣпныя римскія свѣчи, ракеты и огненные фонтаны, то фосфорически-жемчужные, то ярко-радужные, и все это, достигая земли, превращалось въ безчисленные разноцвѣтные листы, съ полными и безусловными индульгенціями на всѣ грѣхи прошедшіе, настоящіе и будущіе *). Народное ликованіе перешло всякіе предѣлы. Правда, нѣкоторые утверждали, что видѣли своими глазами, какъ индульгенціи превращались въ преотвратительныхъ жабъ и змѣй. Тѣмъ не менѣе, огромное большинство было въ восторгѣ, и народныя празднества продолжались еще нѣсколько дней, причемъ новый папа-чудотворецъ дошелъ до вещей столь диковинныхъ и невѣроятныхъ, что передавать ихъ было-бы совершенно безполезно. Тѣмъ временемъ у пустынныхъ высотъ Іерихона христіане предавались посту и молитвѣ. Вечеромъ четвертаго дня, когда стемнѣло, профессоръ Паули съ девятью товарищами на ослахъ и съ телѣгой, пробрались въ Іерусалимъ и, боковыми улицами мимо Харам-эш-Шерифа, выѣхали на Харет-эн-Насара и подошли къ входу въ храмъ Воскресенія, гдѣ на мостовой лежали тѣла папы Петра и старца Іоанна. На улицѣ въ этотъ часъ было безлюдно, весь городъ ушелъ

*) См. сказанное въ *предисловіи* по поводу этого мѣста.

къ Харам-эш-Шерифу. Караульные солдаты спали глубокимъ сномъ. Пришедшіе за тѣлами нашли, что они совсѣмъ не тронуты тлѣніемъ и даже не закоченѣли и не отяжелѣли. Поднявъ ихъ на носилки и закрывъ принесенными плащами, они тѣми-же обходными дорогами вернулись къ своимъ, но лишь только они опустили носилки на землю, духъ жизни вошелъ въ умершихъ. Они зашевелились, стараясь сбросить съ себя окутывавшіе ихъ плащи. Всѣ съ радостными криками стали имъ помогать, и скоро оба ожившіе встали на ноги цѣлыми и невредимыми. И заговорилъ ожившій старецъ Іоаннъ: „Ну, вотъ, дѣтушки, мы и не разстались. И вотъ что я скажу вамъ теперь: пора исполнить послѣднюю молитву Христову объ ученикахъ Его, чтобы они были едино, какъ Онъ самъ съ Отцемъ—едино. Такъ для этого единства Христова почтимъ, дѣтушки, возлюбленнаго брата нашего Петра. Пускай напослѣдяхъ пасетъ овецъ Христовыхъ. Такъ-то братъ!“ И онъ обнялъ Петра. Тутъ подошелъ профессоръ Паули: Tu est Petrus!—обратился онъ къ папѣ— jetzt ist es ja gründlich erwiesen und ausser jedem Zweifel gesetzt.—И онъ крѣпко сжалъ его руку своею правою, а лѣвую подалъ старцу Іоанну со словами: „So also, Väterchen—nun sind wir ja Eins in Christo“.—Такъ совершилось соединеніе церквей среди темной ночи, на высокомъ и уединенномъ мѣстѣ. Но темнота ночная вдругъ озарилась яркимъ блескомъ, и явилось на небѣ великое знаменіе: жена, облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ. Явленіе нѣсколько времени оставалось на мѣстѣ, а затѣмъ тихо дви-

нулось въ сторону юга. Папа Петръ поднялъ свой посохъ и воскликнулъ: — „Вотъ наша хоругвь! Идемъ за нею!“—И онъ пошелъ по направленію видѣнія, сопровождаемый обоими старцами и всею толпою христіанъ,—къ Божьей горѣ, Синаю...

(*Тутъ читавшій остановился*).

Дама. Что-же вы не продолжаете?

Г. Z. Да рукопись не продолжается. Отецъ Пансофій не успѣлъ окончить своей повѣсти. Уже больной, онъ мнѣ разсказывалъ, что хотѣлъ писать дальше—„вотъ какъ только выздоровлю“. Но онъ не выздоровѣлъ, и конецъ его повѣсти погребенъ вмѣстѣ съ нимъ въ Даниловомъ монастырѣ.

Дама. Но вѣдь вы-же помните, что̀ онъ вамъ говорилъ,—такъ разскажите.

Г. Z. Помню только въ главныхъ чертахъ. Послѣ того, какъ духовные вожди и представители христіанства удалились въ аравійскую пустыню, куда изо всѣхъ странъ стекались къ нимъ толпы вѣрныхъ ревнителей истины, новый папа могъ безпрепятственно развращать своими чудесами и диковинами всѣхъ остальныхъ, не разочаровавшихся въ антихристѣ, поверхностныхъ христіанъ. Онъ объявилъ, что властью своихъ ключей онъ отворилъ двери между земнымъ и загробнымъ міромъ, и дѣйствительно общеніе живыхъ и умершихъ, а также—людей и демоновъ, сдѣлалось обычнымъ явленіемъ и развились новые неслыханные виды мистическаго блуда и демонолатріи. Но только-что императоръ сталъ считать себя крѣпко стоящимъ на почвѣ религіозной и по настоятельнымъ внушеніямъ тайнаго „отчаго“ голоса объявилъ себя

единымъ истинымъ воплощеніемъ верховнаго божества вселенной,—какъ пришла на него новая бѣда, откуда никто ея не ожидалъ: поднялись евреи. Эта нація, которой численность дошла въ то время до тридцати милліоновъ, была не совсѣмъ чужда подготовленію и упроченію всемірныхъ успѣховъ сверхчеловѣка. Когда же онъ переселился въ Іерусалимъ, тайно поддерживая въ еврейской средѣ слухи о томъ, что его главная задача—установить всемірное владычество Израиля, то евреи признали его Мессіей, и ихъ восторженная преданность ему не имѣла предѣла. И вдругъ они возстали, дыша гнѣвомъ и местью. Этотъ оборотъ, несомнѣнно предуказанный и въ писаніи и въ преданіи, представлялся отцомъ Пансофіемъ, быть можетъ, съ излишнею простотою и реализмомъ. Дѣло въ томъ, что евреи, считавшіе императора кровнымъ и совершеннымъ израильтяниномъ, случайно обнаружили, что онъ даже *не обрѣзанъ*. Въ тотъ же день весь Іерусалимъ, а на другой день вся Палестина были объяты возстаніемъ. Безпредѣльная и горячая преданность спасителю Израиля, обѣтованному мессіи смѣнилась столь же безпредѣльною и столь же горячею ненавистью къ коварному обманщику, къ наглому самозванцу. Все еврейство встало какъ одинъ человѣкъ, и враги его увидѣли съ изумленіемъ, что душа Израиля въ глубинѣ своей живетъ не расчетами и вожделѣніями Маммона, а силою сердечнаго чувства—упованіемъ и гнѣвомъ своей вѣковѣчной мессіанской вѣры. Императоръ, не ожидавшій сразу такого взрыва, потерялъ самообладаніе и издалъ указъ, приговаривавшій къ смерти всѣхъ непокорныхъ евреевъ и

христіанъ. Многія тысячи и десятки тысячъ, не успѣвшихъ вооружиться, безпощадно избивались. Но скоро милліонная армія евреевъ овладѣла Іерусалимомъ и заперла антихриста въ Харам-эш-Шерифѣ. Въ его распоряженіи была только часть гвардіи, которая не могла пересилить массу непріятеля. Съ помощью волшебнаго искусства своего папы императору удалось проникнуть сквозь ряды осаждающихъ, и скоро онъ появился опять въ Сиріи съ несмѣтнымъ войскомъ разноплеменныхъ язычниковъ. Евреи выступили ему навстрѣчу при малой вѣроятности успѣха. Но едва стали сходиться авангарды двухъ армій, какъ произошло землетрясеніе небывалой силы,—подъ Мертвымъ моремъ, около котораго расположились имперскія войска, открылся кратеръ огромнаго вулкана, и огненные потоки, слившись въ одно пламенное озеро, поглотили и самого императора, и всѣ его безчисленные полки, и неотлучно сопровождавшаго его папу Аполлонія, которому не помогла вся его магія. Между тѣмъ евреи бѣжали къ Іерусалиму, въ страхѣ и трепетѣ взывая о спасеніи къ Богу Израилеву. Когда святой городъ былъ уже у нихъ въ виду, небо распахнулось великою молніею отъ востока до запада, и они увидѣли Христа, сходящаго къ нимъ въ царскомъ одѣяніи и съ язвами отъ гвоздей на распростертыхъ рукахъ. Въ то же время отъ Синая къ Сіону двигалась толпа христіанъ, предводимыхъ Петромъ, Іоанномъ и Павломъ, а съ разныхъ сторонъ бѣжали еще иныя восторженныя толпы: то были всѣ казненные антихристомъ евреи и христіане. Они ожили и воцарились съ Христомъ на тысячу лѣтъ.

На этомъ отецъ Пансофій хотѣлъ и кончить свою повѣсть, которая имѣла предметомъ не всеобщую катастрофу мірозданія, а лишь развязку нашего историческаго процесса, состоящую въ явленіи, прославленіи и крушеніи антихриста.

Политикъ. И вы думаете, что эта развязка такъ близка?

Г. Z. Ну, еще много будетъ болтовни и суетни на сценѣ, но драма-то уже давно написана вся до конца, и ни зрителямъ, ни актерамъ ничего въ ней перемѣнять не позволено.

Дама. Но въ чемъ-же окончательно смыслъ этой драмы? И я всетаки не понимаю, почему вашъ антихристъ такъ ненавидитъ Бога, а самъ онъ въ сущности добрый, а не злой?

Г. Z. То-то и есть, что *не въ сущности*. Въ этомъ-то и весь смыслъ. И я беру назадъ свои прежнія слова, что „антихриста на однѣхъ пословицахъ не объяснишь“. Онъ весь объясняется одною и притомъ чрезвычайно простоватою пословицей: *не все то золото, что блеститъ*. Блеска вѣдь у этого поддѣльнаго добра—хоть отбавляй, ну, а существенной силы—никакой.

Генералъ. Но замѣтьте тоже, на чемъ занавѣсъ-то въ этой исторической драмѣ опускается: на войнѣ, на встрѣчѣ двухъ войскъ! Вотъ и конецъ нашего разговора вернулся къ своему началу. Какъ вамъ это нравится, князь?.. Батюшки! да гдѣ-же князь?

Политикъ. А вы развѣ не видѣли? Онъ потихоньку ушолъ въ томъ патетическомъ мѣстѣ, когда старецъ Іоаннъ антихриста къ стѣнѣ прижалъ. Я

тогда не хотѣлъ прерывать чтенія, а потомъ забылъ.

Генералъ. Сбѣжалъ, ей-Богу, второй разъ сбѣжалъ. А вѣдь какъ себя пересиливалъ. Ну, а этой марки все-таки не выдержалъ. Ахъ ты, Господи!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

НЕМЕЗИДА.

(По поводу испано-американской войны).

Іюль 1898 г.

I.

Сводятся старые историческіе счеты и предъявляются новые. Въ далекихъ океанахъ, подъ ударами внѣшняго непріятеля, рушатся послѣдніе остатки политическаго могущества величайшей нѣкогда европейской державы.

Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ.
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ.

Въ заканчивающемся на нашихъ глазахъ, но уже около трехъ вѣковъ продолжавшемся, паденіи испанскаго величія, есть и болѣе опредѣленное поученіе для умѣющихъ и желающихъ видѣть.

Вотъ нація, по заслугамъ получившая на исходѣ среднихъ вѣковъ первенствующее положеніе въ Западной Европѣ. Болѣе семи столѣтій продолжалась ея непрерывная героическая борьба съ грозною силой ислама. Прежде, чѣмъ едва начавшій слагаться европейско-христіанскій міръ могъ думать о прогрессивномъ ростѣ своихъ жизненныхъ началъ, ему нужно было отстоять свое су-

ществованіе. Я не стану здѣсь дѣлать окончательной оцѣнки мусульманства; но, какъ ясно показалъ примѣръ христіанскихъ странъ восточнаго и южнаго побережья Средиземнаго моря,—подчиниться исламу для христіанскаго населенія значило или (при измѣнѣ своей религіи) сейчасъ-же раствориться всецѣло въ чуждой, болѣе элементарной культурѣ, или (при сохраненіи христіанскаго исповѣданія) остановиться въ своемъ историческомъ развитіи, страдательно войти въ составъ этого чужого міра, стать служебною его частью безо всякой самостоятельной будущности передъ собою.

Говорятъ, что мавры были образованнѣе средневѣковыхъ кастильцевъ и каталонцевъ. Съ нѣкоторыми ограниченіями можно это признать. Но что-же изъ этого слѣдуетъ? Когда дѣло идетъ о живущемъ, то нельзя его брать по частямъ, или по отдѣльнымъ эпохамъ. Положимъ, въ X или XII вѣкѣ, мусульмане стояли выше тогдашнихъ христіанъ въ Испаніи, какъ и въ другихъ мѣстахъ; но если-бы испанцы превратились въ мусульманскую райю, открыли-бы они Америку? Создали-бы они романъ Сервантеса и драму Кальдерона, не говоря уже объ испанской живописи? Жизнь народовъ и людей нельзя рѣзать по сегментамъ, какъ земляныхъ червяковъ. Конечно, самый посредственный стратфордскій мѣщанинъ въ тридцать лѣтъ былъ умнѣе и образованнѣе трехлѣтняго Шекспира; и самая обыкновенная взрослая лошадь, а тѣмъ болѣе лошадь арабская, умнѣе всякаго грудного ребенка. Не слѣдуетъ-ли отсюда, что посредственность выше генія и что животное

выше человѣка? Это есть только пояснительное сравненіе, и я нисколько не хочу обижать мусульманъ. Я охотно признаю все хорошее, что есть въ исламѣ, признаю также его положительное значеніе въ прошломъ, и еще предстоящую ему важную роль въ нѣкоторой области человѣчества. Но подчиненіе исламу активной части христіанскаго міра въ средніе вѣка было-бы великимъ и по счастію невозможнымъ бѣдствіемъ, прямымъ отрицаніемъ всемірно-историческаго смысла. Подъ невозможностью я разумѣю здѣсь не отвлеченно-логическую (отчего-бы, отвлеченно говоря, съ цѣлою Европой не могло случиться того-же, что случилось съ западною Азіей, сѣверною Африкой и юго-восточнымъ краемъ той-же Европы), а реально-историческую, зависѣвшую отъ жизненной крѣпости западныхъ и сѣверныхъ христіанскихъ народовъ, отстоявшихъ себя и свою будущность отъ поглощенія, или покоренія чужими силами.

Ясно при этомъ, что отстаивать себя противъ военнаго ополченія мусульманства Европа прежде всего должна была *оружіемъ*. Историческую необходимость именно *военной* самозащиты признаетъ здѣсь, конечно, всякій, кто не лишенъ разсудка. Но уже простой разсудокъ заставляетъ, я думаю, признать и нѣчто большее. Принимая на себя историческую необходимость вооруженной борьбы противъ воинственнаго ислама, христіанскіе народы не отступали въ этомъ отъ духа Христова, и ихъ военные подвиги были подвигами христіанскими.

Какъ? А слова Христа: „кто поднимаетъ мечъ“ и т. д. А слова о любви къ врагамъ, о несопротивленіи злому?—Эти слова извѣстны всѣмъ, но,

повидимому, не всѣ помнятъ правило для пониманія этихъ и всякихъ другихъ евангельскихъ словъ, правило, данное, однако, тѣмъ-же Христомъ: „слова Мои суть духъ и жизнь“. А изъ этого правила ясно, что повторять букву того или другого текста еще не значитъ выражать его истинный смыслъ. Если-же проникнуться этимъ смысломъ, то понятна станетъ и слѣдующая истина, которая, казалось-бы, ясна, какъ Божій день. Говоря эту истину, я сердилъ и теперь сержу, и еще буду сердить многихъ, но еще ни отъ кого не слыхалъ, да навѣрно и никогда не услышу, какого-нибудь ея опроверженія. Вотъ она: можно допускать употребленіе человѣкомъ оружія для войны и все, что съ этимъ связано, нисколько при этомъ не измѣняя духу Христову, а, напротивъ, одушевляясь имъ,—и точно также можно на словахъ и на дѣлѣ безусловно отрицать всякое вооруженное или вообще принудительное дѣйствіе и въ самомъ этомъ отрицаніи безсознательно и даже сознательно измѣнять духу Христову и отчуждаться отъ него. Люди, вѣрные этому духу, руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ не какимъ-нибудь внѣшнимъ, хотя-бы по буквѣ и евангельскимъ, предписаніемъ, а внутреннею оцѣнкою, по совѣсти, даннаго жизненнаго положенія. Вотъ почему св. Алексій митрополитъ ѣздилъ въ Орду умилостивлять татаръ и русскимъ князьямъ внушалъ покоряться хану, какъ законному государю, а черезъ нѣсколько десятилѣтій св. Сергій Радонежскій благословилъ Дмитрія Московскаго на открытое вооруженное возстаніе противъ той-же Орды и даже отправилъ съ нимъ въ бой двухъ

своихъ иноковъ-силачей. И при такой внѣшней противоположности и св. Алексій, и св. Сергій дѣйствовали одинаково въ томъ-же духѣ Христовомъ на добро людей. Поступокъ св. Сергія былъ въ очевидномъ противорѣчіи съ буквою нѣкоторыхъ евангельскихъ текстовъ и въ очевидномъ согласіи съ Духомъ Христовымъ, а тотъ, кто въ 1380 г. изъ-за этихъ текстовъ посовѣтовалъ-бы Дмитрію Донскому бросить оружіе и отдать Россію на разгромъ Мамаевой ордѣ, показалъ-бы себя не христіаниномъ, а безсердечнымъ книжникомъ-буквалистомъ.

Честная вооруженная борьба европейскихъ народовъ съ мусульманствомъ была въ средніе вѣка первѣйшимъ христіанскимъ дѣломъ и великою заслугою передъ человѣчествомъ. Послѣ порывистой и неустойчивой общей аттаки—крестовыхъ походовъ—четырьмя щитами прочно загородился христіанскій міръ отъ напора враждебныхъ силъ,—на четыре юныя націи легла главная тяжесть общаго дѣла. На лѣвомъ, сѣверо-восточномъ флангѣ оборонительной линіи Россіи приняла на себя и отразила дикій напоръ монгольскихъ и татарскихъ ордъ. Центръ, прорванный османскими турками, обошедшими, а потомъ занявшими Византію и сокрушившими юго-славянскія государства на Балканахъ,—прорванный центръ сомкнулся на Карпатахъ двумя воинственными націями—Польшею (съ южной Русью) и Венгріей (съ Хорватіею),—а на правомъ, юго-западномъ флангѣ христіанской обороны испанцы шагъ за шагомъ, въ теченіе болѣе семи вѣковъ, отодвигали нашествіе мавровъ, пока не перебросили ихъ обратно въ Африку. Труд-

ность борьбы, а слѣдовательно, и заслуга, увеличивалась здѣсь тѣмъ, что врагъ, кромѣ военнаго могущества, владѣлъ и соблазнами утонченной образованности. Та энергія, которую эта семивѣковая борьба сообщила національнымъ силамъ, не остановилась на границахъ родной земли, а дала испанцамъ власть и значеніе въ Италіи, въ рейнскомъ понизовьѣ, въ Германіи и двинула ихъ въ другое полушаріе открывать и завоевывать новый міръ.

Не измѣняли испанцы Христу тѣмъ, что, не выпуская изъ рукъ оружія, вѣрно и доблестно исполняли сторожевую службу на рубежѣ христіанской земли. „Кто въ маломъ былъ вѣренъ, того надъ многимъ поставлю“, говоритъ Господь. Въ земной Своей жизни Онъ не пренебрегалъ тѣми, кто служилъ его потребностямъ, какъ человѣка, и теперь не отвергаетъ тѣхъ, кто заботится о внѣшнихъ условіяхъ существованія собирательнаго Его тѣла, видимаго христіанскаго человѣчества. Это есть именно та малая служба, за вѣрное исполненіе которой обѣщана Имъ большая награда. Испанія получила ее въ свое время. Оставаясь семьсотъ лѣтъ вѣрною въ маломъ, она къ исходу среднихъ вѣковъ была поставлена надъ многимъ. Но конецъ христіанской борьбы оказался для нея концомъ вѣрности Христу. Не измѣняли испанцы духу Христову, когда сражались за христіанскую землю; но съ окончательною побѣдою и завоеваннымъ могуществомъ явилась возможность дѣйствительной и благовидной измѣны. Понять простую и, однакоже, для многихъ неуловимую сущность этой измѣны важно не для однихъ испанцевъ.

II.

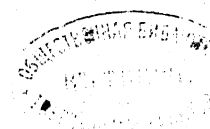
Какъ-бы мнѣ яснѣе обозначить и опредѣлить тотъ узкій, но единственно надежный мостъ, которымъ должно идти человѣчество между двумя безднами,—мостъ къ истинному и могучему добру между бездною мертваго и мертвящаго „непротивленія злу“ съ одной стороны и бездною злого и также мертвящаго насилія съ другой? Гдѣ проходитъ черта, которая отдѣляетъ принужденіе, какъ нравственную обязанность и какъ подвигъ самопожертвованія за другихъ, отъ насилія, какъ обиды, какъ неправды, какъ злодѣйства? *Есть* же эта черта, и прежде, чѣмъ давать ей логическія опредѣленія, спросимъ человѣческую совѣсть. Можетъ-ли кто-нибудь—независимо отъ всякихъ *религіозныхъ* убѣжденій,—*по совѣсти* осудить христіанскаго подвижника, когда онъ благословляетъ и ободряетъ вождей и воиновъ, идущихъ освобождать отеческую землю отъ рабства иновѣрцамъ и чужеземцамъ? Вызовите какъ можно ярче въ воображеніи эту историческую картину и посмотрите, явится ли при этомъ у васъ чувство нравственнаго негодованія противъ св. Сергія, или противъ Дмитрія Донского. Будь вы хоть прямой потомокъ кого-нибудь изъ татаръ, полегшихъ на Куликовомъ полѣ, будь вы хоть ква-

керъ, обязавшійся отвергать всякую войну,—настоящаго искренняго чувства негодованія вы тутъ *навѣрное* не испытаете. А между тѣмъ, если-бы всякое насиліе воистину было *злодѣйствомъ*, то каждый человѣкъ, не утратившій нравственной чувствительности, долженъ-бы былъ непремѣнно испытывать величайшее нравственное негодованіе противъ виновниковъ такого ужаснаго накопленія насилій, какъ Мамаево побоище. Подумайте, сколько убито и искалѣчено людей! И однако-же какъ ни старайтесь, никакого негодованія вы здѣсь ни противъ кого не испытываете, и слѣдовательно, никакого *злодѣйства* ни съ русской, ни съ татарской стороны во всемъ этомъ аггломератѣ крайнихъ насилій вы не находите. А между тѣмъ всякій чувствуетъ, что убійство человѣка не только невиннаго, какими, вообще говоря, были всѣ эти погибшіе татары и русскіе, но и самаго злого преступника,—есть нѣчто ужасное, то есть именно внушающее ужасъ къ тому, кто сдѣлаетъ такое дѣло, даже и въ томъ случаѣ, если онъ на это уполномоченъ властью общества. Что-же выходитъ: человѣкъ, даже охотно и съ гордостью убивающій многихъ невинныхъ людей, не вызываетъ ни въ комъ нравственнаго негодованія, а человѣкъ, быть можетъ, съ неохотой, по нуждѣ принимающій на себя обязанность убить какого нибудь вреднаго злодѣя,—этотъ человѣкъ во всѣхъ нравственно-чувствительныхъ людяхъ вызываетъ не то что нравственное негодованіе, а прямо нравственное *отвращеніе*, смѣшанную съ ужасомъ гадливость.

Эта странная противоположность въ нашемъ отношеніи къ двумъ „убійцамъ“ есть однако фактъ

несомнѣнный. Попробуйте представить себѣ такую сцену: вы видите старца, опирающагося на костыль, и хотите почтительно уступить ему дорогу, но вдругъ вы замѣчаете желтенькую ленточку у него въ петлицѣ; это георгіевскій кавалеръ, значитъ „убійца“,—и вы съ ужасомъ и отвращеніемъ бѣжите отъ него. Согласитесь, что это можно увидѣть только во снѣ. А теперь представьте себѣ другую сцену. „Кто этотъ господинъ съ такимъ самодовольнымъ и самоувѣреннымъ видомъ? Вы кажется съ особымъ чувствомъ жали ему руку?“—„О, это очень почтенный и симпатичный человѣкъ—это нашъ здѣшній палачъ, истинный хранитель и благодѣтель города“.—Согласитесь, что и такая встрѣча моглабы произойти только въ сновидѣніи.

Итакъ, къ одному изъ двухъ „убійцъ“ нѣтъ возможности—психологической и нравственной—относиться съ ужасомъ и отвращеніемъ, а къ другому нельзя относиться *иначе*, какъ съ ужасомъ и отвращеніемъ. Значитъ та „черта“, которую мы ищемъ, можетъ теперь быть пріурочена къ опредѣленному конкретному отношенію. Спрашивается: чѣмъ отличается храбрый воинъ отъ палача? И тотъ, и другой убиваютъ; и тотъ, и другой убиваютъ не по личному произволу, а по общественному уполномоченію; и тотъ, и другой имѣютъ въ виду защищать общество отъ его враговъ. Откуда-же эта противоположность отношенія къ нимъ, откуда этотъ непреложный голосъ совѣсти, оправдывающій воина и осуждающій палача,—оправдывающій и осуждающій непосредственно и безусловно, въ живомъ душевномъ чувствѣ, независимо ото всякихъ теоретическихъ мнѣній и соображеній. Откуда про-



тивоположность оцѣнки при одинаковости факта? Не имѣя основанія въ фактѣ, эта противоположная оцѣнка, очевидно, можетъ зависѣть лишь отъ различнаго и въ извѣстномъ пунктѣ противоположнаго отношенія къ факту со стороны того и другого изъ этихъ двухъ дѣятелей. Воинъ и палачъ, производя одинаковые факты, совершаютъ различныя до противоположности *дѣла*.

Отнятіе человѣческой жизни вообще (не говоря уже объ умерщвленіи тѣхъ, или другихъ опредѣленныхъ лицъ) не входитъ непремѣнно въ намѣренія воина, не есть его настоящее дѣло, и конечно мы уважаемъ военную доблесть не за совершаемыя на войнѣ убійства, а *не смотря* на эти убійства. Но ихъ можетъ и вовсе не оказаться, а доблесть и уваженіе къ ней останутся тѣ же. Такъ, напримѣръ, морякъ, съ опасностью жизни выловившій торпеды, или солдатъ, заклепавшій непріятельскія орудія, хотя бы при этомъ не было убито ни одного человѣка, получаютъ такую-же и еще большую военную славу, какъ и начальникъ пѣхотнаго отряда, отважно взявшій непріятеля въ штыки, или какъ капитанъ, взявшій непріятельское судно на абордажъ. Цѣль войны—безопасность. Если этой цѣли можно достигнуть безъ грубаго насилія, безъ кровопролитія, тѣмъ лучше. Непріятеля, положившаго оружіе, не убиваютъ. Напротивъ, самое назначеніе палача состоитъ именно въ томъ, чтобы отнимать жизнь у опредѣленныхъ людей: ему непремѣнно нужно казнить преступника, иначе его дѣло не исполнено. Палачъ убиваетъ обезоруженнаго, т. е. переставшаго быть опаснымъ. Здѣсь прямая цѣль не безопасность, а убійство.

Тутъ становится ясною и глубочайшая нравственная сущность этой противоположности. Воинъ не отрицаетъ никакихъ человѣческихъ правъ непріятеля, и если онъ фактически угрожаетъ его жизни, то лишь подвергая такой же угрозѣ и свою собственную. Война предполагаетъ *дѣятельную* силу съ обѣихъ сторонъ, онѣ здѣсь равноправны, и человѣческое достоинство не оскорблено ни въ комъ. Въ казни, напротивъ, къ человѣку, къ *этому* опредѣленному человѣку относятся какъ къ страдательному орудію, какъ къ безправной вещи, и другому человѣку—палачу предоставляется никому не принадлежащее право распоряжаться чужою личностью, какъ бездушнымъ предметомъ. Итакъ, все дѣло въ томъ, что отношеніе воина къ непріятелю, при всѣхъ своихъ дѣйствительныхъ аномаліяхъ и при всѣхъ бѣдствіяхъ и ужасахъ войны, остается все-таки на почвѣ естественныхъ, нравственныхъ и человѣчныхъ отношеній, тогда какъ отношеніе палача въ жертвѣ *по существу* безнравственно, безчеловѣчно и противоестественно.

Вотъ ясная и непреложная грань между дозволеннымъ и недозволеннымъ насиліемъ, между честнымъ насиліемъ воина и безчестнымъ насиліемъ палача. Есть нравственное начало, корень всѣхъ человѣческихъ правъ и отношеній—законъ правды: уважай въ своемъ и во всякомъ другомъ лицѣ человѣческое достоинство и ни изъ какого человѣческаго существа никогда не дѣлай страдательнаго орудія внѣшней ему цѣли.

Этотъ законъ не нарушается воиномъ, тогда какъ его завѣдомое нарушеніе составляетъ всю задачу палача. Вотъ черта между ними и истин-

ная причина различнаго къ нимъ отношенія. Этой черты не сотрутъ никакіе софизмы.

Много еще можно требовать и давать всякихъ разъясненій по этому вопросу съ различныхъ сторонъ; но *главное*—въ томъ, что я сейчасъ указалъ. А теперь пора вернуться къ нашимъ испанцамъ и къ ихъ давнишнему роковому превращенію изъ воиновъ въ палачей.

III.

Въ двухъ яркихъ образахъ воплотилась историческая судьба Испаніи: въ крестоносномъ рыцарѣ, сражавшемся за вѣру и землю отеческую, и въ палачѣ-монахѣ, погубившемъ и вѣру, и отечество своею глубокою, адскою измѣной духу Христову. Безотчетное нравственное чувство заставляетъ всякаго гнушаться обыкновеннымъ палачемъ, который лишаетъ преступнаго человѣка его права на жизнь физическую; во сколько-же ужаснѣе религіозное палачество, отнимающее у людей невинныхъ высшее ихъ право на жизнь духовную? Вѣдь сила духовной жизни у человѣка не въ томъ, чтобы повторять заученныя съ чужого голоса правильныя религіозныя формулы,—для этого не нужно быть человѣкомъ, достаточно быть скворцомъ или попугаемъ,—въ томъ сила духовной жизни, чтобы человѣкъ самъ, внутренними свободными движеніями своего чувства, ума и воли опредѣлялъ свое отношеніе къ истинному добру, т.-е. *самъ жилъ своею вѣрою*. И если не всѣ этого достигли, то всѣ могутъ и должны быть къ этому воспитываемы. И въ этомъ не только интересъ человѣческій, но и собственная цѣль Божества. Согласно христіанской

истинѣ, не только для себя, но и для Бога человѣкъ важенъ лишь какъ свободное дѣятельное лицо, какъ возможный „другъ Божій“,—а страдательныхъ орудій, бездушныхъ или безсловесныхъ, довольно у Бога и помимо человѣчества.

И именно потому, что человѣчество въ огромномъ большинствѣ своемъ еще не живетъ настоящею духовною жизнью, а только воспитывается къ ней,—именно поэтому и важнѣе всего беречь зародыши, зачатки, ростки возникающей жизни. Готовая, созрѣвшая жизнь духа не боится внѣшняго насилія: оно губительно для *малыхъ сихъ*,—для тѣхъ, въ чью защиту сказано: лучше не родиться тому человѣку, который соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ.

Обыкновенный палачъ хуже простого убійцы, а палачъ духовный несоизмѣримо хуже обыкновеннаго палача. Градація здѣсь ясна. Убійца, нарушая право человѣка на физическую жизнь, не возводитъ этого своего беззаконія и злодѣйства въ принципъ, не узаконяетъ его; палачъ совершаетъ свое физическое убійство, какъ дѣло законное, принципіальное, а палачъ религіозный такимъ-же образомъ узаконяетъ свое духовное убійство, свое посягательство на самое начало жизни внутренней, и такъ какъ *самъ* человѣкъ, конечно, есть для насъ духъ, а не тѣло, то религіозный палачъ, этотъ духовный убійца, убивающій *самого* человѣка, есть по преимуществу *человѣкоубійца*,—прямое воплощеніе того, кто названъ такъ въ словѣ Божіемъ.

Какъ-же случилось, что народъ святыхъ и рыцарей сталъ носителемъ этого дьявольскаго начала религіознаго насилія, хотя и осквернявшаго другія

христіанскія страны, но нигдѣ не проникавшаго такъ глубоко и не укоренявшагося такъ прочно въ душѣ народной, какъ именно въ Испаніи?

Не причиною, конечно, этого явленія, а однимъ изъ благопріятствующихъ условій была *особенность расы* или, по крайней мѣрѣ, преобладающее вліяніе одного изъ вошедшихъ въ нее элементовъ. Различіе между внѣшнею средою, областью христіанства, которую можно и должно было оборонять оружіемъ противъ непріятельскаго насилія,—и самимъ христіанствомъ, т.-е. внутреннимъ царствомъ Божіимъ въ человѣкѣ, которое не требуетъ и не допускаетъ такой обороны,—это различіе оказывалось слишкомъ тонкимъ для людей, которыхъ предки выражали преданность своему божеству тѣмъ, что жарили ему въ пищу своихъ дѣтей *), а новѣйшіе потомки сохраняютъ, какъ національное удовольствіе, отвратительное живодерство бычачьихъ боевъ. Христіанство не осилило въ душѣ народной всѣхъ элементовъ Молоховой религіи, и предвѣстія грядущаго Торквемады обнаружились очень рано, задолго до арабскаго завоеванія. Испанскіе епископы въ концѣ IV вѣка добиваются смертной казни еретиковъ, что вызываетъ принципіальное осужденіе въ Галліи (св. Мартинъ Турскій) и въ Италіи (св. Амвросій Миланскій). Испанецъ Ѳеодосій узаконяетъ на Востокѣ уголовныя мѣры противъ Манихеевъ, причемъ впер-

*) Разумѣю дьявольскій культъ Молоха у финикіянъ или пунійцевъ, которые глубже колонизировали древнюю Испанію, чѣмъ другія европейскія страны. Все побережье Иберійскаго полуострова и по сю, и по ту сторону Мелькартовыхъ столбовъ, какъ доказываютъ географическія названія, было захвачено финикійскою культурою.

вые юридическій терминъ inquisitio примѣняется къ дѣлу религіознаго преслѣдованія. Можно себѣ представить къ чему привела-бы саму Испанію эта особенная склонность къ религіозному насилію, еслибы она не была на семь вѣковъ задержана нашествіемъ арабовъ и необходимостью открытой, честной борьбы съ ними. Испанецъ уже готовъ былъ стать палачемъ въ худшемъ смыслѣ этого слова, когда историческое Провидѣніе заставило его надолго сдѣлаться доблестнымъ воиномъ. И тутъ фактически опровергается мнѣніе тѣхъ противниковъ войны, которые считаютъ ее зломъ *безусловнымъ* и чистою безсмыслицею. Семивѣковая война съ маврами, сверхъ своей фактической необходимости, имѣла для Испаніи смыслъ великаго блага, она спасла младенческую націю отъ ранней духовной гибели, оставила ей время и условія сложиться и созрѣть для свободнаго рѣшенія своей нравственной и исторической судьбы и—каково-бы ни было это рѣшеніе—позволила и лучшимъ силамъ народнаго духа развиться, чтобы дать міру все положительное, къ чему онѣ были способны.

Да и по существу дѣла развѣ война есть непремѣнно вражда? Злой звѣрь въ человѣкѣ враждуетъ со всѣми и въ мирное время, а для настоящаго человѣка и война, разъ она вызвана необходимостью, открываетъ поприще истинно-нравственнаго отношенія не только къ своимъ, но и къ непріятелю,—побуждаетъ не только полагать душу за други своя, но и *любить враговъ*. Вѣдь заповѣдь эта обращена не къ отдѣльнымъ только лицамъ, а и къ цѣлымъ народамъ; а для народа врагъ—это другой народъ, съ которымъ онъ воюетъ. *Этого* именно

врага и нужно любить. Значитъ, война, помимо всего прочаго, есть для народовъ *реальная школа любви къ врагамъ*. Вѣдь это не только ясно логически, но и фактически несомнѣнно. Въ открытомъ бою противники, если они не звѣри, научаются признавать достоинство другъ друга, взаимную равноправность, чувствуютъ уваженіе другъ къ другу. А это чувство уже недалеко и отъ любви. И это знали прямодушные люди всѣхъ временъ, расъ и вѣръ. Зналъ это и мусульманинъ Саладинъ, знали и христіанскіе рыцари. Никто не скажетъ, чтобы нашъ Петръ Великій отличался особенною какою-нибудь утонченностью или деликатностью религіозныхъ и нравственныхъ чувствъ. Но *это* онъ понималъ и чувствовалъ, и это въ немъ отмѣчено и увѣковѣчено великимъ національнымъ поэтомъ:

Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ
И за „учителей“ своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Не въ военномъ только искусствѣ оказались эти внѣшніе враги нашими учителями, а также и въ умѣніи по-человѣчески относиться къ чужеземцамъ *).

*) Не въ томъ смыслѣ, чтобы шведы давали намъ здѣсь какіе-нибудь примѣры или образцы особаго человѣколюбія,— этого, насколько я знаю, не было,—а лишь въ томъ смыслѣ, что до рѣшительнаго столкновенія съ ними въ Сѣверной войнѣ, мы знали ихъ болѣе съ отрицательныхъ сторонъ, какъ „нѣмцевъ“, т.-е. не людей, а при болѣе близкомъ знакомствѣ въ борьбѣ съ ними за существованіе узнали въ нихъ такихъ-же людей, какъ и мы сами.

Такіе-же учителя не только въ „наукѣ славы“, но и въ наукѣ человѣчности были даны Испаніи въ лицѣ арабовъ. Историческая школа у сторожевого народа христіанскаго міра была превосходна. Но для народовъ, какъ и для лицъ, воспитаніе хотя значитъ очень много, но рѣшается жизненная судьба ихъ не воспитаніемъ. Конечно, всѣ положительныя стороны національнаго духа развились, окрѣпли и впослѣдствіи дали свой обильный плодъ благодаря этой долгой средневѣковой „школѣ любви“. Но и послѣ нея, несмотря на нее, побѣдилъ древній Молохъ. Вѣроятно, во время непрерывныхъ бранныхъ столкновеній испанцамъ нерѣдко приходилось показывать свое христіанское отношеніе къ непріятелю. Но вотъ война кончена, пала послѣдняя твердыня мусульманскаго царства. Тутъ что-же можно было дѣлать христіанскому народу, какъ не вложить мечъ въ ножны, протянувъ окончательно руку мира и дружбы прежнему противнику, обезоруженному, безопасному? Ничто не мѣшало испанцамъ отнестись къ *подчинявшимся* маврамъ, такъ, какъ, напримѣръ, наши, гораздо менѣе культурные, предки отнеслись къ покорившимся татарамъ Казанскаго и Астраханскаго царства, а именно оставить ихъ спокойно жить на ихъ мѣстахъ въ качествѣ равноправныхъ согражданъ. Вѣдь такъ поступалъ даже языческій Римъ, который, по слову своего поэта, считалъ своею обязанностью „щадить подчинившихся“—parcere subjectis. Но народъ, двѣнадцать вѣковъ исповѣдывавшій христіанство, не зналъ пощады; сломивъ врага въ честномъ бою, онъ не захотѣлъ дать ему честнаго мира. Въ нѣсколько пріемовъ сотнями тысячъ мавры, а съ ними

за разъ и евреи, были безчеловѣчно изгоняемы изъ страны, которая по многовѣковой давности стала ихъ родиной.

Между тѣмъ въ тотъ самый годъ, когда съ паденіемъ Гренады Испанія блистательно окончила свою средневѣковую военную школу, открытіе Америки выводило торжествующую націю на новый просторъ исторической жизни; но въ этотъ внѣшній просторъ испанцы понесли печальную узость своего внутренняго жизненнаго принципа—религіознаго насилія. Эпоха паденія Гренады и открытія Америки была также и эпохою основанія испанской инквизиціи *). Тутъ уже прямо начинается адское дѣло духовнаго палачества, возстановленіе Молохова культа подъ христіанскими знаками и именами. На почвѣ природнаго элемента жестокости и кровожадности черезъ три внутренніе момента совершился переходъ отъ образа мыслей и дѣйствій доблестнаго рыцаря къ образу мыслей и дѣйствій религіознаго гонителя и палача: 1) развилось и укоренилось чувство ненависти къ „невѣрнымъ“, 2) выросло безмѣрное чувство національной гордости и 3) принята была и выше всего поставлена идея національнаго единства и могущества, какъ опирающагося на единствѣ вѣроисповѣдномъ.

Тройная измѣна христіанству! Народъ, исповѣ-

*) Не слѣдуетъ смѣшивать этой королевской испанской инквизиціи, основанной при Фердинандѣ и Изабеллѣ, съ церковною римскою инквизиціей, учрежденной гораздо раньше (въ XIII в.) также по почину испанца (св. Доминика), но вообще не имѣвшею того кроваваго характера, которымъ прославилась испанская. Римская инквизиція, какъ чисто-духовный трибуналъ, существуетъ и нынѣ.

дующій христіанскую вѣру и, однако, живущій ненавистью къ „невѣрнымъ“, тѣмъ самымъ показываетъ, что первый-то *невѣрный*—онъ самъ. Вѣдь быть невѣрнымъ или измѣнять можно только *своей*, а не *чужой* вѣрѣ. Отъ некрещенныхъ мусульманъ и евреевъ, очевидно, нельзя было требовать, чтобы они были вѣрными Христу, Котораго они не исповѣдали, а отъ тѣхъ, кого крестили насильно или обманно, страхомъ и соблазномъ,—требованіе дѣйствительной вѣрности было безбожно и безчеловѣчно. „Христіане“, ставившіе такое требованіе, очевидно были отступленниками той религіи, которую они исповѣдывали и которая несовмѣстима съ такимъ завѣдомымъ дѣломъ неправды и злобы *).

Но эта непримиримая ненависть къ ближнимъ, будучи уже сама измѣною христіанству, естественно связывалась съ другою. Лживо приписывая себѣ монополію вѣрности той религіи, которой они на дѣлѣ измѣняли, испанцы утверждали въ себѣ національную *гордость*, дѣйствительно ставшую ихъ характернымъ отличіемъ. Они гордились своею средне-вѣковою службою христіанству, тогда какъ эта служба, хотя и необходимая, была только внѣшнею, и въ этомъ смыслѣ малою службою, и съ окончаніемъ этой службы, съ отраженіемъ мавровъ отъ Европы, должна-бы начаться для испанцевъ новая

*) Насколько была велика эта антихристіанская злоба испанцевъ къ маврамъ, можно видѣть изъ того, какъ выражается о маврахъ лучшій и геніальнѣйшій изъ испанцевъ Сервантесъ, называющій ихъ „племенемъ измѣнническимъ и лживымъ по природѣ“ и „нашими вѣчными врагами“. (Донъ-Кихотъ, ч. I, гл. 9). И это черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ мавры были побѣждены и изгнаны изъ Испаніи!

большая служба человѣчеству въ духѣ Христовомъ и истинѣ, — но вмѣсто этого, духъ ненависти и гордости породилъ пресловутыя „дѣла вѣры“ (auto da fe),—конечно, вѣры не Христовой, а Молоховой.

Въ своей гордости и враждѣ къ другимъ испанцы волею-неволею должны были поставить высшимъ предметомъ своего служенія не христіанство и не царство Божіе, а самихъ себя, *свое государственное единство и могущество*, главною опорою котораго было признано единство вѣроисповѣдное. Совершилось роковое превращеніе: средство стало цѣлью, а цѣль стала средствомъ. А реальнымъ орудіемъ этого идеальнаго средства явилась королевская инквизиція, черезъ тѣло старавшаяся вытравлять изъ душъ всякое разномысліе. За сотнями тысячъ (въ совокупности не менѣе двухъ милліоновъ) избивавшихся и изгонявшихся мусульманъ и евреевъ послѣдовали десятки тысячъ (не менѣе четверти милліона въ совокупности) замученныхъ королевскою инквизиціей Морисковъ, „притворно крещеныхъ“ евреевъ и протестантовъ. Вывести религіозно-политическую „крамолу“ изъ испанской державы, привести всѣхъ къ одному знаменателю—вотъ высшая цѣль. Все приносилось въ жертву внѣшнему единству правовѣрной державы. Но тутъ-то и ждала Немезида. Оказалось, что внѣшнее единство, отдѣленное отъ внутренняго начала духовной свободы, приводитъ къ своему противоположному—къ распаденію и раздробленію. Средневѣковые испанцы, не думавшіе о себѣ въ служеніи общему дѣлу, создали и свое національное единство и накопили такой избытокъ народныхъ силъ, что могли захватить большую часть истори-

ческаго міра. А когда они, гордясь этими результатами, поставили себѣ цѣлью скрѣпить это великое единство своей державы огнемъ и желѣзомъ, когда они отреклись отъ той внутренней силы любви и правды, которая можетъ связывать многіе и разные народы въ живое цѣлое, — имъ *нечѣмъ* стало держать эти народы—опустошенная и духовно и физически держава неизбѣжно стала разсыпаться и на нашихъ глазахъ отъ этой мертвой головы отваливаются послѣдніе державшіеся при ней позвонки.

Націи не гибнутъ. Душа Испаніи можетъ возродиться. Но, какъ политическая сила, Испанія должна погибнуть, чтобы искупить свое злодѣйство,—когда она три вѣка упорно отравляла самые источники живой воды въ христіанствѣ. Политическая сила можетъ прочно держаться лишь какъ орудіе той духовной силы, отъ которой Испанія отреклась въ самый расцвѣтъ своей исторической жизни.

5—19 Іюля 1898 г.

РОССІЯ ЧЕРЕЗЪ СТО ЛѢТЪ.

Вагонъ второго класса пассажирскаго поѣзда Николаевской желѣзной дороги есть одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ такъ-называемые „ближніе“ перестаютъ быть словомъ *переноснымъ*, а становятся *несносною* реальностью. И нуженъ большой запасъ природнаго или пріобрѣтеннаго альтруизма, чтобы не пожелать этимъ ближнимъ быть какъ можно подальше. Я въ такихъ случаяхъ стараюсь сохранять человѣколюбивое расположеніе посредствомъ экономіи душевныхъ силъ, замѣняя убыточное раздраженіе полезнымъ вниманіемъ. Прислушиваюсь къ разговорамъ. „Доказано наукою,—возглашаетъ звучный баритонъ,—что Россія черезъ сто лѣтъ будетъ имѣть четыреста милліоновъ жителей, тогда какъ Германія только девяносто пять милліоновъ, Австрія—восемьдесятъ, Англія—семьдесятъ, Франція—пятьдесятъ. А потому...“

Говорящій—высокій мужчина „сѣдой наружности“ и техническаго вида. И онъ, и его слушатели принадлежатъ, очевидно, къ самой счастливой части населенія. Я разумѣю ту общественную

массу, которая въ прозѣ называется „почтеннѣйшая публика“, а въ стихахъ „толпа“ и даже „чернь непросвѣщенная“. Но несмотря на брань поэтовъ, это есть все-таки самая счастливая часть населенія. Нѣкоторые утверждаютъ, что всѣхъ счастливѣе такъ-называемый „народъ“ или „мужикъ“. И правда, что мужикъ обладаетъ нѣкоторыми важными условіями истиннаго счастія; но двѣ особенности мужичьяго состоянія портятъ все дѣло и мѣшаютъ самымъ лучшимъ возможностямъ перейти хотя-бы въ посредственную дѣйствительность. Во-первыхъ, мужикъ подверженъ стихійнымъ бѣдствіямъ, отъ которыхъ ограждены прочіе классы населенія (за исключеніемъ только гаваньскихъ чиновниковъ), а во-вторыхъ—онъ, будучи, по собственному сознанію, глупъ *), чрезмѣрно огорчается своими невзгодами и впадаетъ въ унынie, вмѣсто того, чтобы—по альтруистическому указанію знаменитаго дьяка у Толстого (Алексѣя)—находить свое удовлетвореніе въ благосостояніи другихъ **).

*) „Мужикъ—глупъ“, „Баба—дура“ (см. „Собраніе русскихъ пословицъ“, Даля).

**) У приказныхъ воротъ
Собирался народъ
Густо;
Говорилъ въ простотѣ,
Что въ его животѣ
Пусто.
Дурачье!—сказалъ дьякъ
Изъ васъ долженъ быть всякъ
Въ тѣлѣ,—
Еще въ думѣ вчера
Мы съ трудомъ осетра
Съѣли.

Если, такимъ образомъ, „мужикъ“ не можетъ быть счастливъ, какъ беззащитная жертва стихій и собственной глупости, то счастье людей, преданныхъ размышленію, въ корнѣ подрывается невозможностью успокоенія, неотступностью двухъ вопросовъ: *да такъ-ли это?* и *что-же дальше?* Счастье, невозмутимое ничѣмъ, кромѣ личныхъ и семейныхъ крушеній (желѣзнодорожныя — не въ счетъ), остается, значитъ, удѣломъ той „почтеннѣйшей публики“, для которой стихійныя бѣдствія не идутъ дальше „дурной погоды“, а запросы мышленія останавливаются на мнимыхъ истинахъ, мнимо доказанныхъ какою-то мнимою наукой. „Публика“ сама не мыслитъ, также какъ она сама не шьетъ себѣ сапогъ и не печетъ хлѣбовъ. И въ умственномъ, какъ и въ матеріальномъ отношеніи, она живетъ на всемъ готовомъ, и ея готовыя мысли только способствуютъ ея чувству довольства, именно потому, что онѣ не возбуждаютъ въ ней двухъ безпокойныхъ вопросовъ: „да такъ-ли это?“ и „что-же дальше?“

Для человѣка, не покупающаго свой духовный хлѣбъ готовымъ въ какой-нибудь булочной, а вырабатывающаго его собственнымъ трудомъ, какія мученія приноситъ хотя-бы, напримѣръ, чувство патріотизма! Если вы не вѣрите, чтобы патріотизмъ могъ доставлять дѣйствительныя мученія, я согласенъ выразиться мягче,—скажу: мучительныя тревоги. Въ какомъ состояніи находится отечество? Не показываются-ли признаки духовныхъ и физическихъ болѣзней? Изглажены-ли старые историческіе грѣхи? Какъ исполняется долгъ христіанскаго народа? Не предстоитъ-ли еще день

покаянія? — Все это только варіанты двухъ роковыхъ вопросовъ, въ корнѣ подрывающихъ наивный и самоувѣренный оптимизмъ „почтеннѣйшей публики“. Она этихъ вопросовъ не знаетъ, и *ея* патріотизмъ доставляетъ ей только удовольствіе и ликованіе. Онъ весь исчерпывается знаменитою піитическою формулою: „громъ побѣды раздавайся!“ Конечно, и размышляющій патріотъ не меньше „публики“ желаетъ „грома побѣды“; но, выйдя изъ того возраста, когда горсть ловко и во-время брошенныхъ „хлопушекъ“ можетъ доставить неизреченное блаженство, размышляющій патріотъ знаетъ, что „громъ побѣды“ бываетъ двухъ родовъ: настоящій, при достаточномъ внутреннемъ основаніи, и фальшивый, справедливо обозначаемый какъ „громъ не изъ тучи“...

Примѣръ послѣдняго рода—грозное для враговъ и даже для друзей заявленіе, что чрезъ сто лѣтъ въ Россіи будетъ четыреста милліоновъ жителей. За этимъ громомъ, очевидно, не стоитъ никакой тучи, кромѣ тучи невѣжества. Люди, довѣрчиво повторяющіе такую безсмыслицу, словно научный выводъ, не догадываются даже о томъ, что ростъ населенія въ извѣстной прогрессіи, какъ и всякое явленіе, обусловленъ рядомъ другихъ явленій, и что съ измѣненіемъ этихъ явленій, какъ причины, измѣняется и ея послѣдствіе. Но люди изъ публики, самоувѣренно говорящіе: „наука доказала“, даже вовсе не представляютъ себѣ ростъ народонаселенія какъ условный *фактъ*, зависящій отъ разныхъ *факторовъ*, а видятъ въ немъ какой-то непреложный *фатумъ*, благосклонный къ нашему отечеству и немилостивый—къ другимъ странамъ.

Между тѣмъ, при малѣйшемъ размышленіи ясно, что въ Россіи, какъ и во всякой странѣ, вчерашній ростъ населенія самъ по себѣ ничего не говоритъ о завтрашнемъ, какъ тотъ фактъ, что кто-нибудь вчера былъ здоровъ, нисколько не помѣшаетъ ему-же опасно заболѣть завтра. Да и зачѣмъ говорить о завтрашнемъ, когда дѣло перемѣнилось уже сегодня? По недавно обнародованнымъ несомнѣннымъ статистическимъ даннымъ, та значительная прогрессія, въ которой возрастало наше населеніе до восьмидесятыхъ годовъ, съ тѣхъ поръ стала сильно убывать и въ нѣкоторыхъ частяхъ Имперіи уже сошла на нуль. А именно въ губерніяхъ средне-черноземной полосы съ 1885 года прибыль населенія, какъ извѣстно, вовсе прекратилась, и тотъ значительный (хотя и меньшій, чѣмъ ожидали) приростъ въ 12 милліоновъ за 10 лѣтъ, который обнаруженъ переписью 1897 г., падаетъ преимущественно на различныя нерусскія или полурусскія окраины. Чтобы отдѣлаться какъ-нибудь отъ этого печальнаго факта напрасно пытались объяснить его переселеніями изъ центра къ окружности страны. Отъ этого объясненія нужно отказаться. Во-первыхъ, цифра переселенцевъ изъ центральныхъ губерній за 10 лѣтъ сама по себѣ довольно большая, совершенно ничтожна сравнительно съ тою цифрою, какою долженъ-бы былъ выразиться естественный приростъ населенія за тѣ-же годы и въ тѣхъ-же губерніяхъ, если-бы этотъ приростъ происходилъ въ прежней прогрессіи; во-вторыхъ, переселенческое движеніе, помимо центральныхъ губерній, было очень сильно, напримѣръ, въ Царствѣ Польскомъ, не измѣнивъ,

однако, высокой цифры прироста на мѣстѣ; наконецъ, еслибы остановка въ приростѣ сельскаго населенія центральной Россіи происходила отъ переселеній, то чѣмъ объяснить такую-же остановку относительно города Москвы, откуда никто не переселяется, а куда, напротивъ, притекаетъ промышленный людъ большими количествами? А между тѣмъ населеніе Москвы, удвоившееся за шестидесятые и семидесятые годы, продолжавшее и въ восьмидесятыхъ годахъ расти, хотя не съ такою быстротою, въ послѣднее десятилѣтіе останавливается на порогѣ милліона и никакъ не можетъ его перешагнуть. Есть, значитъ, помимо механическаго перемѣщенія людскихъ массъ, какая-то органическая причина, остановившая нашъ ростъ.

Волей-неволей должны мы обратиться къ патріотизму *размышляющему* и *тревожному*. Безотчетный и беззаботно-счастливый оптимизмъ патріотовъ ликующихъ, помимо его умственной и нравственной скудости, теряетъ подъ собою всякую фактическую почву на нашихъ глазахъ. На вопросъ: что будетъ съ Россіей чрезъ сто лѣтъ— нельзя намъ отвѣчать даже съ тою опредѣленностью, которая выражается въ цифрѣ 400 милліоновъ жителей. Но неужели намъ ничего неизвѣстно о будущности Россіи? Мы знаемъ, конечно, что съ нею будетъ то, что угодно Богу. Но не лицемѣріе-ли это — останавливаться на общемъ указаніи неисповѣдимой для насъ воли Божіей,— указаніи, изъ котораго ничего не слѣдуетъ и которое ни къ чему насъ не обязываетъ? Развѣ мы не знаемъ еще и того, что̀ именно угодно Богу *отъ насъ*, отъ Россіи? Если еще и не знаемъ, то

это—наша вина, и отъ насъ зависитъ ее и исправить,—*навѣрное узнать*, чего хочетъ отъ насъ Богъ. Вѣдь не Прихоть и не Произволъ надъ нами, и есть у насъ разумъ и совѣсть, чтобы познать высшую волю, — и вотъ настоящая, единственная задача для размышляющаго патріотизма.

О соблазнахъ.

Я имѣю въ виду не грубые соблазны страстей—чувственности, тщеславія, властолюбія,—которыя прямой вредъ наносятъ только личной жизни,—а болѣе тонкіе умственные соблазны, о которыхъ сказано: горе *міру* отъ соблазновъ. Такіе соблазны *не* производятся простымъ или прямымъ отрицаніемъ истины: голая ложь можетъ быть привлекательна, а потому и соблазнительна, только въ аду, а не въ мірѣ человѣческомъ. Здѣсь требуется прикрыть ее чѣмъ-нибудь благовиднымъ, связать ее съ чѣмъ-нибудь истиннымъ, чтобы плѣнить нетвердый умъ и оправдать зло дня немощной воли. Соблазны, отъ которыхъ горе міру, производятся только *полуистинами*, а соблазняютъ эти полуистины только „малыхъ сихъ“, изъ которыхъ однако состоитъ почти весь міръ. Большихъ людей немного и въ добрѣ и въ злѣ. Великіе праведники, рѣшительно и безповоротно сдѣлавшіе свой жизненный выборъ въ пользу добра и истины, не боятся, конечно, умственныхъ соблазновъ и рвутъ ихъ какъ паутину; но этихъ праведниковъ такъ

немного, что за цѣлыя тысячелѣтія они всѣ на счету и помѣщаются въ святцахъ. А также и великіе злодѣи, безвозвратно отдавшіеся злу и лжи изъ внутренняго къ нимъ влеченія и потому не нуждающіяся ни въ какихъ соблазнахъ, настолько рѣдки, что ихъ обыкновенно не замѣчаютъ и даже отрицаютъ самое ихъ существованіе. Огромное большинство человѣчества—это „малые сіи“,—люди, не имѣющіе вкуса къ злу, не любящіе его ради него самого, но недостаточно сильные, чтобы противиться его матеріальнымъ соблазнамъ, а главное—недостаточно сильные, чтобы рѣшительно сознаться въ своей слабости и называть вещи ихъ собственными именами. Ища оправдать свою несостоятельность передъ соблазнами матеріальными, то есть соблазнами чувственности, тщеславія и властолюбія,—эти люди охотно и жадно хватаются за умственный соблазнъ полуистинъ, могущихъ дать имъ видимость такого оправданія. „Горе міру отъ соблазновъ; ибо надобно прійти соблазнамъ: но горе тому человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ“,—тому, кто изобрѣтаетъ, защищаетъ и распространяетъ полуистины, обманчиво прикрывающія ложь и лукаво оправдывающія зло.

Этихъ соблазнительныхъ полуистинъ неопредѣленное множество, ихъ столько-же, сколько грѣховъ человѣческихъ, ищущихъ благовиднаго прикрытія. Но есть между ними типичныя и коренныя, имѣющія не только лично-нравственное, но и общественное и историческое значеніе. Есть весьма простой и обычный грѣхъ духовной лѣности, побуждающій насъ мириться на маломъ, довольствоваться въ области духа тѣмъ, что дано и готово,

что не требуетъ отъ насъ внутреннихъ трудовъ и подвиговъ. Пока это только слабость—это слабость простительная. Но самолюбіе мѣшаетъ въ ней признаться, духовная природа человѣка стыдится ея—и вотъ является соблазнъ оправдать эту немощь духа какою-нибудь легкою, общедоступною, никакого умственнаго труда не требующею полуистиной. Намъ тяжелъ упорный, до конца идущій умственный трудъ? Такъ что-же? Это только знакъ нашего превосходства! Вѣдь всѣ разсужденія ума тщетны. Достаточно *сердечной вѣры и добрыхъ чувствъ*, которыя сами себя оправдываютъ. Зачѣмъ разсуждать о томъ, что само по себѣ хорошо? Такія разсужденія ненужны, а заниматься ненужнымъ значитъ отвлекаться и другихъ отвлекать отъ нужнаго,—и это уже есть дѣло не только лишнее, но и положительно вредное. А отсюда прямое заключеніе: должно не только себя избавить отъ самостоятельнаго и серьезнаго умственнаго труда надъ важнѣйшими жизненными вопросами, но и другимъ по возможности мѣшать въ этомъ вредномъ и опасномъ дѣлѣ.

Весь этотъ лживый и недобрый взглядъ держится, конечно, на одной соблазнительной полуистинѣ, дающей ему благовидность и обманывающей слабые и поверхностные умы. Полуистина состоитъ здѣсь въ томъ, что сердечная вѣра и чувство противополагаются умственному разсужденію вообще. Сказать, что такое противоположеніе *ложно*—нельзя. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ сердце и умъ, чувство и разсужденіе, вѣра и мышленіе суть силы не только всегда различныя, но иногда и несогласныя между собою. Но вѣдь этотъ несомнѣн-

ный фактъ выражаетъ только *половину* истины и какое доброе побужденіе, какой нравственный, сердечный или религіозный мотивъ заставляетъ насъ останавливаться на этой половинѣ и выдавать ее за цѣлое? Вѣдь *согласіе* сердца и ума, вѣры и разума *лучше*, желательнѣе ихъ противорѣчія и вражды, это согласіе есть норма, идеалъ, то, что *должно* быть, а если такъ, то значитъ это согласіе и есть настоящая цѣль нашего умственнаго труда и значитъ непозволительно намъ успокоиться, пока мы не осуществили для себя и для другихъ этой полной истины, пока она не будетъ проведена черезъ ясный свѣтъ сознанія.

Бываютъ безсердечныя умствованія о жизненныхъ вопросахъ, бываютъ мысли, чуждыя и враждебныя вѣрѣ. Но, во-первыхъ, по какой логикѣ можно заключать отсюда, что *всякое* дѣйствіе ума, обращенное на живые предметы, непремѣнно отрѣшается отъ сердечныхъ чувствъ, что всякое мышленіе должно противополагаться вѣрѣ, а во-вторыхъ, если бываютъ безсердечныя умствованія, то, вѣдь, бываютъ и безумныя движенія сердца, если встрѣчается мышленіе противное вѣрѣ, то, вѣдь, можно еще чаще встрѣтить безсмысленныя чувства и слѣпую, темную вѣру, и какая-же изъ этихъ двухъ односторонностей лучше?

Когда наши крестьяне, чуждые всякихъ умствованій и мудрованій о нравственныхъ и какихъ бы то ни было другихъ такъ называемыхъ вопросахъ,—люди совершенно нетронутые въ своихъ сердечныхъ чувствахъ и вѣрованіяхъ, съ спокойною совѣстью умерщвляютъ мнимыхъ колдуній и дѣйствительныхъ врачей и фельдшеровъ,—на это

возможны только два взгляда: или мы должны признать, что доброе сердце этихъ крестьянъ и ихъ невинность по части какого-бы то ни было мудрствованія—*не въ состояніи* удержать ихъ отъ злыхъ и дикихъ дѣлъ, и въ такомъ случаѣ полуистина, прикрывающая духовную лѣность и мыслебоязнь, прямо обнаруживаетъ свою ложную сторону; или необходимо допустить, что у этихъ крестьянъ не было и добраго сердца, и тогда оказывается, что умственная непочатость никакъ еще не есть ручательство добра, и полуистина обскурантизма опять-таки теряетъ свою благовидность.

Пусть откроютъ намъ секретъ, какимъ образомъ помимо развитія сознанія, помимо умственной просвѣтительной работы можно воздѣйствовать на сердце народа вѣрующаго, но темнаго, и по темнотѣ своей способнаго совершать злыя дѣла, принимая ихъ за добрыя? А пока этого секрета не откроютъ, приходится думать, что противоположеніе ума сердцу есть только соблазнъ лживаго ума и испорченнаго сердца для обманчиваго оправданія духовной немощи и умственной лѣни. И не грозитъ-ли изобрѣтателямъ этого пагубнаго соблазна евангельскій приговоръ: „лучше было-бы человѣку тому, если-бы навязали жерновъ на шею ему и ввергли его въ море“.

СЛОВЕСНОСТЬ ИЛИ ИСТИНА?

Одно изъ самыхъ характерныхъ явленій современной умственной жизни и одинъ изъ самыхъ опасныхъ ея *соблазновъ* *), есть модная мысль о *сверхчеловѣкѣ*. Эта мысль прежде всего привлекаетъ своею истинностью. Развѣ не правъ несчастный Ницше, когда утверждаетъ, что все достоинство, вся цѣнность человѣка въ томъ, что онъ *больше* чѣмъ человѣкъ, что онъ—*переходъ* къ чему-то другому, *высшему?* Правда, эта истина о высшемъ, сверхчеловѣческомъ началѣ въ насъ, о нашемъ сродствѣ съ абсолютнымъ и тяготѣніи къ нему была уже не нова, когда апостолу Павлу пришлось *напоминать* ее аѳинянамъ (Дѣян. ап. XVII). Теперь Ницше возвѣстилъ ее какъ великое новое открытіе. Спасибо и на томъ. Но вотъ бѣда: апостолъ Павелъ напомнилъ аѳинянамъ о высшемъ достоинствѣ и значеніи человѣка только для того, чтобы сейчасъ-же указать на дѣйствительное осуществленіе этого *высшаго* въ дѣйствительномъ праведникѣ, воскресшемъ изъ мертвыхъ; говоря о сверхчело-

*) См. предыдущее письмо.

вѣкѣ, онъ *называетъ* Его, тогда какъ новѣйшему проповѣднику сверхчеловѣка не на что указать въ дѣйствительности и некого назвать.

Чуждый вѣры христіанской и еще не дозрѣвшій до серьезной вѣры въ будущаго живого антихриста, базельскій профессоръ сталъ писать о сверхчеловѣкѣ *вообще*, подобно тому, какъ Тентетниковъ, по увѣренію Чичикова, писалъ „о генералахъ вообще".

Каждый изъ насъ есть сверхчеловѣкъ въ возможности, потенціонально, но чтобы стать такимъ въ дѣйствительности, требуется, конечно, болѣе прочная опора, чѣмъ собственное желаніе, чувство или отвлеченная мысль. Самъ Ницше, думая быть дѣйствительнымъ сверхчеловѣкомъ, былъ только *сверхфилологомъ*. При своей даровитости, исключительно кабинетный ученый, не испытавшій по настоящему никакой жизненной драмы (какъ видно изъ его біографіи), Ницше тяготился не границами земной человѣческой природы,—о которой онъ, помимо книгъ, имѣлъ лишь очень одностороннее и элементарное познаніе,—его тѣснили границы филологіи или того, что онъ назвалъ Historie. Собственная его исторія была только воспроизведеніемъ перваго монолога Фауста—борьбою живой, но больной и немощной души съ бременемъ необъятной книжной учености. Оставаясь все-таки филологомъ, и слишкомъ филологомъ, Ницше захотѣлъ сверхъ того стать „философомъ будущаго", пророкомъ и основателемъ новой религіи. Такая задача неминуемо приводила къ катастрофѣ, ибо для филолога быть основателемъ религіи такъ-же неестественно, какъ для титулярнаго совѣтника быть королемъ испан-

скимъ. Говорю не о разстояніи ранговъ, а о различіи естественныхъ способностей. Хорошая филологія безъ всякаго сомнѣнія предпочтительнѣе плохой религіи, но самому геніальному филологу невозможно основать хотя-бы самую скверную религіозную секту. Стремленіе Ницше возвыситься надъ Historie и стать сверхфилологомъ окончилось яснымъ торжествомъ филологіи. Не найдя никакой религіозной дѣйствительности ни въ себѣ, ни сверхъ себя, базельскій профессоръ сочинилъ словесную фигуру, назвалъ ее „Заратустрой“ и возвѣстилъ людямъ конца вѣка: вотъ настоящій сверхчеловѣкъ! Филологія торжествуетъ уже въ самомъ названіи. Истинный сверхчеловѣкъ носилъ простое имя, обычное въ его странѣ, принадлежавшее другимъ извѣстнымъ людямъ его народа (Іисусъ Навинъ, Іисусъ сынъ Іоседековъ, Іисусъ сынъ Сираховъ). „Но сверхчеловѣкъ“, сочиненный базельскимъ профессоромъ, не можетъ быть Гейнрихомъ, или Фридрихомъ, или Оттономъ, онъ долженъ быть Заратустра,—не Зороастръ даже, а именно Заратустра,—чтобы такъ и пахло лингвистикой, причемъ смѣлый и многоученый нѣмецъ и не подумалъ, что его герою грозитъ неминуемая опасность быть принятымъ за женщину инымъ русскимъ переводчикомъ. Въ своемъ искреннемъ стремленіи къ сверхфилологіи Ницше на дѣлѣ успѣлъ только перейти границы филологіи классической, чтобы впасть въ филологію оріентальную—изъ огня да въ полымя!—Заратустра—имя недурное, конечно, для новаго сверхчеловѣка: одинъ только у него недостатокъ, что вмѣсто всѣхъ силъ небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ передъ этимъ именемъ трепещутъ и пре-

клоняютъ колѣна только психопатическіе декаденты и декадентки въ Германіи и Россіи.

Истинный сверхчеловѣкъ передъ началомъ своего общественнаго служенія провелъ сорокъ дней въ пустынѣ. Экзотическая фигура сверхчеловѣка, сочиненная нѣмецкимъ профессоромъ, не можетъ, конечно, довольствоваться такимъ кратким срокомъ: Заратустра проводитъ десять лѣтъ въ пещерѣ, предаваясь уединенію. Нужно быть еще признательнымъ классической школѣ за такую умѣренность, а то настоящимъ восточнымъ сверхчеловѣкамъ свойственно проводить въ пещерахъ милліоны и милліарды лѣтъ. Выйдя изъ своей пещеры въ городъ, Заратустра обращается къ собравшемуся народу и возвѣщаетъ ему о своемъ намѣреніи *преподавать сверхчеловѣка* (Ich lehre euch den Übermenschen!). Если вы думали, что сверхчеловѣкъ есть нѣкое высшее существо, то откажитесь отъ такого заблужденія. Сверхчеловѣкъ есть лишь предметъ университетскаго преподаванія, вновь учреждаемая *каѳедра* на филологическомъ факультетѣ. Существуютъ здѣсь каѳедры греческой и римской миѳологіи, древностей, исторіи литературы, стилистики—теперь открывается новая каѳедра—сверхчеловѣка. Но что же собственно преподается на этой каѳедрѣ? Вотъ въ томъ-то и бѣда, въ томъ-то и трагизмъ положенія для Ницше, что преподавать ему о сверхчеловѣкѣ рѣшительно нечего, и что вся его проповѣдь сводится къ однимъ словеснымъ упражненіямъ, прекраснымъ по литературной формѣ, но лишеннымъ всякаго дѣйствительнаго содержанія. Такого окончательнаго торжества филологіи надъ болѣе глубокими, но безсильными стремленіями его

духа Ницше не перенесъ и сошелъ съ ума. Этимъ онъ доказалъ искренность и благородство своей натуры, и навѣрное спасъ свою душу. Въ чисто-физическія причины душевныхъ болѣзней я не вѣрю, скоро и никто въ нихъ не будетъ вѣрить. Психическое разстройство въ случаяхъ, подобныхъ этому, есть крайній способъ самоспасенія человѣческаго внутренняго существа чрезъ жертву его видимаго мозгового *я*, оказавшагося несостоятельнымъ въ рѣшеніи нравственной задачи нашего существованія. Примѣръ Ницше не произвелъ никакого впечатлѣнія на его послѣдователей, которые съ увлеченіемъ и безъ всякаго сопротивленія отдались соблазну: замѣнить истину словесностію и сочиненнаго сверхчеловѣка поставить надъ дѣйствительнымъ. Тотъ дѣйствительный говорилъ: „если вы не вѣрите Моимъ словамъ, то вѣрьте дѣламъ, которыя Я творю“ — и Онъ на дѣлѣ воскресъ изъ мертвыхъ. У сочиненнаго сверхчеловѣка ничего нѣтъ кромѣ словъ, и эти слова своею звучностью и стройностью привлекаютъ полуобразованную толпу и заставляютъ ее забывать поучительную трагедію ихъ автора. Въ учителѣ, конечно, оказалось больше духовной глубины, чѣмъ въ ученикахъ его. Онъ устыдился и ужаснулся своего подлога истины, когда увидалъ его пустоту и безплодность, а они продолжаютъ плѣняться блестящею словесною поверхностью, подъ которою лежитъ разлагающійся умственный трупъ. Но въ этомъ увлеченіи можетъ быть есть еще нѣчто болѣе важное и знаменательное. Сочиненный несчастнымъ Ницше и имъ самимъ нравственно изблеванный сверхчеловѣкъ при всей своей безсодержательности и искусственности пред-

ставляетъ, можетъ быть, прообразъ того, кто, кромѣ блестящихъ словъ, явитъ и дѣла и знаменія, хотя и ложныя? Быть можетъ, словесныя упражженія базельскаго филолога были только безсильными выраженіями дѣйствительнаго предчувствія? Тогда постигшая его катастрофа имѣла-бы еще болѣе трагическую и еще болѣе поучительную подкладку.

Поживемъ—увидимъ!

СЕМЬ ПАСХАЛЬНЫХЪ ПИСЕМЪ.

I.

Христосъ Воскресъ!

Первая рѣшительная побѣда жизни надъ смертью! Непрерывная война между ними,—между живымъ духомъ и мертвымъ веществомъ — образуетъ въ сущности всю исторію міросданія. Хотя и много насчитывалось побѣдъ у духа жизни до Воскресенія Христова, но всѣ эти побѣды были не полныя и не рѣшительныя,—только половинныя, и послѣ каждой изъ нихъ врагу удавалось подъ новыми формами торжествующей, повидимому, жизни утвердить и упрочить свое дѣйствительное владычество. Какая великая, повидимому, была побѣда жизни, когда среди коснаго неорганическаго вещества закишѣли и закопошились міріады живыхъ существъ, первичные зачатки растительнаго и животнаго царства. Живая сила овладѣваетъ мертвыми элементами, дѣлаетъ ихъ матеріаломъ для своихъ формъ, превращаетъ механическіе процессы въ послушныя средства для органическихъ цѣлей.

И притомъ какое огромное и все возрастающее богатство формъ, какая замысловатость и смѣлость цѣлесообразныхъ построеній отъ мельчайшихъ зоофитовъ до великановъ тропической флоры и фауны. Но смерть только смѣется надо всѣмъ этимъ великолѣпіемъ: она реалистка, прекрасные образы и символы ее не плѣняютъ, предчувствія и пророчества не останавливаютъ. Она знаетъ, что красота природы—только пестрый, яркій покровъ на непрерывно разлагающемся трупѣ. Но развѣ природа не безсмертна? Всегдашній обманъ! Она *кажется* безсмертною для внѣшняго взгляда, со стороны,—для наблюдателя, принимающаго новую мгновенную жизнь за продолженіе прежней. Говорятъ объ умирающей и вѣчно возрождающейся природѣ. Какое злоупотребленіе словомъ! Если то, что сегодня рождается—не то-же самое, что умерло вчера, а другое, то въ чемъ же здѣсь возрожденіе? Изъ безчисленнаго множества мимолетныхъ смертныхъ жизней ни въ какомъ случаѣ не выйдетъ одна безсмертная.

Жизнь природы есть *сдѣлка* между смертью и безсмертіемъ. Смерть беретъ себѣ всѣхъ живущихъ, всѣ индивидуальности и уступаетъ безсмертію только общія формы жизни: это единичное растеніе или животное обречено неизбѣжно погибнуть послѣ нѣсколькихъ мгновеній; но эта форма растительности или животности, этотъ видъ или родъ организмовъ остается. Божью заповѣдь ко всѣмъ живымъ существамъ: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю, смерть обращаетъ въ свою пользу. Плодитесь и размножайтесь не для того, чтобы расширить, упрочить и увѣковѣчить свою

жизнь, а для того, чтобы поскорѣе исчезнуть, чтобы было кому смѣнить и замѣнить васъ, наполняйте землю своими смертными останками, будьте только *мостомъ* для слѣдующаго поколѣнія, которое, въ свою очередь, станетъ лишь мостомъ для своихъ преемниковъ и т. д. Вмѣсто жизни и безсмертія—этотъ нескончаемый рядъ мостовъ. Правда, они строются не даромъ, правда, по этому мертвому пути идетъ творческій духъ къ предуставленной ему цѣли. Но почему онъ долженъ непремѣнно идти по забытымъ гробамъ, и если его цѣль добрая, то зачѣмъ это дурное средство: постоянно возобновляющій обманъ смертной жизни?

Нѣтъ! Эта кажущаяся жизнь есть только символъ и зачатокъ истинной жизни; организація видимой природы не есть рѣшительная побѣда живого духа надъ смертью, а только его *приготовленіе* для настоящихъ дѣйствій. *Начало* этихъ дѣйствій обусловлено появленіемъ разумнаго существа надъ царствомъ животнымъ. Благодаря способности отчетливаго, обобщающаго мышленія въ человѣкѣ, жизнь перестаетъ быть только цѣлесообразнымъ *процессомъ* родовыхъ силъ и становится, сверхъ того, цѣлесообразною *дѣятельностью* силъ индивидуальныхъ:

> Все, что колеблется въ явленіи текучемъ,
> Вы закрѣпляйте помысломъ могучимъ.

Война между жизнью и смертью вступаетъ въ новый фазисъ съ тѣхъ поръ, какъ ведется существами не только живущими и умирающими, но, сверхъ того, мыслящими о жизни и смерти. Въ

этихъ мысляхъ еще нѣтъ побѣды, но въ нихъ— необходимое оружіе побѣды. Герои человѣческой мысли, великіе мудрецы Востока и Запада подготовляли побѣду. Но они не были побѣдителями смерти: они умерли и не воскресли. Достаточно назвать только двухъ величайшихъ. Ученіе Будды было собственно *отказомъ отъ борьбы*, онъ проповѣдывалъ равнодушіе къ жизни и смерти, и кончина его не была ничѣмъ замѣчательна. Сократъ не отказывался отъ борьбы, онъ велъ ее доблестно, и его смерть была *почетнымъ отступленіемъ* въ область недоступную для врага, но трофеи побѣды остались все-таки у этого врага.

Если сила физическая неизбѣжно побѣждается смертію, то сила умственная недостаточна, чтобы побѣдить смерть: только безпредѣльность нравственной силы даетъ жизни абсолютную полноту, исключаетъ всякое раздвоеніе и, слѣдовательно, не допускаетъ окончательнаго распаденія живого человѣка на двѣ отдѣльныя части: безплотный духъ и разлагающееся вещество. Распятый Сынъ Человѣческій и Сынъ Божій, почувствовавшій Себя оставленнымъ и людьми и Богомъ и при этомъ молившійся за враговъ Своихъ, очевидно, не имѣлъ предѣловъ для Своей духовной силы, и никакая часть Его существа не могла остаться добычею смерти.

Мы умираемъ потому, что наша духовная сила, внутри связанная грѣхами и страстями, оказывается недостаточною, чтобы захватить, вобрать внутрь и претворить въ себя все наше внѣшнее, тѣлесное существо; оно отпадаетъ, и наше естественное безсмертіе (до того послѣдняго воскресенія, которое мы можемъ получить только чрезъ Христа) есть

только половинное, безсмертна только внутренняя сторона, только безплотный духъ. Христосъ воскресъ *всецѣло*.

„Когда-же они это говорили, самъ Іисусъ сталъ посреди нихъ и сказалъ имъ: миръ вамъ!—Они-же, въ испугѣ и страхѣ, *думали, что видятъ духа*. Онъ-же сказалъ имъ: чего смущаетесь, и зачѣмъ такія помышленія входятъ въ сердца ваши? Видите руки Мои и ноги Мои,—что это самъ Я. Осяжите Меня и разсмотрите, *ибо духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ Меня видите имѣющаго*.— И сказавъ это, показалъ имъ руки и ноги. А какъ они отъ радости еще не вѣрили и дивились, говоритъ имъ: есть-ли у васъ здѣсь что-нибудь съѣстное?—Они-же дали Ему часть печеной рыбы и сотоваго меда. И *взявши, ѣлъ передъ ними*“. (Ев. Луки, XXIV, 36—43).

Духовная сила, внутренно свободная въ Христѣ отъ всякихъ ограниченій, нравственно безпредѣльная, естественно освобождается въ Его воскресеніи и отъ всякихъ внѣшнихъ ограниченій и, прежде всего, отъ односторонности бытія исключительно духовнаго въ противоположность бытію физическому,—воскресшій Христосъ есть *больше чѣмъ духъ*,—духъ не имѣетъ плоти и костей, духъ не вкушаетъ пищи,—какъ духъ, *навѣки воплощенный*, Христосъ со всею полнотою внутренняго психическаго существа соединяетъ и всѣ положительныя возможности бытія физическаго безъ его внѣшнихъ ограниченій. *Все живое* въ Немъ сохраняется, все смертное побѣждено безусловно и окончательно.

Будучи рѣшительною побѣдою жизни надъ смертью, положительнаго надъ отрицательнымъ,

Воскресеніе Христово есть тѣмъ самымъ торжество разума въ мірѣ. Оно есть чудо лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ первое новое проявленіе чего-нибудь, какъ необычное, невиданное, удивляетъ или заставляетъ *чудиться*. Если мы, забывъ о результатахъ всемірнаго процесса въ его цѣломъ, будемъ только слѣдить за различными новыми его стадіями, то каждая изъ нихъ представится чудомъ. Какъ появленіе перваго живого организма среди неорганической природы, какъ, затѣмъ, появленіе перваго разумнаго существа надъ царствомъ безсловесныхъ было чудомъ, такъ и появленіе перваго всецѣло-духовнаго и потому неподлежащаго смерти человѣка—первенца отъ мертвыхъ—было чудомъ. Если чудесами были предварительныя побѣды жизни надъ смертью, то чудомъ должно признать и побѣду окончательную. Но то, что *представляется* какъ чудо, *понимается* нами какъ совершенно естественное, необходимое и разумное событіе. Истина Христова Воскресенія есть истина всецѣлая, полная — не только истина вѣры, но также и истина разума. Если-бы Христосъ не воскресъ, если-бы Каіафа оказался правымъ, а Иродъ и Пилатъ—мудрыми, міръ оказался-бы безсмыслицею, царствомъ зла, обмана и смерти. Дѣло шло не о прекращеніи чьей-то жизни, а о томъ, прекратится-ли *истинная* жизнь, жизнь совершеннаго праведника. Если *такая* жизнь не могла одолѣть врага, то какая же оставалась надежда въ будущемъ? Если-бы Христосъ не воскресъ, то кто-же могъ-бы воскреснуть?

Христосъ воскресъ!

Свѣтлое Воскресеніе 1897 г. с. Пустынька.

II.

О добросовѣстномъ невѣріи.

Было-бы очень печально, если-бы истины вѣры были сразу очевидны для всякаго. Тогда онѣ собственно и не были-бы истинами *вѣры*. Богъ, спасеніе души, всеобщее воскресеніе совершенно *достовѣрны*, но ихъ достовѣрность не есть принудительная для всякаго ума очевидность, принадлежащая положеніямъ математическимъ съ одной стороны и прямо наблюдаемымъ фактамъ—съ другой. Очевиднымъ бываетъ только маловажное для жизни. Математическія истины имѣютъ всеобщее значеніе, но онѣ нравственно безразличны. Всегда и вездѣ дважды пять составляетъ десять, но отъ этого никому не тепло и не холодно. Съ другой стороны факты, прямо наблюдаемые, могутъ быть болѣе интересны, но зато они совершенно лишены всеобщаго движенія, они ограничены и мимолетны. Я вижу, что сейчасъ въ Москвѣ ясный солнечный день. Это фактъ очевидный и не лишенный нѣкотораго интереса, но его никакъ нельзя удержать и превратить въ истину неизмѣнную вездѣ и всегда,—фактъ достовѣренъ только здѣсь и

сейчасъ. Подобнымъ образомъ и всякая другая очевидность сама по себѣ или формальна, какъ математика, или случайна, какъ сегодняшній свѣтлый день въ Москвѣ. А все то, въ чемъ всеобщность и внутренняя необходимость соединяются съ жизненною важностью,—всѣ такіе предметы лишены прямой очевидности и осязательности для ума и для внѣшняго чувства. Отвергать ихъ на этомъ основаніи, т. е. признавать истиннымъ или достовѣрнымъ только то, что имѣетъ очевидность математической аксіомы или наблюдаемаго чувственнаго факта—было бы признакомъ тупоумія едва-ли вѣроятнаго, или во всякомъ случаѣ крайне рѣдкаго. Обыкновенно истины вѣры отвергаются заранѣе не по грубости ума, а по лукавству воли. Нѣтъ сердечнаго влеченія къ такимъ предметамъ, какъ Богъ, спасеніе души, воскресеніе плоти, нѣтъ желанія, чтобы эти истины дѣйствительно существовали, безъ нихъ жизнь легче и проще, лучше о нихъ не думать,—а тутъ уже уму не трудно найти предлогъ, чтобы не думать объ нихъ, или по крайней мѣрѣ, не считаться съ ними серьезно: вѣдь все это вещи, которыхъ нельзя *доказать* ни разумомъ, ни опытомъ, значитъ, все это недостовѣрно, фантастично.

Такое невѣріе, въ сущности неувѣренное въ самомъ себѣ и потому болѣе или менѣе *озлобленное* противъ тѣхъ предметовъ, существованіе которыхъ оно отрицаетъ, — этимъ озлобленіемъ и выдаетъ себя, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ сердиться на то, чего и нѣтъ совсѣмъ,—такое невѣріе *недобросовѣстно*; въ лучшемъ случаѣ оно основано на малодушномъ отказѣ отъ той работы

ума и отъ того подвига воли, которые необходимы, чтобы постигнуть и усвоить истины, лежащія за предѣлами математической и фактической очевидности. Но есть другого рода невѣріе, совершенно *добросовѣстное*, основанное не на какомъ-нибудь недостаткѣ нравственномъ, а только на извѣстной особенности психологическаго темперамента. Типичный представитель такого невѣрія увѣковѣченъ Евангеліемъ въ лицѣ св. Ѳомы. „Ѳома же, одинъ изъ двѣнадцати, называемый Близнецъ, не былъ съ ними, когда приходилъ Іисусъ; говорили-же ему другіе ученики: мы видѣли Господа. А онъ говоритъ имъ: если не увижу на рукахъ Его язвы гвоздныя и не вложу перста въ язвы гвоздныя и не вложу руки моей въ ребро Его, не повѣрю. И черезъ восемь дней опять были внутри ученики Его, и Ѳома съ ними. Пришелъ Іисусъ при дверяхъ затворенныхъ и сталъ посрединѣ и сказалъ: миръ вамъ! Затѣмъ говоритъ Ѳомѣ: дай перстъ свой сюда и смотри руки Мои, и дай руку свою и вложи въ ребро Мое, и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ. И отвѣчалъ Ѳома и сказалъ Ему: Господь мой и Богъ мой.—Говоритъ ему Іисусъ: потому что видѣлъ Меня, Ѳома, увѣровалъ; блаженны невидѣвшіе и вѣровавшіе“. (Ев. Іоанн., XX, 24—29).

Если-бы невѣріе Ѳомы происходило отъ грубаго матеріализма, сводящаго всю истину къ чувственной очевидности, то, убѣдившись осязательно въ фактѣ воскресенія, онъ придумалъ-бы для него какое-нибудь матеріалистическое объясненіе, а не воскликнулъ-бы: Господь мой и Богъ мой! Съ точки зрѣнія чувственной очевидности язвы гвоздныя и

прободенное ребро никакъ не доказывали Божества Христова. Еще яснѣе, что невѣріе Ѳомы не вытекало изъ нравственной несостоятельности, или изъ вражды къ истинѣ. *Любовь* къ истинѣ привлекла его къ Христу и породила въ немъ безграничную преданность Учителю. Когда передъ послѣднимъ путешествіемъ въ Іерусалимъ Христосъ отвергъ указаніе на грозящую смертельную опасность, Ѳома воскликнулъ: „Пойдемъ и мы умремъ вмѣстѣ съ Нимъ!“ (Ев. Іоан., XI, 16).

Недаромъ это отмѣчено въ Евангеліи. Въ этомъ пылкомъ выраженіи сердечной преданности есть указаніе на психологическую причину невѣрія ап. Ѳомы. Стремительный, предваряющій событія характеръ, принявъ истину, требуетъ немедленнаго ея осуществленія, онъ не удовлетворяется принципіальною увѣренностью, не полагается и на чужое свидѣтельство, ему нужно *теперь*, *здѣсь* удостовѣриться въ ней на дѣлѣ, испытать ея реальную силу, провѣрить истину фактомъ. До тѣхъ поръ онъ отказывается вѣрить: если не увижу, не повѣрю. Но разъ увидѣвъ, онъ уже беззавѣтно вѣритъ и въ то, чего не видѣлъ и чего нельзя видѣть: чувственный фактъ былъ не основаніемъ, а лишь точкою опоры для его вѣры.

Временное, добросовѣстное невѣріе, ради окончательнаго и полнаго удостовѣренія въ истинѣ, не заслуживаетъ нравственнаго осужденія. Христосъ и не осудилъ Ѳому, а убѣдилъ его тѣмъ способомъ, котораго онъ требовалъ. Люди, не нуждающіеся въ этомъ способѣ, вѣрующіе безъ провѣрки, могутъ быть не лучше Ѳомы,—они только счастливѣе его: блаженны не видѣвшіе и вѣровавшіе. Но блажен-

ство спокойной и непоколебимой вѣры *обязываетъ* своихъ обладателей снисходительно относиться къ своимъ менѣе счастливымъ собратьямъ. Во времена преобладающаго невѣрія важно различать, съ *какимъ* невѣріемъ имѣешь дѣло. Есть-ли это невѣріе грубо-матеріальное, скотоподобное, не способное возвыситься до самаго понятія объ истинѣ,—о такомъ безполезно разсуждать: non raggionar di lor, ma guarda e passa; или это есть невѣріе лукавое, сознательно злоупотребляющее разными полуистинами изъ враждебнаго страха передъ полною истиною,—за этою змѣей необходимо слѣдить, безъ гнѣва и боязни раскрывая всѣ ея ухищренные извороты; или, наконецъ, мы имѣемъ дѣло съ чисто-человѣческимъ, добросовѣстнымъ невѣріемъ, жаждущимъ только полнаго и окончательнаго удостовѣренія въ совершенной истинѣ. Это невѣріе типа апостола Ѳомы имѣетъ всѣ права на нравственное наше признаніе, и если мы не можемъ, подобно Христу, дать этимъ людямъ требуемое ими удостовѣреніе истины, то ни въ какомъ случаѣ не должны мы осуждать и отвергать ихъ: безъ всякаго сомнѣнія эти мнимо-невѣрующіе предварятъ въ царствіи Божіемъ великое множество мнимовѣрующихъ.

Недѣля о Ѳомѣ 1897 г. Москва.

III.

Женскій вопросъ.

Онъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ томъ множествѣ „вопросовъ“, съ которымъ мы готовимся перейти въ XX вѣкъ. Какъ любовь, по мнѣнію одного студента богословія, раздѣляется на искреннюю и неискреннюю, такъ всѣ вопросы вообще раздѣляются на серьезные и праздные. Серьезными должно признать тѣ, за которыми стоитъ какой-нибудь дѣйствительный фактъ, какая-нибудь происшедшая перемѣна въ жизни или сознаніи людей,—перемѣна болѣе или менѣе общаго и, слѣдовательно, общественнаго значенія. Женскій вопросъ должно признать серьезнымъ, потому что за нимъ скрывается такая перемѣна. Множество женщинъ и дѣвицъ перестали удовлетворяться семейною жизнью и утратили способность сидѣть спокойно дома, занимаясь домашними дѣлами. Овладѣвшее ими душевное безпокойство выражается нерѣдко жалкимъ и комичнымъ образомъ, но оно существуетъ и растетъ, и никакими разсужденіями и насмѣшками отъ него не отдѣлаешься. Да и что можно возразить человѣческому существу, которое

говоритъ намъ: такая жизнь меня не удовлетворяетъ, мнѣ этого мало, я не хочу быть только средствомъ для рожденія и воспитанія другихъ существъ, я хочу также жить для себя, имѣя свою собственную цѣль.—Въ *чемъ* можетъ состоять эта цѣль, *чего* собственно хотятъ эти женщины,—совершенно неясно для нихъ самихъ: ясно только, что онѣ прежняго *не* хотятъ и разстались съ нимъ навсегда.

Роль женщины въ исторіи совершенно соотвѣтствуетъ ея физіологической роли. Зачинать сама новую жизнь она не можетъ, но зачатую другимъ или отъ другого она вынашиваетъ и выводитъ на свѣтъ Божій, и безъ этого ея участія ничего-бы на свѣтѣ не произошло. Относительно духовной жизни и управляющихъ ею идей это такъ же вѣрно, какъ и относительно жизни физической. Для успѣшнаго исполненія своей роли въ общей исторіи человѣчества женщина обладаетъ двумя противуположными характерными свойствами, совмѣщая консерватизмъ съ измѣнчивостью. Замѣчаніе народной мудрости: „баба мѣшокъ, что положишь, то и несетъ“ — необходимо дополняется вселенскимъ опытомъ: „жены алчутъ новизны, постоянный миръ имъ страшенъ“.

Въ эпохи, когда жизненныя идеи, нѣкогда вынашенныя, рожденныя и воспитанныя женщинами, еще владѣютъ человѣчествомъ и даютъ смыслъ его существованію, еще нужны для него,—женщины, довольныя своимъ историческимъ дѣломъ, проявляютъ прежде всего общественный консерватизмъ, а свою „жажду новизны“ удовлетворяютъ лишь частнымъ образомъ, предаваясь новымъ мо-

дамъ и личнымъ увлеченіямъ любовной страсти. А въ тѣ эпохи, когда старыя формы жизненныхъ началъ исчерпаны и истощены, и требуется переходъ къ новымъ идейнымъ зачатіямъ, женщины если не раньше, то сильнѣе и рѣшительнѣе мужчинъ испытываютъ недовольство традиціонными рамками жизни и стремленіе выйти изъ нихъ на встрѣчу новому, грядущему. Прежде, чѣмъ онѣ попадутъ на истинное, онѣ съ жаромъ хватаются за все, что имъ представляется. Такъ Марія Магдалина прежде, чѣмъ найти Христа, прошла черезъ власть семи бѣсовъ. Не наберется-ли это число и для тѣхъ ложныхъ идей, которыя частію одновременно, частію поперемѣнно овладѣвали современною женщиной? Да и вправду семь: бѣсъ „свободной любви“, бѣсъ политической агитаціи, бѣсъ обожествленнаго естествознанія, бѣсъ внѣшняго „опрощенія“, бѣсъ обязательнаго безбрачія, бѣсъ „экономическаго матеріализма“, бѣсъ эстетическаго декадентства.

Всѣ эти бѣсы могутъ обманывать и мучить, но дѣйствительнаго удовлетворенія дать они не могутъ—и женской душѣ еще менѣе, чѣмъ мужской. Истинное удовлетвореніе дастъ только единая истина, которая не можетъ быть сегодняшней или завтрашней, она вѣчная. Но дѣло въ томъ, что внутреннее воспріятіе вѣчной истины человѣкомъ перерастаетъ тѣ или другія временныя формы своего проявленія и дѣйствія. Ждать совершенно новаго, неслыханнаго слова, есть, конечно, ребяческая иллюзія. Единое слово истины сказано, и другого мы не услышимъ, потому что другого нѣтъ и быть не можетъ. Устарѣло не оно, а наше разумѣніе его.

Новый образъ пониманія, усвоенія и осуществленія вѣчнаго слова истины всегда возможенъ и нынѣ становится необходимымъ. Смятеніе женской души—явный признакъ этой потребности и ея близящагося удовлетворенія. Разрѣшеніе женскаго вопроса, какъ и всѣхъ другихъ серьезныхъ вопросовъ—въ понятомъ, осмысленномъ и оживотворенномъ христіанствѣ. Женщины первыя поднялись на встрѣчу воскресшему Христу. Смыслъ нынѣшняго женскаго движенія, по избавленіи отъ семи бѣсовъ, приготовить новыхъ женъ мvроносицъ для предстоящаго воскресенія всего христіанства.

Недѣля мvроносицъ 1897. Москва.

IV.

Восточный вопросъ.

Практическое рѣшеніе этого рокового вопроса отлагается по общему сознанію на неопредѣленное время, достаточное во всякомъ случаѣ для спокойнаго размышленія.

Въ новой исторіи этотъ вопросъ, наслѣдованный отъ древнѣйшихъ временъ, опредѣлился превращеніемъ греческаго Константинополя въ турецкій Стамбулъ—четыреста сорокъ четыре года тому назадъ *). Была-ли эта гибель восточно-римской Имперіи и порабощеніе мусульманствомъ всего грекославянскаго міра на Балканскомъ полуостровѣ безсмысленною случайностью? Христіанскіе современники катастрофы, пораженные и подавленные ею, находили однако для нея оправданіе,—въ торжествѣ враждебнаго агарянскаго царства они видѣли наказаніе Божіе за грѣхи христіанъ. Выраженный съ дѣтскою наивностью, этотъ взглядъ въ сущности глубоко правъ. Дѣло, конечно, не въ индивидуальныхъ грѣхахъ, которыхъ всегда и вездѣ было довольно, а въ грѣхѣ собирательномъ, историческомъ. Отъ этого грѣха, и только отъ него

*) Писано въ 1897 г., къ концу послѣдней греко-турецкой войны.

зависѣла и зависитъ судьба Царьграда и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшеніе Восточнаго вопроса, который по существу своему есть вопросъ *религіозно-политическій.*

Преодолѣвши послѣднее серьезное уклоненіе отъ христіанской истины въ области догматической—иконоборчество,— Византія крѣпко держалась за букву правовѣрія, заслуги ея въ этомъ отношеніи мы отрицать не станемъ. Но свято храня букву, которая мертвитъ, Византійцы несомнѣнно все болѣе и болѣе забывали о духѣ, который животворитъ. Этотъ духъ исчезъ изъ жизни общественной, и, несмотря на всѣ частныя усилія, его потеря привела къ полному разслабленію собирательный организмъ Имперіи. Отъ народовъ и царствъ, какъ и отъ отдѣльныхъ лицъ, христіанскій духъ прежде всего требуетъ *недовольства собою и стремленія къ совершенству.* Безъ этого невозможно ни дѣйствительное сохраненіе, ни улучшеніе жизни. Между тѣмъ Византійское общество, несмотря на всѣ испытанныя имъ бѣдствія, пребывало въ неизмѣнномъ самодовольствѣ и презрѣніи ко всему чужому, безъ всякой самокритики и безъ всякаго стремленія согласовать дѣйствительный общественный строй съ высшимъ идеаломъ добра, принимаемаго на словахъ въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ.

Но развѣ западный міръ былъ болѣе христіанскимъ, чѣмъ восточный? Конечно *нѣтъ*, если имѣть въ виду достигнутый идеалъ, и конечно *да*, если смотрѣть на живое *стремленіе* и дѣйствительное *движеніе* къ лучшему. При всѣхъ историческихъ недостаткахъ средневѣковаго христіанства на Западѣ, оно поддерживало *дѣятельную* религію, и ког-

да въ XV вѣкѣ суровая опека церкви надъ возмужалыми народами стала приходить къ концу, эти народы выступили со всею полностью духовныхъ силъ и стремленій. Сокровища древней эллинской культуры, хранившіяся византійскими греками безъ всякаго употребленія какъ въ сундукѣ скупца, попавъ въ руки западныхъ европейцевъ, могущественно двинули впередъ великое „Возрожденіе“ искусствъ и наукъ, о какомъ византійскіе греки и не мечтали. Итальянскіе и германскіе „гуманисты перваго поколѣнія“—люди искренно благочестивые,—ставили своею задачей пользоваться для украшенія и укрѣпленія христіанства лучшими плодами языческой культуры. Рядомъ съ этимъ стало неутомимое стремленіе расширять внѣшніе предѣлы христіанскаго міра, пока весь земной шаръ не былъ охваченъ европейскою предпріимчивостью. Наконецъ третье великое движеніе въ западномъ мірѣ—чистое въ своихъ источникахъ, хотя и уклонившееся во всевозможныя заблужденія—движеніе къ преобразованію и возрожденію самой церкви.

Какъ-бы мы ни смотрѣли на западный міръ въ началѣ новой исторіи, во всякомъ случаѣ, онъ представлялъ прямую противоположность тому упадку силъ и тому разслабленію духа, которыми страдалъ христіанскій востокъ того времени. Источники жизни были тогда безспорно на Западѣ, къ этимъ источникамъ должно было прійти и наше отечество, сначала взявшее у Византіи все, что та могла завѣщать намъ.

Между тѣмъ съ XVIII вѣка стала обнаруживаться въ Европѣ, а потомъ еще болѣе въ Америкѣ историческая односторонность Запада. Дѣятельный и

предпріимчивый характеръ сталъ принимать все болѣе и болѣе внѣшнее и поверхностное направленіе, героическое стремленіе къ подвигамъ стало превращаться въ безпокойную подвижность, утвержденіе человѣческой личности съ ея безконечными стремленіями и правами стало переходить въ отрицаніе того, что выше человѣческой личности. Гуманизмъ, разросшійся въ ущербъ благочестію, въ свою очередь поглощался натурализмомъ и человѣческое начало, отдѣленное отъ божественнаго, теряло высшій смыслъ жизни и при всѣхъ своихъ формальныхъ пріобрѣтеніяхъ оказывалось безсильнымъ по существу и впадало въ „рабство суетѣ— немощнымъ и скуднымъ стихіямъ міра".

Это прямая противуположность тому, отъ чего погибла Византія. На Западѣ все болѣе и болѣе забываютъ о Богѣ, какъ въ Византіи забывали о человѣкѣ, забывали на дѣлѣ о той сущности христіанства, которую такъ ревностно защищали на словахъ,—о томъ, что въ Христѣ совершенный Богъ нераздѣльно и существенно соединенъ съ совершеннымъ человѣкомъ, съ которымъ слѣдовательно можетъ и должно быть связано все человѣческое и въ нашей жизни—и личной и собирательной. Мусульманство, безусловно отдѣляя Бога отъ человѣка, дѣлало по принципу, откровенно и честно то, что византизмъ дѣлалъ вопреки своему собственному исповѣданію, скрыто и фальшиво. На почвѣ общаго имъ заблужденія мусульмане были правѣе, а потому и сильнѣе византійцевъ и должны были одолѣть ихъ, потому что исторія имѣетъ внутреннюю логику и нравственный смыслъ.

Но именно поэтому люди цѣльнаго заблужденія,

одолѣвши по праву людей раздвоившихся между истинными словами и ложною жизнью, не могутъ однако торжествовать окончательно. Односторонность неподвижнаго Востока должна также обнаружить свою несостоятельность, какъ и одностороннее движеніе Запада,—и дѣйствительно въ тотъ самый осьмнадцатый вѣкъ, когда стали замѣтны первые признаки внутренняго духовнаго оскудѣнія на Западѣ, тогда-же начала колебаться внѣшняя сила мусульманской державы. Но кто-же устоитъ при этомъ паденіи обѣихъ историческихъ силъ? Кто упразднитъ обѣ односторонности живымъ осуществленіемъ полной истины? Есть-ли такая міровая сила, которая могла-бы истиннымъ соединеніемъ соединить въ исторической жизни божеское начало съ человѣческимъ, благочестіе съ образованностью, религію съ гуманизмомъ, истину Востока съ истиною Запада и во имя этой полной истины сказать разслабленному греко-славянскому міру: *Встань и ходи!*

Недѣля о разслабленномъ 1897 г. Москва.

V.

Два потока.

Раннее утро. Курьерскій поѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ, оставивъ большую станцію, называемую *Малая*-Вишера, и промчавшись мимо маленькаго полустанка, называемаго зато *Большая*-Вишера, вдругъ остановился въ узкой полянѣ между двухъ лѣсовъ. Поднялась суетня и крики. Пассажиры встревожились; нѣкоторые выходили изъ вагона. Я взглянулъ въ открытое окно. Въ бесѣдѣ съ почтительно вытянувшимся оберъ-кондукторомъ какой-то изящнаго и энергичнаго вида господинъ, между молодыхъ и среднихъ лѣтъ, изливалъ свое негодованіе, показывая на стоявшаго поодаль желѣзнодорожнаго чина (можетъ быть, старшаго машиниста—я въ этой іерархіи не твердъ). Хотя чинъ былъ, вѣроятно, значительно ниже V класса, но относившаяся къ нему рѣчь сердитаго пассажира состояла главнымъ образомъ изъ повторенія двухъ словъ, напоминающихъ своими иниціалами статскаго совѣтника. Я нѣсколько испугался, когда говорившій, оставивъ оберъ-кондуктора, направился къ самому предполагаемому виновнику про-

исшествія. Но ничего страшнаго не случилось; должно быть, пассажиръ, поминавшій универсальнаго статскаго совѣтника, былъ болѣе сердитъ, чѣмъ силенъ. Я услыхалъ громкій, но добродушно-брюзгливый голосъ желѣзнодорожнаго чина: „Ну, что-жъ такое? Вездѣ можетъ случиться! Хуже было-бы, если-бы не остановились, и вамъ-бы голову оторвало“.—Посмотрѣлъ-бы я, какъ-бы вы мнѣ посмѣли голову оторвать.—„Ну, не голову, такъ нѣсколькихъ реберъ не досчитались-бы. А теперь часа полтора, либо два постоимъ, пока другой паровозъ доставятъ—вотъ и вся бѣда“. Несмотря на продолжавшееся ворчанье пассажировъ и ихъ язвительныя указанія на явное противорѣчіе между названіемъ „курьерскій“ и двухчасовою неподвижностью—я пришелъ въ наилучшее расположеніе духа и отправился въ лѣсъ наслаждаться весеннею благодатью. Нѣсколько простолюдиновъ, занятыхъ разысканіемъ отпавшихъ отъ паровоза необходимыхъ „частей“, поразили меня тѣмъ полнымъ спокойствіемъ, съ которымъ они дѣлали свое дѣло. Стрѣлочникъ и его баба прервали дѣловой разговоръ, чтобы участливо и подробно объяснить мнѣ, гдѣ можно безопасно перейти глубокую канаву и, минуя болото, попасть на лѣсную тропинку. Скоро, охваченный растительными и почвенными запахами, подъ выкликаніе кукушекъ, я углубился въ лѣсъ и въ размышленіе.

Когда человѣкъ, подобно мнѣ, „входитъ въ настоящія лѣта“, по выраженію Островскаго, то самое элементарное благоразуміе требуетъ отъ

него, чтобы онъ смотрѣлъ на свою жизнь уже не какъ на жизнь, а лишь какъ на „прочее время живота“. Разница та, что въ собственно такъ-называемой жизни, то-есть въ молодости, высшее напряженіе силъ произвольно тратится на цѣли пустыя, или фантастическія, тогда какъ въ „прочее время живота“ человѣку, не желающему отказаться отъ смысла и достоинства своего существованія, приходится поневолѣ малый остатокъ силъ прилагать къ одной единственной, но зато самой огромной и важной цѣли—обезпеченію совершеннаго безсмертія. Есть еще, можетъ быть, такіе ангельскіе люди, которые, минуя всякія увлеченія житейскими призраками, прямо приступаютъ къ приготовленію христіанской кончины живота. Но, вообще, сыны человѣческіе лишь опытомъ познаютъ различіе между мнимыми благами и настоящимъ добромъ, между призраками и истиной. И вотъ является парадоксальная задача: какимъ образомъ посредствомъ малыхъ силъ реализовать безконечную нравственную величину?

Вообще, наше существованіе слагается изъ *страстей* и *дѣлъ*. Я говорю про необходимый *матеріалъ* нашего душевнаго бытія. Когда такого матеріала нѣтъ, является скука, тоска, отвращеніе отъ жизни, и человѣкъ начинаетъ искать веревку, чтобы повѣситься,—явное доказательство, что безъ страстей и дѣлъ онъ существовать не можетъ. Поэтому, проповѣдь безстрастія и недѣланія можетъ объясняться только недоразумѣніемъ, что явно уже изъ того, что сама эта проповѣдь есть нѣкоторое *дѣло* (предполагающее много другихъ дѣлъ, какъ работа переписчиковъ, типографій,

книгопродавцевъ), и что это дѣло неизбѣжно предполагаетъ нѣкоторую *страсть*,—именно страсть къ проповѣдничеству или распространенію своихъ идей. Благовидный поводъ къ проповѣди безстрастія и недѣланія дается тѣмъ фактомъ, что страсти человѣческія по большей части недостойны и безсмысленны, и что дѣла человѣческія въ большинствѣ случаевъ суетны. Но что-же изъ этого слѣдуетъ? Неужели мы должны погасить свои свѣчи и лампы и затушить свой каминъ потому только, что злонамѣренные люди пользуются огнемъ для поджиганія частныхъ жилищъ и публичныхъ зданій? Неужели мы должны перестать умываться и пить чай только потому, что люди безразсудные употребляютъ воду съ цѣлями „утопическими“ (см. въ сенатскомъ архивѣ дѣло „объ *утопіи* серпуховскаго діакона Доброзракова въ рѣкѣ Окѣ и въ нетрезвомъ состояніи“)?

Огонь страстей и теченіе необходимыхъ дѣлъ человѣческихъ совсѣмъ не виноваты въ томъ употребленіи, которое мы изъ нихъ дѣлаемъ, какъ не виноваты кони и экипажъ, везущіе убійцу на мѣсто преступленія: они съ тѣмъ же удобствомъ повезли-бы его и для дѣлъ вѣры и любви. Зло не въ страстяхъ и въ дѣлахъ, а въ безсмысленности страстей, въ безуміи и суетности дѣлъ. Значитъ, вмѣсто безстрастія и недѣланія, требуется только примѣненіе страстей и дѣлъ къ добру и истинѣ.

Но какъ-же это сдѣлать? А какъ заставляютъ огонь и воду двигать этотъ поѣздъ? Чрезъ превращеніе и сосредоточеніе силъ. Съ помощью огня вода превращается въ паръ—и этотъ паръ,

сжатый, сосредоточенный въ котлѣ, получаетъ огромную способность механическаго движенія. Всякая страсть есть сила, всякое дѣло есть форма работы этой силы. Никакая сила и никакая работа не пропадаютъ физически, но онѣ могутъ пропадать практически для человѣка, когда разсѣеваются и расточаются безцѣльно во внѣшней средѣ. Та самая вода, которая, въ видѣ заключеннаго въ котлѣ пара, двигала этотъ паровозъ, если-бы ее вмѣсто этого вылить въ океанъ, или хотя-бы въ Маркизову лужу, не пропала-бы, конечно, физически, но скрытыя въ ней силы и вся невидимая молекулярная работа ихъ осталась-бы безъ прямой пользы для насъ. Тому-же общему закону, по которому всякая сила проявляется, или всякая работа совершается лишь насчетъ уже существующей силы или работы,—этому самому закону подчинена душевная и духовная жизнь человѣка въ ея здѣшнемъ земномъ теченіи. Такъ уже самимъ Богомъ устроено, и *дуалисты* напрасно противъ этого говорятъ. Одинъ законъ! Я знаю съ полною и безусловною достовѣрностью, что если-бы я сталъ сердиться, негодовать и браниться по поводу остановки поѣзда, то моя душевная энергія расточилась-бы безцѣльно во внѣшней средѣ, и мнѣ не на что было-бы наслаждаться теперь безмятежно весеннимъ утромъ въ лѣсу и размышлять о физическихъ и нравственныхъ истинахъ. Но я знаю также, что если-бы во мнѣ не было способности гнѣва и страстнаго раздраженія, если-бы я былъ лишенъ этого темнаго огня, то мнѣ также нечѣмъ было-бы заплатить за ясность души и за тотъ напитокъ безсмертія, который

льетъ въ меня этотъ свѣтлый Божій день. Если-бы во мнѣ вовсе не было злой страсти, какъ скрытой силы, какъ потенціальной энергіи, то я былъ-бы безстрастенъ, какъ трупъ, который такъ легко разлагается, какъ бревно, которое ничего не стоитъ уничтожить, какъ куча песку, которую развѣетъ первый вѣтеръ.

Все наше существованіе есть непрерывное взаимодѣйствіе духа съ внѣшнею средой. Силы внѣшнія, воплощенныя въ разныхъ житейскихъ случайностяхъ, отовсюду устремляются, чтобы притянуть къ себѣ какъ можно больше нашихъ душевныхъ силъ поглотить ихъ и расточить во внѣшнихъ движеніяхъ и процессахъ природы. Посмотрите на этого человѣка, который отдался страсти гнѣва (самой опасной и пагубной страсти въ зрѣломъ возрастѣ, какъ сладострастіе—въ юные годы и сребролюбіе—въ старости): какая огромная трата энергіи! И на что? На безпорядочныя и разрушительныя для здоровья движенія кровеносныхъ и дыхательныхъ сосудовъ, на дикіе, полузвѣриные крики, на безсмысленныя напряженія мускуловъ и сухожилій! На нашихъ глазахъ, можно сказать, происходитъ превращеніе разумной человѣческой души въ слѣпую стихійную силу, которая безъ всякаго сопротивленія уносится темнымъ потокомъ матеріальныхъ процессовъ природы—въ конечную гибель. Но вотъ другое явленіе. Какъ внѣшнія случайности вызываютъ дѣйствіе страстной души, такъ эта душа своимъ первымъ движеніемъ, если только оно вмѣсто того, чтобы обращаться наружу, обратится внутрь, необходимо вызываетъ дѣйствіе нашей высшей духовной природы, которая,

будучи по существу внутренно безконечна и, слѣдовательно, неизмѣнна, можетъ, однако, расти и укрѣпляться въ своей являемой дѣйствительности, въ той самой душѣ, которой страстная природа или служитъ минутною пищей внѣшнихъ силъ, или-же даетъ неистребимую пищу нашему духовному существу для жизни вѣчной. Тотъ внутренній актъ, которымъ пробудившаяся страсть удержана отъ внѣшнихъ выраженій, и сила души вмѣсто того, чтобы расточиться наружу, сосредоточена, вобрана внутрь,—этотъ актъ, или эта энергія, развѣ можетъ пропасть, а такъ какъ она ни во что внѣшнее не обратилась, то на что-же она можетъ идти, какъ не на укрѣпленіе самого душевнаго существа, въ пищу его безсмертія?

Конечно, въ сильной степени страсти возбуждаются въ насъ не прямо внѣшнею случайностью, а лишь тогда, когда эта случайность уже воплотилась въ чьей-нибудь злой страсти и чрезъ нея дѣйствуетъ на нашу душу. Страсть гнѣва всего болѣе, конечно, возбуждается, когда кто-нибудь покушается на чувство нашего достоинства, оскорбляетъ наше самолюбіе, или тщеславіе. Къ такому оскорбленію возможно троякое отношеніе. Или человѣкъ отдается безъ удержа естественному чувству гнѣва и расточаетъ свою душу какъ на внѣшнія безсмысленныя движенія въ родѣ вышеописанныхъ, такъ и еще болѣе на цѣлый рядъ сложныхъ дѣйствій, внушенныхъ злобою и местью; такой человѣкъ прямо съ головою бросается въ уносящій нашу жизнь потокъ матеріальныхъ процессовъ, за которыми скрываются невѣдомыя враждебныя силы, пожирающія нашу душу. Или-

же, какъ буддійскіе и стоическіе мудрецы, мы захотимъ внѣшней враждѣ противопоставить лишь свое безчувствіе или безстрастіе, стараясь устоять неподвижными въ потокѣ матеріальныхъ случайностей; но если-бы даже это удалось, кому и какая отъ этого польза? Есть третій и совершенный способъ: внѣшнему потоку, стремящемуся унести нашу душу, должно противупоставить не стоическое равнодушіе, а новое чувство, отвѣчающее добромъ на зло и рождающее внутри души другой самостоятельный потокъ движеній и дѣйствій, все болѣе и болѣе расширяющихъ и укрѣпляющихъ наше существо. Вода перваго потока—удовлетвореніе страстей внѣшними дѣлами лишь на минуту утоляетъ жажду души; вода второго потока—превращеніе злой страсти въ доброе внутреннее чувство есть постоянное и безконечное удовлетвореніе духа, непрерывный приростъ и утвержденіе жизни безъ всякой убыли и урона. Кто пьетъ отъ этой воды, не будетъ жаждать во вѣкъ; но вода эта становится въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную.

Недѣля о самарянкѣ 1897 г. Петербургъ.

VI.

Слѣпота и ослѣпленіе.

Вы помните, конечно, знаменитый образъ того талантливаго дѣятеля, который былъ не только „картежникъ, дуэлистъ“, но „и крѣпко на руку нечистъ“.

> Когда-жъ о честности высокой говоритъ,
> Какимъ-то демономъ внушаемъ,
> Въ глазахъ огонь, лицо горитъ,—
> Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ.

Этотъ геніальный образъ не сочиненный, а живьемъ схваченный и увѣковѣченный Грибоѣдовымъ, представляетъ собою настоящій типъ, русскій и всемірный. И вотъ яркое опроверженіе ошибочной теоріи, издавна распространенной и въ философіи, и въ общественномъ мнѣніи, и обманувшей даже мудрѣйшаго изъ эллиновъ, Сократа, съ именемъ котораго она остается связанной. Утверждаютъ, будто человѣкъ заблуждается и отвергаетъ на дѣлѣ истину только потому, что ее не видитъ; поэтому стоитъ лишь просвѣтить всѣхъ людей, и они, познавъ истину, станутъ творить ее, и добродѣтель будетъ царствовать въ мірѣ. Такое мнѣніе

явно опровергается дѣйствительнымъ опытомъ, который показываетъ, что явное пониманіе истины имѣетъ не одинаковаго, а *троякаго* рода послѣдствія: для однихъ людей понимать истину значитъ на дѣлѣ принимать ее, другіе остаются къ ней равнодушными, третьихъ она ожесточаетъ, какъ это пришлось Сократу узнать на самомъ себѣ, когда его разумное служеніе истинѣ приготовило ему преданныхъ друзей и учениковъ съ одной стороны, а съ другой — смертный приговоръ его враговъ, утвержденный „толпой бездушной“.

Увѣковѣченный Грибоѣдовымъ моралистъ, крѣпко нечистый на руку, съ полною ясностью видѣлъ по крайней мѣрѣ элементарную истину, что высокая честность превосходнѣе шулерства. Это ясное сознаніе, наполнявшее его душу восторгомъ, давало ему полное внутреннее удовлетвореніе, не оставляя мѣста для заботъ о согласованіи дѣлъ со словами и чувствами. Это есть самый распространенный типъ людей, видящихъ истину и не творящихъ ее. Имѣю въ виду, разумѣется, лишь сущность дѣла, а не художественную яркость образа и рѣзкость контраста. Не у многихъ, конечно, увлеченіе высокими словами доводитъ слушателей до рыданій, и точно также не у многихъ уклоненіе отъ исповѣдуемыхъ на словахъ идеальныхъ нормъ доходитъ до крѣпкой „нечистоты на руку“. Но типиченъ тотъ психологическій обманъ, который подмѣниваетъ эстетическимъ удовольствіемъ нравственное удовлетвореніе. Весьма многочисленную разновидность этого типа составляютъ тѣ благочестивые люди, которыхъ религіозная потребность вполнѣ покрывается наслажденіемъ отъ обрядовой и эсте-

тической стороны церкви, безъ всякаго намека на интересъ къ жизненной задачѣ христіанства. Другую разновидность составляютъ такъ называемые люди сороковыхъ годовъ, тургеневскіе герои и т. д. Всѣ эти люди, столь разнообразные въ другихъ отношеніяхъ, сходятся между собою въ томъ, что истина есть для нихъ предметъ теоретическаго пониманія и эстетическаго наслажденія, а не практическаго исполненія, о которомъ они просто забываютъ. Всѣ они, не исключая и грибоѣдовскаго проповѣдника высокой честности, заслуживаютъ извиненія, потому что въ своемъ увлеченіи, такъ же, какъ и въ забвеніи, они бываютъ, вообще говоря, искренними, потому что, легко нарушая практическія требованія истины, они не вооружаются противъ самой истины и даже прославляютъ ее своею платоническою любовью.

Но въ наше время пестрая толпа этихъ платоническихъ поклонниковъ истины, которые однимъ своимъ существованіемъ опровергали тотъ сократовскій взглядъ, что ясное знаніе истины достаточно для добродѣтели,—начинаетъ все болѣе и болѣе рѣдѣть, и все смѣлѣе, но и безумнѣе выступаютъ люди другого рода, которые не только видятъ истину, но и *ненавидятъ* ее,—именно потому ненавидятъ ее, что слишкомъ хорошо видятъ ее, не теоретически и эстетически только, а со всѣми ея практическими требованіями и послѣдствіями. Они ненавидятъ истину за то, что она обязываетъ ихъ къ дѣйствіямъ, которыхъ они не хотятъ. Кромѣ духовно-слѣпыхъ, утратившихъ способность яснаго зрѣнія въ силу болѣзни души, унаслѣдованной отъ предковъ и пріобрѣтенной собственными при-

вычными грѣхами,—слѣпыхъ, которые еще могутъ исцѣлиться и прозрѣть, и кромѣ тѣхъ, которыхъ духовное зрѣніе ограничено лишь одною стороною истины, и которые, хотя съ большимъ трудомъ, но все-таки допускаютъ исцѣленіе, есть еще души сознательно, по собственному рѣшенію ослѣпляющія себя изъ ненависти къ истинѣ, которую они видятъ вполнѣ и со всѣхъ сторонъ. Такіе самоослѣпленные не могутъ быть исцѣлены, потому что они не хотятъ исцѣленія.

Если не останавливаться на внѣшнихъ оболочкахъ, легко ощутить это духовное зерно зла: ненависть къ истинѣ за то добро, которое она выражаетъ, котораго она требуетъ и къ которому ведетъ. Едва-ли можно ненавидѣть истину только теоретическую—за то одно, что она истина; едва-ли кто-нибудь отрицалъ съ ненавистью, что дважды два—четыре,—но если сужденіе формальное столь-же достовѣрное, какъ и это, связано по своему содержанію съ какимъ-нибудь нравственнымъ требованіемъ,—какъ много людей вооружится противъ него съ яростью.

Возненавидѣвъ истину, за усмотрѣнную ими связь ея съ добромъ, эти люди естественно отворачиваются отъ нея и перестаютъ ее видѣть, только чувствуя за своими плечами ея враждебное присутствіе. Ослѣпленные ненавистью въ своемъ сердцѣ, они скоро теряютъ и умственное зрѣніе и становятся подъ конецъ немощными и безвредными. Все дѣло въ томъ, что внутренняя, существенная связь между добромъ и истиной не можетъ быть окончательно порвана. Поэтому, если люди умственно-слѣпые отъ наслѣдственныхъ и пріобрѣтенныхъ

грѣховъ, но сохраняющіе въ сердцѣ своемъ сѣмя добра, неизбѣжно кончатъ тѣмъ, что прозрѣютъ и увидятъ истину, то столь-же неизбѣжно люди зрячіе, хорошо видящіе истину, но ненавидящіе ее въ сердцѣ своемъ за то добро, которое есть въ ней,—неизбѣжно они подъ конецъ ослѣпнутъ и умственно. Это постепенное просвѣщеніе добрыхъ слѣпыхъ и ослѣпленіе злыхъ зрячихъ составляетъ основной нравственный смыслъ историческаго процесса или всемірнаго суда, какъ сказано: „На судъ Я въ міръ сей пришелъ, чтобы невидящіе увидѣли, а видящіе стали слѣпыми“.

Недѣля о слѣпомъ 1897.

VII.

Значеніе догмата.

У кого изъ современныхъ людей, если, раскрывъ календарь, онъ прочтетъ въ обозначеніе наступающаго воскресенья слова: *Недѣля 318 св. отецъ иже въ Никеи*,—у кого эти слова вызовутъ какія-нибудь воспоминанія, чувства и мысли, хотя-бы такія, какія вызываются у насъ обыкновенно названіями Куликова поля, или Полтавы? Для огромнаго большинства образованныхъ людей Никея и 318 отцовъ—не болѣе, какъ прошлогодній снѣгъ. А между тѣмъ, христіанство есть все-таки наше духовное отечество, отъ котораго оторваться мы не можемъ въ глубинахъ нашей судьбы, и равнодушное забвеніе его исторіи, великихъ именъ и временъ его жизни можетъ вредить только намъ самимъ,—ясности и полнотѣ нашего сознанія, дѣлая насъ какими-то „непомнящими родства“.

Было время, когда религіозные догматы составляли главный, почти единственный духовный интересъ. Это была аномалія, за которую византійскій міръ, особенно ей подверженный во вторую половину своего существованія, жестоко поплатился. Но, вѣдь, бѣда заключалась здѣсь никакъ не въ

живомъ интересѣ къ истинамъ вѣры, а, напротивъ, въ слишкомъ внѣшнемъ и отвлеченномъ, *недостаточно жизненномъ* интересѣ къ этимъ истинамъ. Утрачивалась органическая связь между вѣрою и жизнью, и разсужденія о догматахъ становились для знати и для народа какимъ-то излюбленнымъ спортомъ, на ряду съ конскими ристаніями. Ясно, что предметомъ такого интереса было не содержаніе богословской истины, не ея жизненный смыслъ, а только буква догмата, техническія подробности его выраженія, взятыя отдѣльно отъ тѣхъ внутреннихъ религіозныхъ фактовъ и требованій, которые ими обозначаются. Но развѣ можно ставить въ упрекъ самому догмату такое злоупотребленіе имъ, такое превращеніе его въ любительскую игру со стороны непризванныхъ умовъ? Тѣ нелѣпыя словопренія позднѣйшихъ схоластиковъ, которыя увѣковѣчены сатирою въ „Посланіяхъ темныхъ мужей“, развѣ могутъ служить возраженіемъ противъ самой философіи?

Когда христіанскіе догматы опредѣлялись на вселенскихъ соборахъ, они не были для истинныхъ представителей церкви ни тою игрою ума, какою увлекались позднѣйшіе византійцы, ни тѣмъ чужимъ и забытымъ словомъ, какимъ они звучатъ для теперешняго слуха. Истинный догматъ есть слово Церкви, отвѣчающее слову Божію тогда, когда такой отвѣтъ требуется ходомъ исторіи и развитіемъ религіознаго сознанія. И если самимъ словомъ Божіимъ можно злоупотреблять, принимая его по буквѣ, которая мертвитъ и не пользуетъ ни мало, то тѣмъ болѣе подлежитъ такому злоупотребленію слово Церкви. Корень зла един-

ственно въ *раздѣленіи* между буквою и духомъ, между формою и сущностью. Отсюда въ двѣ противоположныя стороны идутъ двѣ вѣтви заблужденія: идолопоклонническое обожаніе буквы или внѣшней формы помимо ея смысла и духа—и слѣпое отрицаніе самого духа истины изъ-за омертвѣлой (по винѣ людей) формы, которая его закрываетъ и которая перестала быть понятной и интересной.

Дѣло стояло иначе къ 20-мъ годамъ IV вѣка. Побѣдивши невѣдѣніе проповѣдью апостоловъ и враждебное насиліе—подвигами мучениковъ, и ставши признанною вѣрою „вселенной“, т. е. римской имперіи, и этимъ избавленное отъ внѣшней борьбы, христіанство должно было сосредоточиться на выясненіи своей истины въ точныхъ и отчетливыхъ опредѣленіяхъ. Зачѣмъ? Конечно, такія опредѣленія не нужны для апостоловъ и мучениковъ: та истина, для которой они отдавали всю свою жизнь, не отдѣлялась отъ самаго ихъ существа, оно всецѣло было одушевлено и проникнуто этою истиной, отъ полноты сердца говорили ихъ уста и увлекали слышавшихъ и видѣвшихъ. Съ другой стороны безполезны формальныя опредѣленія истины для людей сознательно ей враждебныхъ, заранѣе ее отвергающихъ. Задача правильныхъ и точныхъ опредѣленій въ томъ, чтобы устранять недоразумѣнія и неясности, но зачѣмъ это для тѣхъ, кто съ полною ясностью и безъ всякихъ недоразумѣній озлобленъ противъ истины единственно за ея внутреннее достоинство, за то, что она есть выраженіе добра? Но если точное умственное опредѣленіе и выясненіе истины не нужно для

праведниковъ и безполезно для злыхъ, то оно нужно и полезно для всѣхъ тѣхъ среднихъ людей, которыхъ соблазняютъ злые и ради которыхъ трудятся праведники. Не требуется умственная работа надъ истиною для *избранниковъ* добра и зла, но она требуется для множества призванныхъ къ добру и отвлекаемыхъ зломъ. А потому великій историческій смыслъ заключается въ томъ, что періодъ господства догматическихъ споровъ и опредѣленій въ жизни церкви начался именно со времени Константина Великаго, когда, вслѣдствіе оффиціальнаго признанія христіанства въ римской имперіи, въ него нахлынули толпы людей среднихъ, пассивныхъ, стадообразное множество, легко смущаемое и сбиваемое съ толку всякими волками въ овечьей шкурѣ. Тутъ-то въ особенности должна была проявиться пастырская, т. е. пастушеская должность въ церкви. И она дѣйствительно получила особое значеніе. Время отъ IV до IX вѣка есть время окончательнаго образованія іерархіи. Всѣ основныя истины христіанства выяснены единоличными трудами архипастырей и рѣшающимъ образомъ опредѣлены на ихъ общихъ собраніяхъ—такъ называемыхъ вселенскихъ соборахъ. Первый изъ нихъ отличается передъ всѣми—тѣмъ, что въ лицѣ многихъ его членовъ архипастырское значеніе церковныхъ вождей еще не отдѣлилось отъ апостольскаго и мученическаго. Нѣкоторые изъ епископовъ, засѣдавшихъ на этомъ соборѣ, прославились обращеніемъ въ христіанство языческаго народа, другіе, изувѣченные, съ впадинами вмѣсто глазъ, ярко напоминали о недавнихъ гоненіяхъ за вѣру.

Задача этого собранія по своей важности была достойна его состава. Изначала представители христіанства чувствовали евангеліе, какъ безусловное и окончательное откровеніе истины, какъ вѣсть о совершенномъ соединеніи съ совершеннымъ Божествомъ. Если-бы Христосъ былъ только пророкомъ или даже сверхчеловѣческимъ существомъ, но ниже, чѣмъ Богъ, то это чувство полной удовлетворенности, сознаніе, что открыта не относительная, а безусловная истина, совершенный смыслъ и достоинство жизни,—это чувство и сознаніе христіанъ могло-бы быть ошибочно: могъ-бы явиться другой пророкъ и дать другія заповѣди, могло-бы воплотиться другое богоподобное существо еще высшаго разряда и открыть другія совершенно новыя задачи для жизни. То, что говорилось о Христѣ въ словѣ Божіемъ, было достаточно для истинно вѣрующихъ, для „имѣющихъ умъ Христовъ“, но допускало всякія соблазнительныя перетолкованія со стороны людей, лишенныхъ ума Христова. Нужно было сказать такое слово, которое логически не допускало пониманія Христа, какъ одного изъ пророковъ, или одного изъ эоновъ. Послѣ долгаго обсужденія и спора никейскіе отцы сказали именно такое слово. Священное писаніе говоритъ: Христосъ, Сынъ Божій, Первенецъ изъ мертвыхъ, единородный отъ Отца—все это аріане перетолковывали по своему и отнимали у Христа и христіанства абсолютное значеніе. *Единосущный Отцу*,—провозгласила церковь устами 318 отцовъ, и тутъ уже всякія перетолкованія этого перваго основного вопроса христіанской вѣры должны были кончиться. Тутъ остается только или принять, или

отвергнуть,—или *да*, или *нѣтъ*. Единосущный, т. е. одного существа или природы съ Отцомъ Вседержителемъ, значитъ Богъ по естеству, а не по избранію и усыновленію, значитъ не одинъ изъ пророковъ и эоновъ, а то самое, что чувствовали въ Немъ изначала всѣ Имъ возрожденные и что давало каждому изъ нихъ, что можетъ дать каждому изъ насъ безусловное значеніе.

Малымъ можетъ показаться это слово—единосущный Отцу—въ сравненіи съ полнотою религіозной жизни, но отцы Никейскаго собора оказались вѣрными въ маломъ и за то поставлены надъ многимъ. То Божество, Которое намъ открылось, Которое намъ доступно и къ Которому мы можемъ быть причастны, есть настоящее, совершенное Божество, а слѣдовательно, если мы хотимъ обожествленія, то можемъ его достигнуть не приблизительно и частично, а настоящимъ и всецѣлымъ образомъ. Вотъ что значитъ слово: Единосущный Отцу.

Недѣля о никейскихъ отцахъ 1897.

Книжный складъ Спб. Т-ва „ТРУДЪ“.

С.-Петербургъ. Фонтанка, 86.

— Изданія Спб. Т-ва „ТРУДЪ“. —

А. Л. ВОЛЫНСКІЙ.

Книга Великаго Гнѣва Критическія статьи о „Бѣсахъ“ Достоевскаго: Маска, Романы Ставрогина, Гробъ поваленный, Шатовъ, Праведный Агнецъ, Бури, Мадонна Сикстинская, Заключеніе.—Лекціи, читанныя въ Москвѣ и Ригѣ, Петербургѣ и Одессѣ: „Современная русская журналистика и беллетристика“, „Что такое идеализмъ?“—Современная русская поэзія.—Старый и новый репертуаръ.—Кантъ.—Около Леонардо-да-Винчи.—Іона.—Отвѣтъ. „Русскому Богатству“ и др. LXXXVIII+527. Изящное изданіе съ 12 автотипіями. Цѣна 3 р. безъ перес.

А. И. СВИРСКІЙ.

Преступникъ (Записки арестанта) **и разсказы:** Шатуны. Подаяніе. Адвокатъ. За нимъ. Степанъ. Прозрѣлъ. Ц. 1 руб.

Его-же. „Погибшіе люди“. „Міръ трущобный“. Т. I. „Міръ Тюремный“. Т. II. „Міръ нищихъ и пропойцъ“. Т. III. За всѣ 3 тома. Ц. 2 р. 25 к.

Его-же. „Рыжикъ“. Ц. 80 к., въ переплетѣ 1 р. 05 коп.

Б. П. НИКОНОВЪ.

Голосъ сердца. (Стихотворенія). Ц. 1 р.

Н. О. ПРУЖАНСКІЙ.

Т. I. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

Т. II. „Въ разгарѣ страстей“, ром.-хрон. и разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

Т. III. „Большіе таланты“. Ц. 1 р. 40 к.

Т. IV. „Безъ прикрасъ“. Ц. 1 р. 50 к.

Всѣ 4 тома. Ц. 5 руб.

Изъ воспоминаній Дяди Коли. „Поступленіе въ гимназію“. Ц. 25 к.

Его-же. „Первый день каникулъ“. Ц. 25 к.

Его-же. „Первый отпускъ“. Ц. 30 к.

Его-же. „Въ Карцеръ“. Ц. 20 к.

Его-же. „Передъ каникулами“. Ц. 15 к.

Роскошно-иллюстр. альбомы in 4°.

НАШИ АРТИСТКИ.

В. Ф. Коммисаржевская (изд. 2-е) Ю. Д. Бѣляева. Ц. 1 р.

Л. Б. Яворская Ю. Д. Бѣляева. Ц. 1 р.

М. Ф. Кшесинская Е. Е. Карпова.

Цѣна кажд. вып. 1 руб.

Роскошно-иллюстр. юбилейное изд.

М. Г. Савина. XXV лѣтъ артистической дѣятельности. Біографическій очеркъ. Въ трехъ выпуск. Съ множествомъ (болѣе 100) художест. автотипій. Ц. 3 р. 50 к., или отд. вып. по 1 р. 50 к.

Антологія. *О. Лансере.* Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, перев. на франц. языкъ въ размѣрѣ подлинниковъ (Пушкинъ, Лермонтовъ, Ал. Толстой, Фетъ, Апухтинъ, Вл. Соловьевъ, К. Р., Надсонъ), т. I. Ц. 1 р. 50 к.

Ея-же. Антологія т. II. (Тютчевъ, Полонскій, Майковъ, Некрасовъ и др.). Ц. 1 р.

За маму, за папу. *Н. Бернгардъ.* Картинка изъ дѣтской жизни. Ц. 30 к.

М. О.

Общедоступное объясненіе Евангелія въ порядкѣ земной жизни Христа Спасителя. Посвящ. православному русскому народу. Ц. 90 к. безъ перес. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ ученич. библ. ср. учебн. зав., въ библ. низшихъ училищъ и въ безплат. народн. читальни.

ВЛ. СЕРГ. СОЛОВЬЕВЪ.

Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи со включеніемъ краткой повѣсти объ Антихристѣ и съ приложеніями. Изданіе 3-е съ портретомъ и факсимиле автора. Ц. 1 р. 50 к.

П. Е. НАКРОХИНЪ.

Идилліи въ прозѣ. Разск. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

АЛ. Н. БУДИЩЕВЪ.

Лучшій другъ. Романъ. Ц. 1 р.

Стихотворенія. Ц. 1 р.

Распря. Двадцать разсказовъ. Ц. 1 руб.

Я и Онъ. Разсказы. Ц. 1 руб.

Разныя понятія. Двадцать разск. Ц. 1 р.

Степные волки. Разсказы. Ц. 1 р.

П. П. ГНѢДИЧЪ.

1-й томъ комедій. 1. На хуторѣ. — 2. Женя.—3. На южномъ берегу.—4. Въ цвѣтахъ.—5. Горящія письма.—6. Старая сказка. Изд. 2-е. Ц. 2 руб. 50 к. Для удобства исполнителей каждая комедія издана отдѣльно. Ц.—по 1 р.

Купальные огни. Романъ въ двухъ частяхъ. Ц. 2 р.

СТАРЫЙ ДЖОНЪ.

Лѣто и другіе разсказы. Ц. 1 р.

Сочин. М. О. МЕНЬШИКОВА.

Начала жизни. Нрав.-филос. соч.: Вѣра въ жизнь.—Женщина—мать.—Семья.—Дѣти.—Возрасты человѣка.—Поэзія.—Героизмъ.—Дружба.—Страданія.—Смерть. Ц. 1 р. 50 к.

Думы о счастьѣ. (Второе изданіе). Общество.—Народъ.—Природа.—Трудъ.—Цивилизація.—Прогрессъ.—Богъ. Ц. 1 р.

Народные заступники и другіе нравственно-бытовые очерки. Ц. 1 р.

О писательствѣ. О литер. и писателяхъ.—Литерат. безсиліе.—О чтеніи и проч. Ц. 1 р. 50 к.

О любви. О любовной страсти.—Суевѣрія и правда любви.—Любовь супружеская.—Любовь святая. Ц. 1 р.

Критическіе очерки. т. I. О нѣкотор. произв. гр. Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, гр. А. Толстого, Лѣскова, П. Е. Накрохина и друг. Ц. 1 р. 50 к.

Критическіе очерки. т. II. О послѣднихъ произведен. А. П. Чехова, М. Горькаго, Л. Н. Толстого, П. Боборыкина, Зола и др. Ц. 2 р. 25 к.

В. В. ПОДКОЛЬСКІЙ.

„Вечеромъ“ 10 разск. Ц. 1 р.

Д. МОРДОВЦЕВЪ.

Двѣнадцатый годъ. Истор. романъ. 2 тома. Ц. 3 р.

ИВ. ЩЕГЛОВЪ.

„Новое о Пушкинѣ“. Дорожныя впечатлѣнія и кабинетныя замѣтки. Ц. 1 р. 50 к.

В. В. КОРСАКОВЪ.

Въ Старомъ Пекинѣ. Очерки изъ жизни въ Китаѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Въ новомъ краю. *Н. Ильинъ.* Романъ-хроника въ 3 част. Ц. 2 р. 50 к.

Разсказъ скопца. (Голосъ изъ могилы живыхъ мертвецовъ). Ц. 1 р.

Танкредъ. *Лордъ Биконсфильдъ* (д'Израэли). Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— УЙДА. —

Моль. Романъ. Ц. 2 р.

„Въ царствѣ красокъ“. *Н. Н. Брешко-Брешковскій.* Ц. 1 р.

„Ночь“. *Л. Урванцовъ.* и др. разсказы. Ц. 1 р.

Въ крѣпости небывалой. *Г. Каррэмъ.* Военные разсказы, въ перепл. Ц. 1 р. 50 к.

Разсказы. *М. Бертинъ.* Ц. 1 р.

Городокъ. *И. Юрьинъ.* Сказка въ стихахъ съ рисунк. Малютина. Ц. 75 к.

Его-же. „Чужая жизнь“. Ц. 1 р.

Въ культурномъ скиту. *Ив. Абрамовъ.* (Среди неплюевцевъ). Ц. 75 к.

„Народъ-Богатырь“. *С. И. Рапопортъ.* Очерки политич. и обществ. жизни Англіи. Ц. 1 р. 50 к.

Буры и ихъ сосѣди. *Д-ръ Р. Верно.* Очеркъ съ иллюстр. перев. съ франц. М. В. Ц. 20 к

Жоржъ-Зандъ, ея жизнь и творчество. *Марсель Прево.* Ц. 25 к.

„Любовь побѣдила“. *И. Е. Раковичъ.* Романъ. Ц. 75 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Апрѣля 1904 года.

ТИПОГРАФІЯ СПБ. Т-ВА ПЕЧ. И ИЗД. ДѢЛА „ТРУДЪ“